

СМЕНА

2006

МАРТ • 3

20 Пленительная, красивая и умная

42 Наследство, которого нет

150 Смазливая ведьмочка! Так ли?

**Фэн-шуй
в вашей квартире
стр. 170—175**

СМЕНА

Литературно-художественный иллюстрированный журнал

3

Основан в январе 1924 года

2006 • МАРТ (1697)

Главный редактор

Михаил Кизилов

Зам. главного редактора

Тамара Чичина

Главный художник

Надежда Веселова

Над номером работали:

Башкеев Максим

Вартанян Галина

Исмагилова Олеся

Калинина Людмила

Молчанова Надежда

Подоляк Кирилл

Подорванова Светлана

Силакова Марина

Чейшвили Владимир

Учредитель — ООО «Издательский дом журнала «Смена»

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Набор, верстка и оформление

ООО «Издательский дом журнала «Смена».

Отпечатано в ФГУП «Смоленский

полиграфический комбинат»

по адресу: 214020, Смоленск,

ул. Смольянинова, д. 1.

Журнал выходит

12 раз в год.

© «Смена», 2006

Проект осуществляется при поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Подписной индекс в почтовых отделениях **70820** (по каталогу Агентства «Роспечать»)

ISSN 0131-6656

Наш журнал вы всегда можете купить в киосках сети

«Аргументы и факты»

Адрес редакции:

Бумажный проезд, 19, стр. 2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994.

612-15-07 — для справок.

Факс (495) 250-59-28.

E-mail: jurnal@smena-id.ru

www.smena-id.ru

Отдел распространения: (495) 257-31-37
sales@smena-id.ru

Сдано в набор 15.01.2006.

Подписано к печати 17.02.2006.

Печать офсетная.

Заказ № 13192

Тираж 50 000 экз.

Цена свободная

Журнал зарегистрирован в Комитете Российской Федерации по печати
Рег. № 014832

ЧУДЕСА НА ПЛАНЕТЕ

Игорь Опарин
Альтамира 4

ВСЕМИРНАЯ ГАЛЕРЕЯ

Ирина Опимах
Маревна 10

ИЗДАЛЕКА

Любовь Русева
Истинная дочь России 20

ПОЭЗИЯ

Екатерина Козырева
Стихи 30

LOVE STORY

Сергей Чекмаев
Три подарка 32

ДЕТЕКТИВ

Стивен Брок
Кошки-мышки 42

ЗВЕЗДЫ ЭКРАНА

Владимир Кислов
Искренний буян 129

СТОП-ТУР

Татьяна Полева
Город трех чудес 138

НОВОСТИ ЕВРОПЫ

Денис Логинов
Бельгийские экстремалы 144

КОМПЬЮТЕР

Просто Кир
Стремление к идеалу 147

МУЗЫКА

Анжелика Подольяк
Героиня нашего времени 150

ТЕХНОКРАТ

Кирилл Сорокин
Были бы крылья... 156

СПОРТ

Алина Гуринова
Изящество, легкость, грация 159

АРЕНА

Елена Феофанова
Чудо в перьях 162

РАНДЕВУ

Елена Воробьева
Покоряя сцену 166

НЕФОРМАТ

Анастасия Климская
Фэн-шуй в вашей квартире 170

КУЛИНАРИЯ

Евгения Гордиенко
Кипит волшебный горшочек... 176

ХОББИ

Ксения Мишина
Скажи это цветами 179

МОДА

Севиль Гусейнова
Золотая весна 184

КРОССВОРД

188

ЭРУДИТ

190

РЕКЛАМА

192

Илья Деревялко. Бриллиантовый психоз

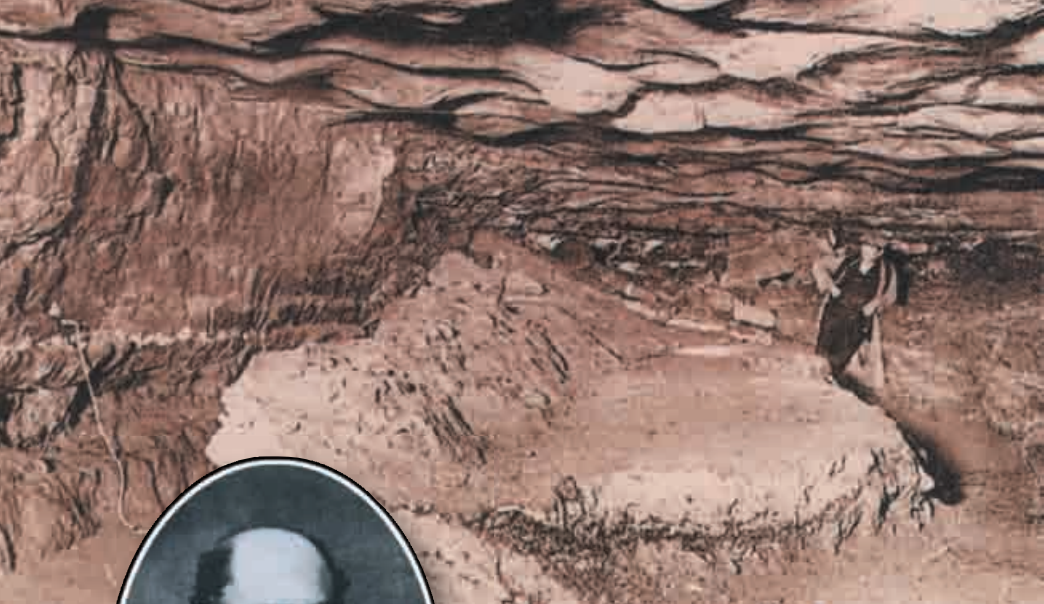
Начало этой истории уходит в далекое прошлое — во времена наполеоновской войны, когда дворецкий графини Коробковой, спасая хозяйку, спрятал ее драгоценности. Легенда о графском кладе дошла до наших дней, и четверка злополучных кладоискателей попадает в небольшой городок Лозовск Н-ской губернии, вызвав там неописуемый переполох... К чему приводит человеческая жадность, вы узнаете, прочитав новую повесть известного писателя Ильи Деревялко «Бриллиантовый психоз».

АНОНС: апрель 2006

Дональд Уэстлейк. Прогулка вокруг денег

Прекрасно задуманная Куэрком, только что вышедшим из тюрьмы, афера могла состояться лишь с помощью незадачливых воришек Дортмундера и Келпа, любимых героев многих романов Уэстлейка. Эти двое оказались не так глупы и сумели обвести вокруг пальца «сладкую парочку», завладев не только их идей, но и самими деньгами.

АНОНС: апрель 2006

Игорь Опарин

АЛЬТАМИРА

Как возникло искусство? Когда это случилось?

В истории культуры эти вопросы — одни из самых сложных, и точного ответа на них, по-видимому, не существует.

Скорее всего, процесс возникновения художественной деятельности шел постепенно, начавшись на заре человеческой эры и развиваясь вместе с человеком, с его духовным и социальным взрослением. Трудно судить, как звучали первые мелодии — их уже никто не поет, не знают, и какими были первые

танцы — их уже никто не танцует, а вот о первых рисунках человека, первых картинах, первых скульптурах — сказать можно.

Еще в начале XIX столетия о творчестве доисторических людей было ничего не известно. Но к середине века научное сообщество стали периодически потрясать фантастические находки — в самых разных странах обнаруживали стоянки древнего человека, каменные и костяные орудия, с помощью которых он охотился и работал: копья, дротики, рубила, иглы. Находили и фигурки из камня и кости, какие-то загадочные знаки и узоры, вытесанные на костяных пластинках и каменных плитах силуэты людей и животных.

Огромную роль в формировании наших представлений о рождении искусства сыграло открытие росписей в пещере Альтамира, сделанное испанским архео-

логом Марселино Саутуолой в 1879 году. История этого открытия, история жизни Саутуолы — яркий пример того, как трудно принимается новое и как трагично порой складываются судьбы ученых, готовых отстаивать истину. Рискуя потерять доброе имя, они продолжают свой бой, несмотря на самое жесткое сопротивление научной общественности и обвинения во всяческих грехах.

Испанский дворянин дон Марселино де Саутуола, хозяин замка Сантильяна, всегда увлекался историей и археологией. Особенно его интересовала культура первобытного человека. В 1878 году он приехал в Париж, на Первую Всемирную выставку. Это было грандиозное событие — чего только на этой выставке не было! Особенно сень-

ной его слугами во время охоты. Огромная пещера находилась недалеко от деревни Альтамира. Вернувшись домой, Саутуола решил заняться поисками древностей в этой пещере. А чтобы соответствовать сложности поставленной задачи, он предварительно взял несколько уроков археологии у известного ученого Пьетта.

И вот началась работа. Шли месяцы, но ничего сенсационного не попадалось. А потом ему, наконец, повезло — Марселино обнаружил каменные орудия! Очень похожие на те, что видел на Парижской выставке. Известный испанский историк профессор Мадридского университета Хуан Вилланова-и-Пиера, автор книги «Происхождение, природа и возраст человека» поздравил его с первым успе-

ора Марселино потрясли выставленные в одном из павильонов древние орудия и украшения, найденные в пещерах долины реки Везер. «А вдруг и в Испании можно найти что-то интересное», — подумал дон Марселино и вспомнил о пещере, еще лет десять назад обнаружен-

ном. Вдохновленный, Саутуола продолжил раскопки.

Однажды его горячо любимая дочь Мария упросила взять ее с собой в пещеру. Пятилетнему ребенку быстро наскучило наблюдать за работой отца. Маленькая, шустрая, она зажгла свечу и

полезла в такие участки пещеры, куда отец при всем своем желании забраться бы не смог. И вдруг дон Саутуола услышал крик: «Папа, смотри, быки, быки!» Подбежав к Марии, потрясенный дон Марселино увидел на сводах пещеры изображения огромных зубров, кабанов, скачущих лошадей. Изображения, сделанные красной и желто-коричневой краской, они были такие живые, эти быки и лошади, что казалось, художник закончил свою работу совсем недавно...

«Пара, *miro toros!* Папа, смотри, быки, быки!» — восклицание пятилетней Марии вошло в историю. Так открыли эту своеобразную галерею первобытного искусства в Альтамире.

Рисунки на стенах и сводах пещеры были сделаны поистине гениальным художником. В его «картинах» столько движения, пластики, азарта! Размером до 2,5 метров, реалистичные и вместе с тем тонко стилизованные, они не походили ни на творения современных Саутуоле художников, ни на шедевры мастеров прошлого. Это абсолютно оригинальное, яркое, живое искусство.

Дон Марселино тут же сообщил профессору Вилланова о своей находке. А затем о ней узнала и публика. Несколько месяцев вся Испания только и говорила об Альтамире. Сюда толпами приезжали любопытные, ну и, конечно же, серьезные ученые тоже заинтересовались находкой археолога-любителя. Даже король Альфонс XII почтил своим высочайшим вниманием и пещеру, и дону Марселино, а в память о сем знаменательном событии оставил с помощью свечной копоти автограф на стене пещеры.

В 1880 году Саутуола выпустил небольшую книгу «Краткие заметки о некоторых доисторических памятниках провинции Сантандр», а профессор Вилланова прочитал в местном университете лекции о первобытном искусстве.

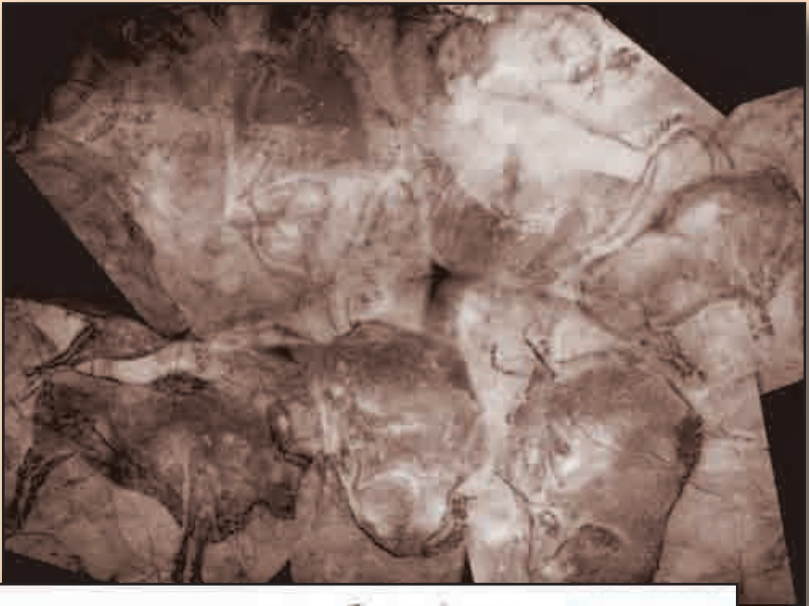
Но триумф Саутуолы длился недолго — всего несколько месяцев. А потом в Лиссабоне открылся съезд археологов, и почтенные мужи, заслуженные профес-

сора и члены европейских академий сочли своим долгом освидетельствовать Саутуолу, этого никому ранее не известного любителя археологических изысканий. Да что он там мог найти, этот неуч? — вопрошали светила науки. Во главе с французом Мортильею ученое сообщество набросилось на несчастного дону Марселино, обвинив его в шарлатанстве. Да как можно поверить, что эти совершенные изображения животных — дело рук первобытного дикаря! Один за другим выступали самые известные авторитеты в истории и археологии того времени — немец Вирхов, француз Картальяк, англичанин Леббок, швед Мантелиус. Все они утверждали, что живописи Альтамирны не более двадцати лет. А тут еще кто-то проведаль, что в усадьбе Саутуолы гостил талантливый, но чудаковатый художник, этакий непризнанный гений. Ну, конечно же, все ясно — он и нарисовал альтамирских быков и лошадей, и вся эта история — всего лишь шутка скучающего, не обремененного заботами провинциального богача.

Итак, Саутуолу публично обвинили в фальсификации. И даже поверивший ему поначалу Вилланова отступился от него. И самое обидное было то, что ни одному из приехавших в Лиссабон ученых даже не пришлось в голову поехать в Испанию, в провинцию Сантандр, и своими глазами посмотреть на пресловутые фальшивки. А потом и вообще стали говорить, что он безумен.

Гордый идалго Саутуола был оскорблен до глубины души. Археология давно стала главным делом его жизни, более того, он, пожалуй, уже знал о первобытном человеке не меньше, чем его уважаемые оппоненты. И прекрасно осознавал, сколь важное открытие посчастливилось ему сделать. Но как убедить в этом других?

Он написал книгу, и иллюстрировали его текст рисунки первобытных художников. Он верил, что наступит день, и истина победит, ему поверят... Однако дожить до этого ему не удалось. Марселино де Саутуола умер в 1888 году, забытый

учеными и сохранивший уважение лишь своих близких.

Еще при жизни Саутуолы во Франции стали находить памятники палеонтологического искусства, и среди них — пещерные росписи. Правда, во весь голос об этих находках пока говорить не решались — еще была памятна история с Саутуолой. Но вот однажды к профессору Тулузского университета Эмилю Картальяку, одному из самых ярких противников Саутуолы, зашел молодой археолог Анри Брейль. Он позвал профессора

посмотреть только что обнаруженные пещеры Фон де Гом и Комбарель. Было совершенно очевидно, что в пещеры никто не мог проникнуть на протяжении многих тысячелетий — вход в них оказался прочно завален известковыми валунами, образовавшимися после разрушения горных пород. Но когда ученые все-таки проникли в глубь пещер, они с восторгом обнаружили наскальную живопись, очень похожую на ту, о которой когда-то рассказывал Саутуола. Потрясенный Картальяк вместе со своим мо-

ружил уникальные рисунки первобытного художника. В 1994 году Жан-Мари Шове открыл памятник первобытного творчества на юго-востоке Франции (эта пещера получила его имя — Шове), а в 2003 году первые палеолитические изображения

лодым коллегой тут же отправились в Альтамиру.

Там их встретила дочь Саутуолы Мария, та самая Мария, которая, по сути, и открыла росписи Альтамиры. Она всегда верила, что ученые когда-нибудь поймут, как незаслуженно оскорбили ее отца, справедливость восторжествует, и доброе имя Марселино де Саутуолы будет восстановлено. И этот день настал. Вход в пещеру закрывала прочная дверь. Молча взяла Мария ключи и повела гостей туда, куда она так часто ходила — сначала с отцом, а потом, когда его не стало, одна. Наконец Картальяк увидел быков Альтамиры. И тогда, со словами «Не он, а я был безумцем», профессор склонился перед Марией Саутуолой и поцеловал ей руку. Вскоре вышла его статья, которая называлась «Mea culpa» («Покаяние»). Но случилось это лишь в 1902 году, спустя почти 15 лет после смерти Саутуолы.

С тех пор только в Европе обнаружили более 300 подобных пещер. Их находили во Франции, Италии, Германии, Алжире, в Сибири, на горном плато Тассили в Сахаре. В 1991 году Анри Шове нашел под водой затопленную пещеру, где в свободном от воды пространстве обна-

обнаружили в Англии. И наверняка еще много удивительного ждет археологов. Но Альтамира была первой, и какой, недаром ее называют первобытной Сикстинской капеллой.

Длина пещеры вместе с залами составляет около 280 метров. Росписи выполнены черной и желтой красками, тут есть и прочерченные заостренной иглой изображения. Пещеру условно делят на три части: первая, со знаменитым так называемым Большим плафоном, располагается в 25 метрах слева от входа. Центральная часть состоит из длинной галереи, с несколькими боковыми ответвлениями. Тут стены украшают целые стада бизонов и лошадей. Третья часть — коридор длиной около 50 метров. По его стенам также скачут олени, лошади и бизоны. Есть тут и несколько фигур, напоминающих человеческие силуэты.

Но самые значительные изображения в Альтамире — на Большом плафоне, на потолке в первой части пещеры. Древний художник пользовался лишь углем и охрой, но благодаря своему мастерству добился потрясающего эффекта — кажется, что у него в руках была богатая палит-

ра. В центре потолка — изображения 15 бизонов в разных позах, а позади самого крупного стоят лошади и козлы. Есть тут и кабан. Точно, выпукло, живо передает художник пластику животных, напряжение их мускулов, крепость ног. И кажется, вот-вот эти сильные, красивые, полные жизни животные покинут стены пещеры и поскачут по полям, сметая все на своем пути. Яркости, реализму, удивительному проникновению в природу животных может позавидовать и современный анималист! Вот знаменитый алтамирский бизон, ставший символом древнего искусства: его мощная фигура, красивая, просто совершенная в своих пропорциях, рельефная, живая, этот тяжелый взгляд его глаз — кажется, слышно дыхание животного — готов броситься на врага, посмеявшегося потревожить его покой.

Скорее всего, древние люди не жили подолгу в пещерах. А для выполнения росписей требовалось время. Художникам нужно было освещать «полотно». Кормить их. Защищать. Все это говорит о том, что росписи и высеченные знаки на пещерных стенах были необыкновенно важны для наших далеких предков. Возможно, все эти изображения и знаки отвечали каким-то магическим целям, возможно, вокруг них устраивались некие ритуальные действия — например, убивая нарисованного бизона, охотник предсказывал себе победу в завтрашней охоте. Но при всем при том, признавая определенную практическую первобытного человека, невозможно отрицать и то, что в нем, несомненно, уже тогда, зарождалось понятие Красоты — уж слишком хороши, слишком совершенны созданные им образы! Созданные настоящим художником!

Сейчас ученые полагают, что изображения в Алтамире возникали в разное время, скорее всего, в четыре этапа. Самые ранние сделаны примерно 16 тысяч лет назад, а самые поздние — в частности, на Большом плафоне — 13—15 тысяч лет назад. Эпоха палеолита — заря человечества. Древние художники рисовали

животных потому что животные жили рядом с ними, потому что животные и люди охотились друг на друга, потому что человек в те далекие времена ощущал свое единство с природой и зависимость от нее гораздо сильнее, чем сейчас. В росписях Алтамыры много замечательных изображений, но они пока не связаны в единое целое, нет общей композиции. И это, наверное, потому, что тогда человек еще не овладел способностью обобщать. Да, он уже научился замечать отдельные свойства, отдельные стороны жизни, но полной картины бытия в его сознании еще не сложилось. Это уже не ребенок, но еще и не взрослый. Он учится, наш далекий предок, он изучает мир, пытается его как-то подчинить себе, но к этой цели ему придется идти еще ох как долго... Он в самом начале пути...

В 90-х годах прошлого века ученые начали создавать копию Алтамыры. Новейшие технологии позволили сотворить чудо и повторить почти в точности шедевр первобытного искусства. Современные художники использовали только природные красители, а гравировку делали камнями с острыми краями. Был полностью воссоздан весь интерьер Алтамыры с той лишь разницей, что пол, по сравнению с настоящей пещерой, опустили — так, чтобы посетители могли разглядывать росписи, не сгибаясь в три погибели. Первыми посетителями Алтамыры-2 стали король и королева Испании.

Открытие наскальной живописи в пещере Алтамыры перевернуло все представления о мире древнего человека и отодвинуло далеко в прошлое начало истории искусства. Ныне эта пещера в испанской провинции Сантандр знаменита так же, как афинский Акрополь и римский Колизей, венецианский Сан-Марко и московский Кремль. И в истории навсегда останется имя человека, открывшего для людей этот памятник творческих свершений наших далеких предков — имя испанского археолога-любителя Марселино де Саутуоли, посвятившего свою жизнь замечательной науке — археологии. □

Ирина Опилах

*Друзьям с Монпарнаса посвящается.
М. Волошин,
Х. Сутин,
М. Горький,
Маревна,
И. Эренбург,
О. Цадкин*

Маревна

Удивительное, сказочное имя, удивительная жизнь...

Этой талантливой русской художнице, Марии Воробьевой-Стебельской, ставшей по воле Максима Горького царевной Маревной и под этим именем вошедшей в историю живописи, в юные годы посчастливилось оказаться в Париже начала XX века, где в нищете, в мучениях и обретениях рождалось новое искусство. То время и люди, среди которых она провела молодость, сформировали ее личность и определили ее творчество.

Мария Брониславовна Воробьева-Стебельская родилась 14 февраля 1892 года в деревне под Чебоксарами. Рождение художницы окутано некоторой тайной. Ее мать, провинциальная актриса Мария Розанович, была замужем за неким господином Воробьевым, который, по-видимому, отцом девочки не являлся, и когда Маше исполнилось два года, ее удочерил поляк Бронислав Викентьевич Стебельский, аристократ, весьма небедный человек, служивший в Чувашии по лесному ведомству.

Его некоторое время связывали романтические отношения с провинциальной актрисой Розанович, и маленькая Маша, скорее всего, была его родной дочерью. Стебельский — человек сложный, порывистый, часто несдержанный —

очень любил девочку и растил ее в соответствии со своим пониманием, что должно, а что нет. Наверное, он хотел иметь сына, которого судьба ему так и не дала, и потому в Маше воспитывал совсем не девичьи качества — стойкость, умение преодолевать трудности, не хныкать ни при каких обстоятельствах, и качества эти ей впоследствии весьма пригодились. Страстный охотник, Стебельский учил дочь чистить и заряжать ружье. «Я хочу, чтобы ты выросла орлом, а не курицей», — говорил он девочке. И игрушки он ей дарил соответствующие. Бросал в кроватку ребенку убитого зайца или перепелку со словами: «Держи, лес тебе послал подарок». Видно, отец чувствовал, что ей одиноко, и однажды, когда Маше исполнилось четыре года, подарил дочке маленького медвежонка. Вот это было счастье! Она даже забросила карандаши и краски, которыми рисовала везде и всюду, включая отцовские бумаги. «Вот увидите, моя дочь будет художницей!» — говорил Стебельский. Все затмил медвежонок! Он стал ее самым близким другом — рос с ней, спал, ел. Отец смеялся: «Если меня уволят из министерства, возьму Мишку и Машку, и мы будем зарабатывать на жизнь в цирке или балагане». Но потом отец нанял девочке гувернантку, которая посчитала, что девочке

не пристало так дружить с медвежонком, и убедила в этом Стебельского. И Мишка исчез. Маша в слезах искала его повсюду, а однажды, открыв шкаф, увидела его шкуру, растянутую на доске. Началась истерика... Девочка проболела несколько недель, такой сильный удар пришлось пережить ребенку.

Вскоре Стебельского перевели в Тифлис. Кавказ, горы, быстрые реки, сам Тифлис, город своеобразный, совсем не похожий на русский, да и грузины — с их живописными усами, одеждами, горячими взорами и темпераментом — все это произвело на девочку огромное впечатление. В Тифлисе Маша поступила в гимназию, где открыла для себя великую русскую литературу — Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Девочка всегда любила

Маревна с дочерью Марикой. Фрагмент картины «Друзьям с Монпарнаса посвящается» (с А. Модильяни), 1962

рисовать, и в школе ее рисунки пользовались огромным успехом. Правда, порой учителя бывали несколько смущены — уж слишком ведьмы, черти и всякие чудовища, которых изображала их ученица, походили на них самих! Но признать это сходство было, право же, неудобно...

Получая аттестат, Мария пережила настоящее потрясение — документ об окончании гимназии оказался выписан на имя Марии Воробьевой, а не Стебельской! Так она узнала, что она — незаконная дочь Стебельского.

Отец уже тогда понимал, что призвание дочери — искусство, и отправил ее учиться в Москву. Мария поступила в Строгановское училище. Москва с ее церквями, улочками, Кремлем очаровала девушку, но климат, суровая московская зима, оказался для нее слишком тяжелым — она простуживалась и часто болела. И тогда отец организовал ей поездку в Рим. Вечный город, гениальные творения античных мастеров, шедевры художников Возрождения, фонтаны Бернини и образы Микеланджело — все это не давало ей спокойно спать, хотелось творить самой, пытаться создавать хотя бы что-

то, что могло бы сравниться с грандиозными полотнами старых мастеров!

В 1911 году Мария приехала на Капри, где оказалась в русской колонии, признанным вожакom которой был большой, громогласный, талантливый, невероятно добрый и очаровательный Максим Горький. Шесть месяцев она прожила в атмосфере праздника — вокруг Горького тогда царил праздник, и любви — за ней стал ухаживать приемный сын Горького Юрий Желябужский. Да и Горький проникся симпатией к молодой художнице — милой, порывистой, искренней, порой резкой и нетерпимой. Именно он посоветовал ей взять артистический псевдоним «Маревна», имя морской царевны из русской народной сказки. «Ни у кого никогда не будет такого имени, — сказал он, — гордись и оправдай его».

Устав от праздной и спокойной жизни на Капри, она уехала в Париж.

Шел 1912 год. Ей — двадцать лет. Остановившись на первое время у своих русских приятелей с Капри, Маша вскоре нашла в весьма демократическом районе недалеко от известной парижской тюрьмы Санте недорогую двухкомнатную

Портрет Амадео Модильяни

Портрет Диего Риверы

*Сергею Дягилеву и друзьям из «Трэн Блэ» посвящается.
Н. Гончарова, М. Ларионов, Ж. Кокто, С. Дягилев,
И. Стравинский, П. Пикассо, 1962*

квартирку, в одной комнате устроила гардероб и кладовку, а в другой — мастерскую и, по совместительству, спальню.

Париж начала XX века стал поистине Меккой для молодых художников со всего мира. Часто нищие, одержимые жаждой творить, они ехали в этот город и писали здесь свои картины, которые в то время никто не хотел покупать, и которые спустя всего лишь пару десятилетий стоили уже целые состояния. Многие художники так и не дождались успеха — спившись, подсев на наркотики, они умирали в трущобах этого города. Но неко-

торым посчастливилось — удачно женившись или вовремя найдя преданного искусству мецената, они доживали до лучших дней...

Еще в 1910 году русская художница Мария Васильева открыла в Париже на авеню дю Мэн Русскую академию. Вот в эту Академию и поступила Маревна. Однажды скульптор Булаковский, работавший в Академии, предложил Марии: «Хотите посмотреть на юных гениев в их улье? Это чудное место, народу битком, зато очень весело. Вы познакомитесь с молодыми людьми, чьи имена через де-

*Букет цветов на окне.
Арден, 1956*

сять лет будут известны во всех галереях мира. Сейчас они перебиваются с хлеба на воду и только мечтают о славе и признании, но они служат искусству со всей страстью, искренностью и упорством». Как он был прав!

А тогда Маревна и Булаковский пришли в «Улей». «La Ruche» — «Улей», — так назывался дом, стоявший на левом берегу Сены, в котором обосновались молодые художники, не только французы, но и приехавшие в Париж из разных стран. Этот дом был не простой — бывший павильон вина, украшавший Парижскую выставку 1900 года — создан архитектором Альфредом Буше. После выставки он перенес здание на окраину XV округа, добавил пристройки и приспособил для художественных мастерских. Надо сказать, винное прошлое дома оказалось весьма символичным — обитатели «Улья» пили немало.

Тут Маревна познакомилась с людьми, ставшими ее близкими друзьями и соратниками в искусстве и тяжелой борьбе за признание и заработка.

Утренняя занятия в Академии посвящались живописи и скульптуре, днем собирались на рисунок с натуры. А вечерами ставили самовар и вели нескончаемые беседы... Зимой Русская академия устраивала благотворительные балы в пользу нуждающихся русских эмигрантов. Приглашались известные актеры и музыканты, которые развлекали публику до начала танцев. В буфете по баснословным ценам юные дамы продавали, очаровывая пришедших господ — состоятельных французов, промышленников и чиновников, — водку, медовуху и бутерброды.

Вино, песни, веселье и всеобщее братство... Не обходилось без скандалов и всяческих сумасбродств. И нередко заводила всех Маревна. «Я была сорвиголова, на балы обычно являлась одетой под мужика — в сапогах, шароварах, рубахе, в каракулевой папаше, подаренной отцом. В этом костюме я чувствовала себя непринужденно, мне хотелось дурачиться... Я нравилась. И иногда даже чересчур», — вспоминала художница. Однажды один гость, выпив как следует, потребовал за те немалые деньги, которые он заплатил за стакан водки, еще и поцелуй юной девы. Но получил лишь две оплеухи, и от неожиданности сильно толкнул Марию. «Я упала, роняя поднос с бутылками и бокалами под ноги танцующих, а те, в свою очередь, попадали на меня. Моего обидчика... взгляди как следует, в результате чего он получил синяки и разорванный смокинг. Меня же наградили шампанским».

Прятели Маревны были молоды и талантливы, они верили в себя и свой успех и при этом страстно желали разрушить все то, что казалось им пошлым и буржуазным. Всю свою жизнь они заполняли искусством и, конечно же, любовью.

Перед войной парижская богема переместилась на Монпарнас, и любимым местом собраний молодых художников стало кафе «Ротонда». Здесь, в заведении папаша Либиона, они чувствовали себя, как дома. Тут можно было проси-

деть за чашечкой кофе весь день — никто не выгонял и не требовал, чтобы они заказали что-нибудь еще. Либион возмещал свои потери вечерами, когда к нему заглядывали почтенные буржуа со своими дородными супругами. «Ротонду» полюбили русские парижане — Илья Эренбург, Савинков, Бальмонт и Волошин. Приходил Троцкий — сыграть партию в шахматы с Кандинским. Ну, и весь цвет Парижской школы — Пикассо, Модильяни, Брак, Сутин, Пикабия, Цадкин, поэты Аполлинер, Макс Жакоб и многие другие. Однажды зашел Чарли Чаплин — ему устроили шумную овацию. Бывал здесь и Ленин — правда, ему овацию никто не устраивал.

Среди этих людей Маревна нашла свою первую любовь — скульптора Осипа Цадкина. «Взявшись за руки, мы бродили по бульварам, неистово целовались и кусались. Иногда на трамвае ударили из Парижа в лес Медон — долго бродили там, возвращались домой со сбитыми ногами, но совершенно счастливые». Один из друзей Маревны — молодой поэт Илья Эренбург, умный, едкий, днями просиживающий в «Ротонде», а по вечерам читающий всем свои новые стихи, как правило, о любви. «Вы похожи на падшего ангела, бесноватого безумца или неукротенную тигрицу», — говорил он ей. «Она выглядела экзотично, но была наивной, требовала правды, прямоты и честности», — вспоминал он Маревну спустя много лет в своей книге «Люди, годы, жизнь». Близок Маревне был и Макс Волошин, без усталости рисующий горные пейзажи. «Это было слав-

ное время. Ощущение восторга от молодости, от того, что принадлежишь к группе людей, у которых одни цели и идеалы... Одно наше появление на улице привлекало всеобщее внимание. Обычно впереди уверенной походкой, размахивая мексиканской тростью... шел огромный смуглый бородатый Диего Ривера. Дальше — я в розовой итальянской шляпе, велосипедных бриджах, отцовской накидке, затянутая широким поясом, в белых носочках и черных туфельках. Потом Модильяни — чудесные кудри эпохи Возрождения, расстегнутая до пояса рубашка, книга в руке... За ним — Сутин, черная челка до глаз... Далее — Эренбург с лошадиным лицом, похожий на льва Волошин, Пикассо и Макс Жакоб».

В январе 1914 года умер ее отец. Позже выяснилось, что он страдал неврастенией и однажды, в черную минуту, выстрелил себе в рот. Мария осталась в этом мире одна, без постоянной матери-

*Автопортрет
с натюрмортом, 1917*

*Обнаженная на фоне пейзажа
(дочь художницы Марика)*

альной и духовной поддержки отца. Все, что ей осталось в наследство, быстро закончилось, и уже через два месяца Маревну спасло от нищеты только то, что друзья устроили в ее пользу благотворительный бал.

Это было страшное, тяжелое время, и если бы не друзья, она бы не выжила. Они помогли, поддерживая ее словом и деньгами. Папаша Либион одолжил денег, и Маревна смогла заплатить за аренду мастерской, а Сутин и его приятель Кремень познакомили ее с двумя полицейскими комиссарами, большими любителями искусства, которые регулярно приобретали их картины. Придя к ним в кабинет, Маревна увидела на стенах пейзажи и натюрморты Сутина, Кременя, Модильяни и Утрилло. Осмелев, она показала полицейским свои работы, и с тех пор каждый месяц доблестные стражи порядка приобретали у нее одну-две картины. А когда денег не было даже на то, чтобы заказать чашечку кофе, она шла в русские благотворительные столовые —

одну из них организовал бывший морской офицер Дилевский, а вторую — художница Мария Васильева.

Было еще одно место, где кормили нищих художников, — лавка Розали Тобиа. Розали, очаровательная итальянка, очень привязанная к Модильяни и прощавшая ему и пьяные дебоши, и то, что он так редко платил за обед и бокал вина, который всегда мог получить в ее заведении. Когда он умер, Розали беспрерывно рыдала несколько дней, приговаривая, что если бы она кормила Амадео лучше, он бы протянул подольше. Но особенно она переживала, что ее сын закрасил белой краской картину, которую Моди однажды нарисовал на стене кафе — Розали сказали, что она стоит несколько тысяч франков. А она-то думала, это пустая мазня!

В заведении Розали Маревна впервые увидела Диего Риверу. Мексиканский художник не мог не производить впечатление — огромного роста, с влажными выразительными глазами и большим

чувственным ртом, он обладал таким обаянием, что просто притягивал к себе женщин. Да к тому же, как она писала в своих воспоминаниях, «гениальность сочилась из его пор», что было для нее чрезвычайно важно. Маревна часто посещала его мастерскую — там собирались все ее друзья: Модри, Сутин, Кокто, Пикассо и другие. Ривера стал играть все большую роль в ее жизни и творчестве — она смотрела, как он работает, как выбирает краски... Ривера жил в то время с женой, тоже русской, Ангелиной Беловой. (Похоже, он питал слабость к русским женщинам...) Она была милой и доброй, хорошо знала своего мужа и многое ему прощала. И дружила с Маревной. Однажды Маревна находилась у них в гостях, и когда пришло время идти домой, поняла, что плохо себя чувствует. Ривера и Ангелина упростили ее остаться. И вот ночью она вдруг проснулась, услышав голоса — разговор шел на смеси испанского, русского и французского. Ривера рвался в комнату к Маревне, говоря, что он больше так не может — он любит ее! Ангелина его успокаивала: «Не волнуйся, — говорила она, — она все узнает, а сейчас спи, а то разбудишь ее и испугаешь». Утром Маревна хотела уйти, но оказалось, что она серьезно заболела — поднялась температура, болела голова. Ее оставили. И каждую ночь тот разговор повторялся. И каждую ночь она слышала жаркий шепот мексиканца, говорящего о своей любви к ней, Маревне! Прошло несколько дней, и Маревна, выздоровев, ушла от Диего и Ангелины, которая призналась подруге, что беременна от Диего. Маревна твердо решила по возможности избегать этого опасного мексиканца. Но у нее ничего не получилось — сопротивляться ему было бесполезно. Ривера внезапно появлялся в ее мастерской, рассказывал о Мексике, давал точные советы, показывал ее работы Матиссу (которому они понравились), знакомил с галерейщиками. В это время Волошин собрался в Россию, в Крым и звал Маревну с собой. Но Пикассо сказал: «Ос-

тавайся в Париже — и мы все сделаем из тебя настоящую художницу, не хуже Мари Лорансен». Ривера молчал — только страдальчески смотрел своими огромными глазами на нее. И она осталась. Осталась с ним.

Маревна очень переживала — ведь из-за нее он расстался с Ангелиной, которая вскоре родила сына. Но Диего легко делил себя между двумя женщинами — почти все деньги он давал жене и ребенку, оставляя себе и Маревне сущие гроши. Жить с Риверой оказалось непросто: у него был бешеный темперамент, а иногда его настигали страшные приступы безумия, и тогда она все время тихонечко шептала, что она Маревна и чтобы он помнил об этом и не обижал ее, а после одного такого приступа у нее ос-

Гитара, 1914

тался на шею шрам. А еще он страшно ревновал ее ко всем, особенно к Пикассо и Эренбургу, и приставал к ней с расспросами, была ли она хотя бы раз с ними близка. Они прожили вместе шесть лет — с 1915 по 1921 год, и все это время никто для нее больше не существовал.

7 ноября 1917 года в России произошла революция. Многие русские друзья Маревны устремились в Россию — им казалось, теперь все будет иначе, теперь там свобода! Но Маревна осталась — из-за Риверы, чтобы находиться с ним рядом, она была готова на самые тяжкие жертвы. А кроме того, в Париже ее уже знали, покупали ее работы, в России же она не известна никому, пришлось бы начинать все сначала...

После заключения Брестского мира в Париже обострились антирусские настроения, и Маревна на себе испытала то, что чувствовали французы по отношению к немцам и помирившимся с ними русским. Днем город обстреливали из «Большой Берты» — так парижане называли немецкие дальнобойные пушки, а по ночам начинались бомбежки с воздуха. Друзья Маревны один за другим гибли на фронтах Мировой войны, а уцелевшие возвращались раненными душевно и физически. Диего тоже сначала бросился записываться на фронт, но с его плос-

костопием и больной печенью художника признали негодным для военной службы. Через несколько месяцев он уже стыдился своего порыва. Ему и его друзьям казалось, что в этой безумной, кровавой мясорубке капитализм себя уничтожит, а он, несмотря на горы трупов, становился все крепче и крепче. Нет, то была не его война. Когда на обезлюдевшем и голодном Монпарнасе становилось особенно страшно и горько, Маревна и Диего подстегивали себя алкоголем и наркотиками. И тогда тоска чуть-чуть отступала... С наркотиками она покончила, когда однажды после общения с гашишем выпрыгнула из окна на крышу соседнего здания, увидев ее совсем не там, где эта крыша находилась. К счастью, дело закончилось только сильными ушибами, а могло быть гораздо хуже — Маревна сильно повезло.

А потом Маревна родила дочку — девочка была так похожа на отца, что все стали звать ее Диего. Однако сам Ривера не стремился дать дочери свое имя, и Маревна зарегистрировала ребенка как Марику Воробьеву-Стебельскую. Поначалу Ривера поддерживал Маревну и дочь, но его любви и чувства долга хватило не надолго. Маревне пришлось устроиться на работу, она не гнушалась ничем — шила рубашки и нижнее белье для

заключенных, плела пояса — ею двигало желание зарабатывать деньги — не для себя, а чтобы прокормить маленькую Марику. А Диего — иногда он приходил к Маревне и дочери, оставлял деньги, говорил об искусстве, показывал свои работы и

*Портрет
художника
Мане-Каца, 1969*

смотрел ее холсты, обещал, что заберет Маревну с дочкой к себе, а перед его отъездом в Мексику Маревна даже вновь поверила в его любовь. Но... Уехав, он оставил деньги их другу Фишеру с просьбой выдавать Маревне ежемесячно некоторую сумму. Спустя два года, когда маленькой Марике нужно было сделать операцию, вырезать аппендицит, и понадобились немалые деньги, Маревна написала Ривере, и он тут же прислал ей теплое письмо и нужную сумму. Но по всем интонациям его послания Маревна поняла, что он страстно влюблен — то была Лупе Марин, которая вскоре стала его женой.

Так закончился самый яркий период ее жизни.

Маревна, как могла, старалась не погибнуть — для своей девочки и для искусства. В 1924 году открылся дом моды Юсуповых «Ирфе». Она делала для него расшитые шали, тканые пояса-кушаки, которые вызывали восторг у парижских, и не только, модниц. И писала, постепенно вырабатывая свой стиль, свою манеру. А Марика обнаружила большие способности к танцам. Ее даже заметила Айседора Дункан и взяла в свою школу. В 14 лет Марика уже сама зарабатывала, танцуя в балетной труппе, и собрала солидную сумму, что дало ей возможность серьезно заниматься танцами. Она стала знаменитой балериной.

У нее была своя жизнь — замужества, сыновья, разводы, концерты. А Маревна, навсегда обоженная своей страстью к Ривере, так и не нашла никого, кто мог бы заменить его в ее сердце. Она старела и все чаще обращалась к тем далеким годам и тем людям, которые навсегда остались в ее памяти. Она по-прежнему писала картины, а когда уже не нужно было думать о хлебе насущном, стала писать воспоминания. С 1948 года она поселилась в Англии, куда переехала ее дочь. Они жили в чудесной усадьбе четырнадцатого века, а потом поселилась в Лондоне. Понемногу Маревна, которую долгие годы заслоняли ее знаменитые дру-

*Мальчик с хлыстиком.
(Портрет Дэвида —
внука художницы)*

зья, становилась известной, ее картины выставлялись на больших выставках, а в 1971 году в Женеве открылась большая персональная ретроспективная выставка. В ее живописи, иногда несколько вторичной, много света, красок, она работала в разных стилях — тут и кубизм, и пуантилизм. Особенно хороши рисунки — написанные с большим теплом и юмором, точные, выразительные, на которых запечатлены ее гениальные современники. Вот они — Сутин, Модильяни, Жакоб, Ривера, Кислинг, Эренбург.

Замечательная русская художница Маревна, автор чудесных воспоминаний о художниках Парижской школы, умерла в Лондоне 4 мая 1984 года.

А в 2004 году в Москве вышла ее книга, и в Третьяковской галерее открылась ее персональная выставка — Маревна, уехавшая из России в 1911 году, все-таки вернулась на Родину... □

иллюстрация
Геннадия Новожилова

Истинная дочь России

Любовь Русева

Под громкое «Ура!» конницы, выстроившейся во фронт, из кареты выпорхнуло очаровательное миниатюрное создание. Боже, их будущая великая княгиня — настоящая фея! Ласковый взгляд живых глаз на миленьком личике пленил бравых казаков, но какой восторг они пережили, услышав сказанные на родном наречии слова:

— Спасибо, ребята! — И обратилась к казачьему полковнику: — Пожалуйста, прикажите им еще прокричать, мне это любо. Я чувствую, что въезжаю в Отечество, — обернулась принцесса к спутникам.

Невеста великого князя Михаила Павловича, нареченная в России Еленой, была дочерью вюртембергского принца Павла и принадлежала к младшему поколению владетельного дома, из которого происходила и императрица Мария Федоровна. Именно по ее настоянию Александр I просил руки Фредерики для своего младшего брата. Выбор императрицы определило не только и не столько родство: юная принцесса отличалась незаурядным умом, блестящим образованием, тактом и врожденным чутьем прекрасного. По воспоминаниям современников, она привораживала всех живостью ума и сердечной простотой. Позже маркиз Кюстин в книге «Николаевская Россия» напишет: «Она считается одной из выдающихся женщин в Европе, и беседа с ней в высшей степени интересна».

Фредерика-Шарлотта-Мария родилась в 1806 году в Штутгарте. В столице Вюртембергского королевства взошла звезда великого Шиллера. Именно в стенах тамошней военной академии студент медицинского факультета Иоганн Фридрих прочел сокурсникам свою знаменитую драму «Разбойники». Здесь, в средневековой Госпитальной церкви находится гробница знаменитого немецкого гуманиста Иоанна Рейхлина, которого Лютер называл своим отцом. Но если Европа обязана Штутгарту расцветом романтизма, свободомыслия, веротерпимости, то нашему Отечеству он дал двух истинных дочерей России, прославившихся основанием воспитательных учреждений, развитием медицины и образованием, беспримерной благотворительностью.

Фредерике было всего десять лет, когда после кончины ее деда — короля Фридриха — отец, рассорившись с вступившим на престол братом Вильгельмом I, покинул Штутгарт и поселился с семьей в Париже. В столице мира принц Павел поместил сыновей в лицей, а двух дочерей — в один из лучших институтов для девиц — пансион известной Жанны-Луизы Кампан. Эта писательница служила при дворе королевы Марии-Антуанетты, после падения Робеспьера основала воспитательное заведение для девиц в Сен-Жермене, а Наполеон назначил ее начальницей учрежденного им института для дочерей офицеров Почетного легиона.

В пансионе Фредерика подружилась с дочерьми графа Вальтера, командовавшего при Наполеоне императорской гвардией, которые, к тому же, были близкими родственницами знаменитого французского естествоиспытателя Жоржа Кювье. Самый выдающийся зоолог своего времени жил при Ботаническом саду, куда

на каникулы и праздники привозил из пансиона девиц Вальтер и вюртембергских принцесс. Почтенный ученый особенно полюбил старшую из них — любознательную и одаренную Фредерику, с которой часами прогуливался по царству флоры и фауны, приобщая ее к тайнам природы. Беседы на разные темы с энциклопедистом чрезвычайно развивали девочку, давали ее уму богатейшую пищу, чего ей так не хватало в родной семье. Воспитанием Фредерики занималась то угрюмая, суровая и деспотичная бабка-королева Шарлотта-Августа-Матильда (дочь великобританского короля Георга III), то отец, чьи методы воспитания не отличались гуманностью. Зная, например, что его дочь панически боится мышей, принц приказал набрать целый мешок этих грызунов, затем высыпать их на пол. Бедняжку едва привели в чувство.

Став невестой великого князя, пятнадцатилетняя принцесса занялась изучением русского языка и до прибытия в свое новое Отечество успела прочесть в подлиннике «Историю государства Российского» Карамзина. О впечатлении, которое произвело ее появление при дворе, писал дочери Нелединский-Мелецкий: «Похвала об ней единоголосна. Всех без изъятия она с первого раза пленила! Представь себе девицу 16 лет, приехавшую к такому пышному двору, каков наш, и к которой, через полтора часа по выходе из кареты, подводят одного за одним человек двести, с которыми она со всяким молвит по приличности каждого. Значительные имена все у ней были затвержены и, ни разу не замешавшись, всякому все кстати сказала. Подводят к ней П.В. Кутузова. Лишь его назвали: «Вы носите прекрасное имя, сударь». Это была тема следовавших нескольких слов о его службе под фельдмаршалом его имени. Князь Голицын, министр духовных дел и народного просвещения — «Я вам весьма обязана за ту быстроту, с которой мне сменяли подставы на каждой станции». Это меня более всего удивило. Видите ли, как она все подробно разведала и обдумала? Довольно бы затвердить, что князь Голицын министр духовных дел и народного просвещения, нет! Она узнала, что и почты его ведомства. Милорадовичу: «Ваша репутация мне совершенно известна, сударь». Татищеву, Алексею Ивановичу, о котором ей сказали, что он никакого, кроме русского, языка не знает: «Я очень сожалею, что не могу много с вами по-русски говорить». Представляя адмирала Карцова, великий князь Михаил Павлович, видно, шутил, сказал ей, что он говорит по-английски, — она было заговорила английским языком; но как тот отвечал ей по-русски, то она тотчас сказала: «Я очень рада, что вас вижу». Карамзину она сказала: «Я знаю ваш труд, сударь, и не думайте, чтобы я читала его только в переводе, я читала его также и по-русски». Называют ей Тутолмина — действительный тайный советник, член государственного совета и советов заведений ведомства ее величества императрицы. «Вы, должно быть, заняты весьма важными и серьезными делами в государственном совете, но, с другой стороны, вы имеете удовольствие быть всегда свидетелем благотворительности ее величества императрицы», не помню точно выражений, но что-то в этом смысле. Щербатову, генерал-адъютанту, лишь его называли, заговорила об его экспедиции, кажется, при Гданьске, и все это тотчас, не задумавшись, однако, но опростетью, а скромно... Умница редкая! все в этом согласны: но, говорят, кроме ума, она имеет самый зрелый рассудок, и были примеры решительной ее твердости. И в 16 лет!»

Елену Павловну любила вся царская фамилия, которая, по словам великого князя Константина Павловича, часто делала «семейные набег» в Михайловский дворец, где она жила. С глубокой симпатией и уважением относился к ней император Николай I.

— Елена — это ученый нашего семейства, я к ней отсылаю европейских путешественников. В последний раз это был Кюстин, который завел со мною разговор об

истории православной церкви. Я тотчас отправил его к Елене, которая расскажет ему более, чем он сам знает.

Истинным очагом культуры и науки стали знаменитые «четверги» великой княгини. Их посещали лучшие люди России и приезжавшие европейцы. Елену Павловну интересовало все новое и замечательное, поэтому двери ее дворца были открыты каждому таланту независимо от социального происхождения.

«До конца своих дней, — писал Кони, — она интересовалась всеми явлениями в области знаний и умственной деятельности, часто приходя, где было нужно, на помощь своим участием, содействием и материальной поддержкой. Ее живо занимала деятельность университета, Академии наук, Вольного Экономического общества... Ей доставляло истинную радость «подвизывать крылья» начинающему таланту и поддерживать уже развившийся талант...» У Ивановна не было средств перевезти из Италии на Родину огромное полотно «Явление Христа», нужную сумму дала художнику Елена Павловна, она же оплатила фотографии, снятые с этого шедевра, которые стоили тогда очень дорого. Великой княгине обязана русская опера знаменитым тенором Никольским: именно она обратила внимание на выдающийся голос певчего придворного хора. И таких примеров тьма.

Поскольку благотворительность поглощала большую часть ее средств, то балы Елена Павловна давала редко, но они были блестящи. На одном из них присутствовал путешествующий по России маркиз де Кюстин. «Великая княгиня Елена для каждого устраиваемого ею праздника придумывает, как мне передавали, что-нибудь новое, оригинальное, никому не знакомое. И на этот раз свет отдельных групп цветных ламп живописно отражался на колоннах дворца и на деревьях сада, в глубине которого несколько военных оркестров исполняли симфоническую музыку».

Не менее знаменитыми были и музыкальные вечера Елены Павловны, на которых зародилась идея учредить Русское музыкальное общество с целью распространения музыкального образования в стране и поддержки отечественных композиторов и исполнителей.

Во дворце великой княгини всегда жили певицы, и в 1852 году она пригласила к ним в постоянные аккомпаниаторы вернувшегося в Россию Антона Григорьевича Рубинштейна. В своих воспоминаниях композитор и непревзойденный виртуоз-пианист восторженно писал о своей благодетельнице: «...Русская опера почти не существовала: я говорю о труппе. В ней был славен один только О.А. Петров. И вот, при таком-то печальном состоянии музыки и пения, зарождается новая эра для искусства в стенах Михайловского дворца — у великой княгини Елены Павловны.

Замечательная была эта женщина! Другой, равной ей, я ни прежде, ни после, в ее положении не знавал. С представительностью, чисто великокняжескою, она соединяла бездну такта и умения войти в положение, в мысль решительно каждого, кто к ней приближался. С ученым, военным, артистом, государственным деятелем, писателем, поэтом, романистом — с каждым она умела говорить, на каждого умела произвести самое приятное впечатление... Бывало, спросишь о ней Ауэрбаха или другую какую-нибудь европейскую знаменитость — и всегда услышишь самые восторженные о ней отзывы...»

Эта замечательная женщина устроила в своем дворце музыкальные классы, в которых преподавали Лешетицкий и Венявский, и давались концерты под управлением Рубинштейна. Но для настоящего развития музыкального искусства необходима была Консерватория. Для ее открытия Елена Павловна выделила большую сумму, ей пришлось даже продать свои бриллианты. Директором Консерватории она назначила Рубинштейна. После Петербурга музыкальные классы, а затем и Консерватории были открыты в Москве и крупных губернских городах.

В 1828 году скончалась Мария Федоровна. По духовному завещанию императрицы, великая княгиня наследовала ее благотворительные заведения. «Я желаю, чтобы оба мои института (Мариинский и Повивальный) управлялись с тою же заботливостью и вниманием, как при мне, и поэтому прошу сына моего (императора Николая Павловича) поручить управление ими невестке моей, супруге великого князя Михаила; я убеждена, что в таком случае они всегда будут процветать и приносить пользу государству. Зная твердость и доброту ее характера, я вполне уверена, что она отнесется к этой обязанности с должным вниманием и заботливостью...»

С должным вниманием и заботливостью Елена Павловна управляла не только завещанными ей институтами, она преобразовала и расширила Максимилиановскую лечебницу. В основанное ею училище св. Елены впервые стали принимать воспитанниц всех сословий. В память своих дочерей великая княгиня учредила бесплатную Елисаветинскую клиническую больницу для малолетних детей бедных родителей и детские приюты Елисаветы и Марии в Петербурге и Павловске. «Во всех этих учреждениях и ряде других она была не просто высокой покровительницей, а деятельною и озабоченною их успехом силою, умевшею всех вокруг одушевлять и объединять, не подавляя никого своей личностью и возбуждая в каждом радостное сознание общей работы на общую пользу», — писал Кони.

В любой сфере своей деятельности Елена Павловна свято придерживалась двух правил, заключенных в словах Апостола Павла: «Повинуйтесь не яко раби, но яко свободни» и Спасителя: «Аще кто хочет старей быти, да будет всем слуга». И в этом смысле великая княгиня действительно была всем слугой. Она сохранила для науки и медицины великого Пирогова. Принципиального и резкого Николая Ивановича изводила борьба с высокопоставленными чиновниками. Вернувшись с Кавказа, счастливый хирург сразу же направился доложить военному министру Чернышеву о состоянии санитарной части действующей армии и о «победе над болью».

— Ваше высокопревосходительство, сделано открытие, которое порадует наше дорогое Отечество! — с порога начал он.

Пирогов увлеченно рассказал о действии наркоза, о лечении переломов при помощи крахмальной повязки. Отечество порадовалось открытиям ученого медика, но вот глава военного ведомства — не очень.

— Ваш отчет я выслушал. Вы свободны. Следующий раз, прежде чем приходить на прием к министру, извольте одеваться по форме!

— Что же это вы, господин профессор! — гневно встретил через день Пирогова генерал Анненков. — Приезжаете в Петербург, не докладываете мне о своем возвращении, сразу бросаетесь к министру и заставляете меня выслушивать выговор за ваше нерадение к службе. В каком виде вы появились у графа Чернышева! Кабинет министра — это вам не дорожная харчевня. Извольте получить выговор по службе. Можете идти.

«Никогда не забуду, в каком душевном расстройстве я вышел от Анненкова. Со мной приключился припадок со слезами и рыданиями. Я твердо решил подать в отставку и проститься с Академией». Недоверие к его опытам, притеснения со временем довели этого человека до того, что он намеревался покинуть Россию. А в тот его приезд Елена Павловна, узнав, какой прием оказали хирургу, тут же пригласила его к себе. Ее доброе, уважительное к нему отношение, искренний интерес к методам фиксации переломов крахмальной повязкой и к результатам применения эфира вернули душевное равновесие Пирогову, и он остался в Академии. С тех пор, когда Николаю Ивановичу не удавалось лбом стену прошибить, он обращался за помощью к Елене Павловне. Так было и в начале Крымской кампании, когда он рвался в осажденный Севастополь, забросал прошениями различные канцелярии.

— Пусти волка в стадо! Да он всех начальников госпиталей уморит, всех интендантов в гроб уложит!

Осталась одна надежда — великая княгиня, и хирург отправляется в Михайловский дворец. Елена Павловна в эти дни была одержима казавшейся абсурдной идеей создания группы военно-медицинских сестер для отправки на фронт. Женщины на войне?! «Нельзя-с, нельзя-с, разврат!..» Но Пирогов с энтузиазмом поддержал Елену Павловну.

— Я вижу, как глаза, полные слез, следят за последними движениями умирающего. Я слышу, как солдаты благословляют своих благодетельниц. Тяжелораненому хочется уснуть, но боль от раны и жажда мучают его. Проходит по палате сестра. Она напоит раненого, посидит возле него, и страдающему человеку станет легче, он почувствует, что есть в мире люди, которые охраняют его покой.

Эта встреча двух замечательных людей оказалась чрезвычайно важной. Великая княгиня нашла слова, убедившие императора в необходимости создания специальной группы сестер милосердия (ставшей предшественницей Красного Креста), а великий хирург на следующий же день узнал, что, по высочайшему повелению, он отправляется в Севастополь «для ближайшего наблюдения за успешным лечением раненых». Его биограф Бертенсон писал: «Великая княгиня Елена Павловна не только содействовала Н.И. Пирогову к отправлению его в Севастополь, но поручила ему руководить занятиями организованной ею тогда Крестовоздвиженской Общины сестер милосердия, кроме сего великая княгиня Елена Павловна предоставила Пирогову сформировать, по своему усмотрению, небольшую корпорацию врачей-хирургов на ее иждивение, с тем, чтобы они находились в непосредственном его ведении и никуда не назначались военным ведомством без его согласия».

Елена Павловна обратилась с воззванием ко всем вдовам и девушкам, «желающим принести свою долю жертвы и добра в великом жертвоприношении России», оказать помощь больным и раненым на полях сражения. В память своего Ангела-хранителя — Святой Елены — она назвала организованную общину в честь великого Православного праздника Воздвижения Креста. Специально для крестовоздвиженских сестер заказали нагрудные кресты на Андреевских лентах, на которых, по настоянию великой княгини, выгравировали слова Христа: «Возьмите иго Мое на себя», а на обороте — «Ты, Боже, крепость моя».

— Только в смиренном терпении крепость и силу получаем мы от Бога, — мотивировала она свой выбор.

Дворец ее превратился в это время в большой склад вещей и медикаментов, которые она сама покупала и которые присылали граждане. Здесь же ее фрейлины и другие женщины шили для сестер чепцы, передники, воротники. Елена Павловна беседовала с каждой претенденткой: одного желания и патриотического рвения было мало. Выдержат ли они нравственно и физически, не сдадут ли нервы при страшном зрелище ампутаций? Поступив в Общину, сестры проходили подготовку, им преподавали в том числе и основы хирургии.

Во многом Елене Павловне обязана Россия и отменой крепостного права. С середины пятидесятых годов ее гостиная становится идейным центром в деле освобождения крестьян. В «Записках революционера» Кропоткин писал, что Александр II, побуждаемый в собственной семье великой княгиней, сделал первый шаг в этом направлении. Но император хотел, чтобы инициатива реформы исходила от самих помещиков. Узнав о намерении тетушки освободить крестьян в принадлежавшем ей обширном полтавском имении, он написал ей: «Я выжидаю, чтобы благосмыслящие владельцы населенных имений сами высказали, в какой степени полагают они возможным улучшить участь своих крестьян». В марте 1856 года государь обратился к московскому дворянству с

речью, в которой доказывал необходимость реформы. В ответ же вместо восторгов — упорное молчание. Такая реакция рассердила царя, и он закончил речь словами:

— Лучше, господа, чтобы освобождение пришло сверху, чем ждать, покуда оно придет снизу!

Но ждать от помещиков добровольного отречения «от существующего порядка владения душами» — все равно, что ждать у моря погоды. Из доклада министра внутренних дел Сергея Степановича Ланского, являвшегося поборником отмены крепостного права, стало ясно, что ждать подобного почина от дворянства не приходится, оно ссылалось «на отсутствие начал, на которых можно было бы освободить крестьян».

Эти начала дала Елена Павловна, которая практически доказала возможность отмены крепостной зависимости. Она обратилась к помещикам Полтавской губернии дать ей сведения и высказать свои соображения по данному вопросу. Вместе со своим управляющим бароном Энгельгардтом великая княгиня разработала план разделения полтавского имения на четыре общества (с собственным управлением и судом), которым отдавалась шестая часть ее земли (за 2 рубля за десятину) с правом выкупа с рассрочкой (за 25 рублей с десятины).

В это время Елена Павловна сблизилась с Милютиным, который помогал ей советами и составлял записки для императора. Ему и Кавелину великая княгиня поручила выработать общие основания освобождения крестьян в Полтавской, Харьковской, Курской и Черниговской губерниях. Этот документ был высочайше утвержден 1 февраля 1859 года, он же лег в основу «Положения 19 февраля 1861 года».

Нелегко пришлось главным деятелям крестьянской реформы, против которых образовалась сильная партия. Представители ее пугали царя переворотами, гибелью России. Ничем не брезговали они, даже клеветой, и основные нападки обрушились на «опасного» Милютина. Ланской же ручался за него государю, как «за самого себя». Все это время Елена Павловна морально поддерживала его, вселяла веру в успех.

— Сеющие в слезах пожнут с радостью, — говорила она словами Писания.

Великая княгиня часто у себя во дворце организовывала встречи Николая Алексеевича с Александром II, чтобы государь мог ближе узнать этого выдающегося деятеля. В результате, Милютин был назначен товарищем министра внутренних дел и возглавил дело освобождения крестьян. В разгар работы редакционной комиссии (1859—1860) он со своими ближайшими сотрудниками — князем Черкасским и Юрием Самаринным — жил во дворце Елены Павловны на Каменном острове.

Но люди, сделавшие все, чтобы 1861 год вошел в историю, после освобождения крестьян остались не у дел: через пять недель после отмены крепостного права их уволили из министерства. Милютину, разработавшему «Положение», не дали привести в жизнь его идеи. Ланской же, призванный когда-то помочь молодому государю «исцелить Россию от хронических ее болезней», скончался в 1862 году.

Елена Павловна старалась сберечь Николая Алексеевича для дальнейшей полезной деятельности во благо России и добилась его назначения сенатором. В связи с польским восстанием в 1863 году ему представилась возможность изложить свое мнение императору об умиротворении Польши путем крестьянской реформы. Вскоре после аудиенции Милютин в качестве «статс-секретаря Его Императорского Величества для особых Высочайше возложенных поручений» выехал в Варшаву, взяв с собой своих старых помощников, Самарина и князя Черкасского. В результате, он представил Александру подробную записку и разработал «Положение». 19 февраля 1864 года состоялся Высочайший указ об устройстве быта польских крестьян.

26 января 1872 года русское общество потрясло известие — скончался «честный кузнец-гражданин», с именем которого неразрывно связано великое дело крестьянской реформы, начало русского городского и земского самоуправления и коренные преобразования всего строя жизни в Царстве Польском.

В последние годы жизни Елену Павловну занимала мысль основать лечебно-благотворительное и в то же время научно-учебное учреждение, в котором молодые врачи могли бы совершенствовать свою практику, слушать лекции по интересующим их специальным предметам, знакомиться с современным состоянием и последними достижениями медицинской науки. Это учреждение должно было стать объединяющим центром врачебно-благотворительных заведений, состоявших в ее ведении. Многое для этого она успела сделать: и землю выхлопотать у императора на Преображенском плацу, и выделить большую сумму, но до открытия «Клинического института великой княгини Елены Павловны» не дождала.

В 1873 году, в ознаменование заслуг этой замечательной женщины «на поприще милосердия, человеколюбия и просвещения», было образовано особое ведомство учреждений великой княгини Елены Павловны. В его состав вошли училище св. Елены, Повивальный (с родильным и гинекологическим госпиталями, куда принимались бесплатно 650 пациенток) и Мариинский институт, бесплатная Елизаветинская клиника для малолетних детей бедных родителей, Крестовоздвиженская Община сестер милосердия (при ней, кроме больницы, имелись лечебница для приходящих больных, в которой лекарства выдавались даром, и бесплатная школа для 30 девочек).

«До последних дней ее жизни она заботилась об обеспечении этих учреждений... — писала графиня Блудова. — Русские деньги ею употреблены были на русские нужды: на помощь бедным, на развитие умственное, на поддержку искусства (как Консерватория), на облегчение трудностей жизни учащих (дешевые столовые поблизости учебных заведений), не говоря о ее частной, личной, так сказать, благотворительности... Никто из нас не помнил, чтоб она когда либо отказала в такой помощи по просьбе кого-либо из нас. Иногда скажет: «Теперь не могу, подождите», и непременно через несколько дней или недель даст просимое, т.е. как скоро сама получит деньги. Говоря об этом, одна близкая к ней личность заметила очень метко: «Она могла не отказывать никому, потому что себе отказывала во многом».

Но баловства самой себя она себе не позволяла, фантазий разных не имела. Даже в то время, когда поездка за границу всех членов Императорской фамилии оплачивалась казной, она отказывалась не раз от требуемых докторами поездок, по экономическим и фамильным соображениям, исполненным добросовестности и сердечности... Начиная жизнь или деятельность, человеку ли, предприятию ли, она умела помочь стать на ноги и пройти первые трудные, решающие их будущие шаги, предоставляя их потом собственным окрепшим силам».

Как не согласиться с Анатолием Федоровичем Кони, который считал, что великая княгиня Елена Павловна могла бы сказать русскому обществу словами поэта: «Я больше русская была, чем многие по крови вам родные».

В 1823 году юная принцесса произнесла слова: «Я чувствую, что въезжаю в Отечество». И она верно служила этому Отечеству почти полвека. 21 января 1873 года великая княгиня Елена Павловна скончалась. □

АНКЕТА для читателей журнала «Смена»

Ваша анкета примет участие в розыгрыше 10 000 рублей и 20 годовых подписок на журнал «Смена» независимо от ответов. Для этого заполните анкету и отправьте ее по адресу редакции: Бумажный проезд, 19, стр.2, Москва, А-15, ГСП-4, 127994 с пометкой «Смена». Анкета».

1. Сколько номеров журнала «Смена» вы читали в прошлом, 2005 году?

- Все
 6 и больше
 5 и меньше

2. Сколько человек, кроме вас, читают ваш экземпляр журнала?

- 0
 1
 2 и больше

3. Что заставило вас купить этот номер?

- Я знаю и давно читаю «Смену»
 Впервые увидел(а), хочу ознакомиться
 Анонсы статей на обложке
 Посоветовал знакомый
 Посоветовал продавец
Другое _____

4. Какие еще газеты и журналы вы читаете регулярно?

5. Где вы обычно приобретаете газеты и журналы?

- Выписываю
 В магазине
 В киоске
 У частного продавца
Другое _____

6. Отметьте, какие темы вам наиболее интересны

- Политика
 Экономика
 Социальная сфера
 Здоровье
 Наука
 Криминал
 Спецслужбы
 Армия
 Религия
 Культура
 Телевидение
 Шоу-бизнес
 Люди-герои среди нас
 Сравнительная характеристика товаров
 Moda
 Красота
 Дети
 Кулинарные рецепты
 Туризм
 Спорт
 Юмор
 Кроссворд

7. Отметьте, нравится ли вам читать художественные произведения в журнале «Смена»

- Да
 Нет
Другое _____

8. Чье мнение для вас является наиболее интересным?

- Журналиста
 Специалиста
 Участников события
Другое _____

9. Вас устраивает цена журнала?

- Да
 Нет
Другое _____

10. Ваш пол:

- Ж
 М

11. Ваш возраст

12. Ваше образование

- средняя школа
 техникум/колледж
 вуз
 аспирантура

13. Ваш социальный статус

- Руководитель
 Предприниматель
 Сотрудник гос. учреждения
 Сотрудник коммерческой фирмы
 Военный
 Рабочий
 Учащийся
 Домохозяйка
 Пенсионер
Другое _____

14. В вашей семье есть автомобиль?

- Нет
 Да, отечественный
 Да, иностранный

15. Вы совершаете поездки за границу?

- Нет
 Да, туристические поездки
 Да, деловые поездки

16. Какую часть зарплаты вы тратите на питание?

- Более 75%
 75—50%
 50—25%
 менее 25%

Ваш контактный телефон или адрес

Русская песня

Неповадно лебеди в светлый лес
летать,
Да запало на сердце сокола искать.
Сокол, сокол, сокол да, сокол дорогой,
Улетела бы за тридевять да сто земель
с тобой.

Сердце жжет у сокола, ярое кипит,
И стрела натянута, и душа не спит.
Не летай, лебедушка, не летай в лесу.
Потеряешь, белая, всю свою красу.

Все повадно — ладно бы, да в лесу
темней,
Слово заговорное есть одно у ней:
Сокол, сокол, сокол да сокол дорогой,
Улетела бы за тридевять да сто земель
с тобой.

* * *

Свет-подруга моя
на меня поглядела с опаской:
Слишком тайно заря
проступала сквозь бледность лица.
— Что ты мучишь себя
недоступной мечтою, как сказкой?
Ты живешь на Земле, —
не достать неземного кольца.
— Хватит, полно! — отвечу, —
ты знаешь — душа не синица,
даже и не журавль,
а рванется — и не удержать.

Белая лебедушка бьется во сетях:
Бедную замучили стыд, любовь и
страх,
Бьют наотмашь ветки по белым
крылам, —
Не летай, незваная, по чужим лесам.

Неповадно лебеди в темный лес
летать,
Стало ей невесело сокола искать.
Сокол, сокол, сокол да сокол дорогой,
Улетел за тридевять да сто земель
с другой.

Кто не знал высоты,
тому никогда не разбиться.
Чую искренний свет,
как же искры своей не дерзать!
Свет-подруга моя, рассмеявшись,
сказала: «Случайно!»
— Да, наверно, случайно...
как на цвет попадает пыльца...
Оттого и горит
эта светлая память и тайна:
Здесь, живя на Земле,
все искать неземного кольца.

ТРИ ПОДАРКА

Сергей Чекмаев

иллюстрация
Алексея Остроменцкого

Яркий, по-настоящему весенний сон оборвался неожиданно: за окном приветливо загрохотал отбойный молоток. Олеся, ничего не понимая спросонья, с ужасом цапнула со столика будильник. Он показывал без четверти десять и молчал, как партизан на допросе. Не услышать сигнал было невозможно — пронзительный писк поднимет и мертвого, значит, его просто забыли вечером завести. Но пусть даже сломался — теперь уж не важно. Кому интересно слушать сбивчивый лепет с отмазками: сломался, пробки, лифт застрял.

Опоздала — отвечай. Запись в журнал обеспечена. Две записи — штраф, десятков — увольнение. Конечно, после того, как в начале года ее перевели в службу информации, Олеся обрела на фирме некий статус и перестала быть такой зашуганной. Ведь простых девчонок-операторов штрафуют за все подряд: за неуважение к клиенту, за (упаси Бог!) личные разговоры, за те же опоздания, наконец. Пейджинговая компания «Сигнал» — не место для ленивых и безынициативных. Олеся первое время сама раза три попадала под неумолимую отметку в графе «вычеты».

Сейчас полегче, но все равно — за опоздание по головке никто не погладит.

Она спрыгнула с кровати, пытаясь нащупать на полу тапочки. Вечно они куда-то пропадают! Отлично, один есть. Где же второй? Олеся наступила на что-то мягкое (скорее всего, сброшенную ночью подушку), вздрогнула и окончательно проснулась. И только тогда с облегчением поняла, что торопиться ей некуда.

Фу-у-у. Сегодня же Восьмое марта, выходной!

Правда, по извечному закону подлости, ей выпало дежурить именно в этот день. Но Рудик, с трудом выкроив из своего графика целый свободный вечер, пообещал ей именно восьмого нечто фантастическое. Пришлось уговаривать девчонок подменить, обещая немислимые блага. Поначалу никто не соглашался. Кто ж захочет добровольно работать в самый что ни на есть девчачий день!

— Да ты что, подруга! Восьмое марта!

В конце концов, все сложилось удачно — видно, ее ангел-хранитель решил, наконец, вспомнить о своих прямых обязанностях. Совсем недавно она прочитала в каком-то глянцево-м журнале, что хранители оберегают людей с детства и до двадцати пяти лет, а дальше — только присматривают. Олеся давно уже привыкла рассчитывать только на себя, и статья показалась ей надуманной, а теперь вот вспомнилась почему-то.

Надо же, ангел-хранитель! Может, история с подменой была его прощальным подарком?

Смешно, конечно.

Маринка, сменщица, давно уже собиралась на недельку к предкам в Саратов, но ей были позарез необходимы два выходных — какой смысл мотаться за восемьсот кмэ, чтобы через день уже собираться назад. Олеся и поменялась с ней: восьмое на десятое и тринадцатое — одно дежурство за два. Ну, ничего. Если все будет хотя бы наполовину достойно той таинственности, которую, закатывая глаза, напускает на себя Рудик, неравноценный обмен того стоит.

Он обещал быть к двум. Значит, еще есть немного времени понежиться в постели, а потом, не торопясь и со вкусом, «нарисовать», как Иришка говорит, лицо.

В половине третьего Олеся начала беспокоиться. Где же он? Пробок особенных сегодня нет — мужики все по домам сидят, своих ненаглядных обхаживают. Может, что-то случилось? Или просто подарок ищет? Впрочем, особой пунктуальностью Рудик и раньше никогда не отличался.

Она в который уже раз набрала номер рудиковой трубки и услышала обычное: «абонент временно недоступен.» Проклятье! Ни в чем не повинный телефон лишь крякнул, когда Олеся в сердцах шваркнула его на базу.

Часы на кухне пробили три, и тут, словно по заказу, в прихожей мелодичной трелью проснулся звонок.

А вот и Рудик! Ну, наконец-то!

Олеся полетела открывать, даже в глазок не удосужилась посмотреть — провернула замок и настежь распахнула дверь.

— Руди, при... — начала она и осеклась.

На пороге стоял совсем не Рудик. Лощеный парень с неживой, будто приклеенной, улыбкой вежливо кивнул в некоем подобии поклона и спросил:

— Простите, могу я видеть Олеся?

— Это я, — недоуменно ответила она. — А что?

Щеголь улыбнулся еще шире и сунул ей под нос какую-то цветастую бумажку.

— Очень приятно! Здравствуйте! Не пугайтесь и не удивляйтесь — мы из службы доставки. Толк, давай. — Тут он махнул рукой, и из-за поворота лестничной площадки появился еще один парень с огромным, невообразимо пышным букетом.

— Готов? — деловым тоном спросил новоприбывший.

— А... да-да, сейчас. — Щеголь порывался в сумке и вытащил портативную видеокамеру с откидным дисплеем. Он пробежался по кнопкам — камера в ответ мигнула какими-то лампочками, — и нацелил объектив на Олеся.

Черт, промелькнуло у нее в голове, а я совсем не в том виде! Да и прически, наверное, никакой!

— Уважаемая Олеся! — провозгласил парень с цветами. — Этот скромный букет и не менее скромный... — он жестом фокусника извлек откуда-то из-за пазухи маленькую бархатную коробочку-шкатулку, — подарок вручает вам с наилучшими пожеланиями... один наш... э-э... клиент.

Олеся ойкнула и прижала руку ко рту. Кто же это такой оригинал, интересно?

Она встрепелулась, собралась спросить, но «букетоносец» словно читал ее мысли.

— Имя дарителя вы найдете на визитной карточке в букете. Он просил не раскрывать его сразу. Пусть это будет для вас сюрпризом.

Олеся осторожно раздвинула лепестки роз и нащупала плотный кусочек картона. Ну-ка, посмотрите. Выглядела визитка солидно: ребристый белый фон, золотое тиснение, голограмма в верхнем правом углу. Что-то знакомое...

«Рудольф Э. Гордеев. Инвестиционный фонд «Развитие и культура». Финансовый директор».

Рудик? Вот странно — такие эскапады не в его стиле. Хотя, камера... Уже по одной только ей можно было догадаться. Ведь он все время старается за ней ухаживать так, чтобы было известно всем окружающим. Работает, так сказать, на публику. Почему-то все ее подружки и его коллеги по работе всегда знают, что и когда Рудик ей подарил и в какой ресторан поведет в эту пятницу... Он всегда умудряется выронить, мило улыбаясь, билет в ложу Большого прямо перед гостями или «случайно» забыть чек в коробочке с подарком.

Вот и сейчас парень с камерой крупно показал визитку, одобрительно причмокнул, после чего развернул объектив и поймал в кадр Олесину руку с бархатной шкатулкой. Ни слова не сказал, но вся его поза говорила: открывай, давай, чего тянешь!

Олеся не стала обманывать его ожиданий и, щелкнув хитрым замочком, откинула крышку. Внутри оказалось вычурное, аляповатое колечко, какое Олеся в здравом уме не надела бы, наверное, даже и под страхом расстрела. Мужчины, чего с них взять! Естественно, снизу к ободку прилепилась скромненькая бирочка «Ювелирный в Чертаново» и ценник с незначительной, надо сказать, суммой.

Щеголь тихо охнул за спиной и, когда Олеся обернулась, изобразил потерю дара речи от восхищения. Второй парень — тоже. Прямо пантомима «немой восторг».

Они что, притворяются, что ли?

Олеся закрыла коробочку, вздохнула и, памятуя про жадно рыскающий объект, наклеила на лицо улыбку.

— Вот это да! Это правда мне?

— Вам, вам. — Камера исполнила, похоже, свою роль и снова исчезла в недрах сумки. А на свет появилась прозрачная папка-файл. — Вы же Олеся Николаева? Тогда распишитесь здесь и вот здесь, пожалуйста.

Переход от показной романтики к грубому практицизму был столь резким, что Олеся от неожиданности чуть не выронила букет.

— Расписаться?

— Ну, да. Все доставлено в лучшем виде, ведь так? Тогда распишитесь, и мы поедем. Вызовов сегодня много.

Олеся прижала к себе букет, коробочку с кольцом сунула в карман и стала судорожно ощупывать себя в поисках ручки.

— Это ищите? — Щеголь уже протягивал ей прозрачный стержень с загодя снятым колпачком. Нет, чего-чего, а в предупредительности им не откажешь.

Олеся размашисто расписалась, вернула ручку и несмело улынулась:

— Все?

— Да. Спасибо большое, очень-приятно-что-вы-были-нашим-клиентом-удачи-вам-до-свиданья, — скороговоркой выпалили парни почти хором и, кивнув на прощание, побежали вниз по лестнице.

Только через минуту Олеся запоздало сообразила, что они так и не удосужились поздравить ее с Восьмым марта. Мужчины!

Она вернулась в квартиру, бросила коробочку на столик в прихожей и в первую очередь решила изыскать удобоваримую посудину для пышного букета. Подходящей вазочки обнаружить не удалось — слишком уж он был велик. И пришлось реквизировать для этой цели огромный трехлитровый кувшин, подаренный тем же Рудиком на прошлый день рождения.

Вместе они будут неплохо смотреться.

Телефон зазвонил, когда Олеся обрезала ножку третьему по счету цветку. Чуть не уронив со стола распотрошенный букет, она с ножницами в руках побежала в комнату.

— Привет, крошка! — Голос Рудика доносился издалека, словно он разговаривал через интерком.

— Руди, привет! Ты где пропадаешь? — Олеся хотела добавить, что она вот уже больше часа его ждет, что соскучилась и, наконец, что тысячу раз просила не называть ее крошкой, но Рудик перебил ее:

— Извини, крошка. Мне очень жаль, но я не смогу сегодня к тебе приехать. У нас тут жуткий цейтнот, налоговая проверка на носу, представляешь?! Придется торчать до ночи. Не обидишься?

От неожиданности Олеся даже села на кровать, нервно стиснув в руках ножницы. А потом на нее накатила такая щемящая обида от рудиковой несправедливости, что она чуть не расплакалась. Опасаясь выдать свое состояние, Олеся молчала.

— Вот и ладненько. Ты только не грусти, хорошо, крошка? Там к тебе скоро курьеры из доставки приедут, привезут мой подарок. Занятная штучка, тебе, наверняка, понравится. Я полмагазина обошел, пока она на глаза мне подвернулась. А эти продавщицы не понимают ничего — подсовывали мне какие-то кулончики, браслеты... Маленькие они все какие-то, несолидные, а эта штучка мне сразу приглянулась — большая, заметная. Я тебе и купил. Ладно, извини, пора бежать. В общем, не грусти и не скучай, я постараюсь на той недельке время выкроить, договорились?

— Договорились. — Олеся прилагала титанические усилия, чтобы не разрыдаться хотя бы в трубку, и потому голос вышел какой-то механический, равнодушный.

— Я очень рад, что ты на меня не обижаешься. Пока, крошка. С Восьмым марта! Хоть этот вспомнил!

Олеся нажала на отбой, и душившие ее слезы прорвались, наконец, наружу. Странно она, наверное, выглядела сейчас — ревущая девчонка с зажатыми в руках телефонной трубкой и ножницами. Прямо-таки персонаж для голливудского психотриллера.

Через пару минут телефон тренькнул снова. Олеся долго решала, подходить или нет, а пока думала — немного успокоилась, и все же решила ответить. Ну, если это Рудик! Держись, гад!

— Привет, Лесная Фея!

Стас или, как его чаще звали друзья, да и она сама, — Стась. От одного только его голоса Олесе заметно полегчало, да еще от этого прозвища — Лесная Фея, прилипшего к ней еще со школьных времен, когда она играла нечто подобное в самодельном спектакле. Ну, почему, почему он всегда так удивительно вовремя!

— Стаська, привет!

— Привет-привет, я уже здоровался, не слышала? Что-то голосок у нашей Феи не очень. А ведь радостный должен быть — Восьмое марта все-таки. Небось, парни с утра в очередь становятся, чтобы поздравить, а? Утомили, наверное, ты их прогнала, и они теперь серенады под окнами наигрывают?

Ага, вот один такой уже наиграл. Просто душа поет...

Удивительно, но Стась всегда появлялся на ее горизонте именно в тот момент, когда в нем особенно нуждались. С ним легко забывались любые обиды и разочарования, с ним было намного проще пережить самые тяжелые удары, с ним все плохое становилось мелким и незначительным.

— ...вот я и подумал: пришло время Феечку поздравить. Я, наверное, буду неоригинален, тебе уж сто раз нечто такое желали, но пусть у тебя в жизни случается только хорошее, пусть люди, что окружают тебя, окажутся лучшими людьми на свете, а...

Олеся чуть снова не разрыдалась. Стаська, милый, да где же все это найти — хороших людей и хорошие события, когда даже в самый женский из всех дней в году она совершенно одна? Хотя...

— Стась, ты сейчас дома? Можно к тебе приехать? — Олеся спросила так неожиданно, прервав очередное витиеватое пожелание, что Стас осекся и замолчал. — Ау, Стаська! Так ты дома или нет?

— Сейчас — нет, — ответил он весело. — Но, если тебе надо, то через полчаса буду. Как штык.

Всегда он такой — «если тебе надо...» Олеся не удержалась и все-таки всхлипнула прямо в трубку.

— Понял, — немедленно отреагировал Стас. — Приезжай. Пока доберешься, я изыщу чего-нибудь вкусенького.

Ехать к Стасу было недалеко — почти на другой конец города. Пока Олеся одевалась, пока ловила машину, про Рудика даже и не вспомнила. Словно отрезало.

Хорошо, что есть Стас. Человек-стена, за которым чувствуешь себя абсолютно защищенной. Знакомы они были давно — еще со школы. И как-то так выходило, что всегда, когда Олесе было плохо и нужна была помощь, Стась оказывался рядом. Помогал где словом, где жилетом, в который хочется выплакаться, а где и делом. Причем Олеся все чаще начинала подозревать, что ради нее он забрасывает все свои дела.

Первый такой случай был лет шесть назад, когда отличница и медалистка Олеся Николаева совершенно неожиданно провалилась на первом же вступительном экза-

мене. Вот это был крах! Удар из ударов. Увидев в списках абитуриентов свою фамилию с жирной «двойкой» напротив, Олеся почувствовала, как пол уходит из-под ног. Она помчалась домой, не разбирая дороги. И закрылась бы, наверное, в комнате, плакала бы в подушку, не подходила бы к телефону и, конечно, пропустила бы экзамены в другом вузе, но у подъезда ее ждал Стас. Он без слов понял ситуацию, сгреб Олесю в охапку и притащил к себе. Долго отпаивал чаем, выслушивал бессвязный лепет: «Все пропало, жизнь прожита зря», после чего здорово врезал ей по мозгам. Словами, конечно. Нечего, мол, биться головой о стену, ничего еще не потеряно, по твоему профилю существует миллион других институтов, завтра поедем вместе, заберем документы и подадим в любой из них.

Действительно, так и получилось. Потом Стас ездил с ней на каждый экзамен, ждал у входа все пять-шесть часов, встречал уставшую и замученную, тащил домой чуть ли не на своем горбу. Поступив, Олеся все пыталась поблагодарить Стаса, но он только отмахивался. И лишь четыре года спустя она узнала, что в день, когда она провалилась в университет, Стас сам должен был сдавать экзамен, но из-за нее пропустил все, что только можно, сорвал поступление и чуть не загремел в армию.

Они даже и поссориться за все время умудрились лишь однажды. По ее, конечно, вине. Стас хотел как лучше, а она не поняла. Смешно. Случилось это еще в школе, классе в пятом, что ли? — сейчас точно и не упомнить, — на уроке рисования. Странный предмет с диким наименованием «ИЗО» должен был научить среднестатистического ученика изображать хоть что-то, похожее на жизнь, а не просто детские загогулилки. Обычно педагоги подходят к предмету механически, но в Олесиной школе рисование вел совсем молодой учитель, недавний выпускник Строгановки. Он не успел еще растерять восторженную веру в Великое Искусство и старался разнообразить сухую школьную программу.

И вот в один из дней неуемный творческий энтузиазм Альберта Юрьевича, в народе — «Алика», натолкнул его на оригинальную идею. Сияющий, как новенький пятак, он влетел в класс сразу после звонка и с порога заявил:

— Сегодня мы будем рисовать портрет.

И когда с первой парты резонно спросили: «Чей?», Альберт Юрьевич, словно только и ждал этого вопроса, ответил:

— Будем рисовать друг друга. Но показывать тому, кого рисуешь, нельзя, а то будет неинтересно. А как будет готово — сразу сдавайте мне.

— И мы себя так и не увидим? — огорчился кто-то из девочек.

— Увидите, — улыбнулся «Алик». — Обязательно увидите. Лучшие портреты на следующем уроке я вывешу на доску, и мы все вместе попытаемся угадать, кто же на них нарисован.

Идея классу понравилась. Стулья выставили в проход между партами так, чтобы соседи оказались друг напротив друга, Альберт Юрьевич раздал бумагу — и понеслось. Стас тогда всю ее измучил — повернись, подними голову, улыбнись, не дергайся... Олеся надеялась, что выйдет нечто совсем уж шедевральное, и с нетерпением ждала следующего занятия. Но «ИЗО» по расписанию было только раз в неделю, а терпения с каждым днем оставалось все меньше: она чуть не довела несчастного Стаса до белого каления, требуя описать, что же он там такое изобразил. Он только загадочно улыбался: «Увидишь».

Увидела. Лучше б не видела, в самом деле, хорошо, хватило сил не расплакаться.

Кто из нас, положа руку на сердце, может честно сказать, что в двенадцать лет умел рисовать? Никто, кроме разве что единиц, из породы будущих гениев, с рождения наделенных немереным талантом. Только такие обычно не учатся в простых школах, они с первого класса нацелены на художественные салоны и персональные вы-

ставки. Стас, конечно, ничем таким не выделялся. И понимая это, он, чтобы добиться максимальной похожести, старательно перерисовал все мельчайшие черточки ее лица. Ну, и естественно, все родинки, прыщики и даже зияющую дырку на месте выпавшего недавно молочного зуба.

Ужас! Вышло, как в песне — «Я помню все твои трещинки, а-а-а...» Конечно, ее сразу узнали.

— Смотрите, а это Олеська! Ну, точно!

Много позже она поняла, что Стас и в мыслях не имел ее обидеть. Просто он не понимал еще, что женщину никогда не следует изображать такой, какая она на самом деле. Ведь, если разобраться, портрет — это тоже своего рода комплимент...

Олеся в расстроенных чувствах сорвала рисунок, разорвала его на мелкие кусочки и две недели потом со Стасом не разговаривала. Бедняга не понимал, за что ему такое наказание, то и дело пытался помириться, но Олеся оставалась непреклонна. Лишь когда Стас пообещал ей, что вырастет, станет художником и нарисует сто тысяч ее портретов в миллион раз лучше первого, она снизила. С тех пор они не ссорились никогда.

А художником Стас все-таки стал. Правда, не настоящим, а фотохудожником, но обещание свое неуклонно выполнял: у Олеси уже три альбома были забиты своими собственными студийными фотографиями. На них она получалась то загадочной, то соблазнительной, то неприступной, но всегда — это приходилось признать — всегда лучше оригинала. Стас не подвел. Как обычно.

Водитель попался культурный: поздравил с праздником, пожелал «такой красивой, только почему-то грустной девушке» больше веселья и любви.

К началу марта, как всегда, погоду развезло, и машина медленно тащилась по отвратительной серой каше из снега и грязи.

Тренькнул мобильный.

— Олеська? — голос Стаса был деловит. — Я уже дома. Ждем.

— О-о, вас много? Кто это с тобой?

— Ой-ой, сколько подозрительности! Мы ждем. Я и сюрприз. — Он рассмеялся. — Торопись, а то сам съем.

На душе чуть потеплело. Господи, Стаська, хорошо, что ты есть у меня!

Водитель оглянулся, кивнул на мобильник, который Олеся сжимала в руке.

— Ждет?

Как-то у него это получилось... по-дружески. Олеся даже не пришло в голову возмутиться: «Не твое дело!», наоборот, она улыбнулась и ответила:

— Ага. Говорит: вдвоем ждут — он и сюрприз. А первый второго скоро съест.

— О! — водитель картинно нахмурился. — Это плохо. Тогда нам стоит поторопиться.

На мгновение Олеся показалось, что за рулем сидит Стас. Такая же легкая ирония в словах, вечное дружелюбие и такое же ловкое, без лишних движений, управление машиной.

Правда, Стас водить автомобиль категорически отказывался. Говорил — боюсь, мол. Над ним только смеялись. Вообще, у Стаса была одна интересная особенность: он словно имел какую-то неведомую власть над вещами. Они подчинялись ему беспрекословно. У него НИКОГДА не билась посуда, не ломалась ступенька под ногами, его ни разу в жизни не било током, карточки метро и банкомата даже и не думали взбрыкнуть и застрять где-то в механических глубинах.

Когда Стас щелкал пальцем по сигаретной пачке — он курил только «ЭлЭм», наружу вылезала именно одна сигарета, а не три-пять, как обычно. Или две, если Стас собирался кого-то угостить. Интересно было наблюдать, как он режет хлеб — самые свежие и мягкие батоны никогда не крошились, а куски получались не толстые и не тонкие, в самый раз.

Поначалу Олеся удивлялась, да и не она одна. Многие замечали.

— Как это у тебя получается?

— Что?

— Ну, с сигаретами вот...

Стас всегда с каким-то детским недоумением смотрел на свои руки, пожимал плечами и бормотал: «Не знаю, как-то само все выходит...»

Постепенно привыкли. И теперь, когда «вечная» Зиппо или даже простой китайский «Крикет» не хотел загораться на ветру, зажигалку протягивали Стасу:

— А ну-ка, чиркни... Не зажигается что-то.

Когда машина подрулила к Стасову подъезду, ледяная крупа неожиданно сменилась настоящим зимним снегопадом. Водитель витиевато простился, пожелал вслед:

— Сегодня твой праздник, девочка. Пусть у тебя все будет хорошо.

Олеся не стала ждать лифта, взлетела по ступеням. Стас уже ждал в дверях.

— Привет!

Он галантно принял у нее куртку, умудрившись ни за что не зацепиться рукавами в своей маленькой прихожей, и сказал:

— Проходи, я сейчас...

Олеся проскользнула в ванную — вымыть руки, ну и, конечно, заодно проверить прическу — и, пытаясь перекричать шум льющейся воды, грозно спросила:

— Сюрприз не съел?

— Хотел, — честно признался Стас, — но не успел, ты быстро приехала.

Интересно, ей показалось, или он на самом деле сегодня не такой, как обычно. Немного настороженный, что ли...

В большой, просторной комнате, бывшей когда-то спальней и кабинетом, — Стас сломал перегородку и сделал из нее студию, — Олеся прямо с порога запрыгнула в свое любимое кресло. Поджала под себя ноги, откинулась на спинку... Сколько же раз она сидела здесь! Это кресло помнит сто тысяч ее печалей, мелких и не очень, ее горести и неудачи, но радости и победы тоже.

Олеся блаженно вздохнула. С кухни послышался крик:

— Не фыркай там, сейчас несу уже...

Через мгновение Стас появился на пороге с огромным подносом, заставленным какими-то хитрыми коробочками, баночками и небольшим, с полтора наперстка объемом, заварочным чайником — хозяин дома был большим поборником чаепития и знал в этом толк получше некоторых чайных клубов.

Оглядев все это великолепии, Олеся изобразила на лице привередливую гримаску и капризно спросила:

— А где же сюрприз?

— А вот.

Стас извлек из-за спины большую коробку ее любимого торта-мороженого. Как он умудрился все это унести всего в двух руках, она даже и не думала, а просто подскочила с кресла и кинулась ему на шею.

— Стась! Это просто ме-ечта! Ты меня избалуешь.

Он рассмеялся (самую малость натужно, или ей снова показалось?):

— А то! Я такой, да. Люблю баловать Лесных Феек. Ладно, сядь пока, надо чай делать.

Олеся снова свернулась в кресле и стала в который уже раз с благоговением наблюдать, как Стас священнодействует в своей стихии.

Чайник был по всем правилам ошпарен крутым кипятком, при этом ни одной капли не пролилось на стол. Одну за другой Стас ловко подцеплял ложечкой крышки деревянных коробков, сыпал в чайник точно отмеренную дозу душистого травя-

ного настоя. Мята, жасмин, зверобой, какие-то восточные травы... руки Стаса так и мелькали, и он, как всегда, умудрился ничего не просыпать, не уронить и не испачкать.

— ...и вот представляешь: я освободила день, не без труда, заметь, чего мне это стоило! А он звонит и говорит — извини, крошка, не могу сегодня. Как всегда: проверка то, проверка сё... На моей памяти шестая уже. И надо же было именно Восьмое марта! В мой праздник.

За все время продолжительного и весьма, надо сказать, экспрессивного монолога Стас не проронил ни слова, лишь кивал в нужных местах и улыбался. Когда Олеся замолчала, он протянул ей на блюдечке очередной кусок подтаявшего уже торта и спросил:

— Тебя это до сих пор напрягает?

Олеся хотела было выпалить: «Да», но, прислушавшись к себе, обнаружила, что давно уже не сердится на Рудика, да и стоит ли он того, чтобы на него сердиться? Ну, не встретились, ну и что? Потащил бы он ее в какой-нибудь новомодный ресторан, где пришлось бы слушать его плоские шутки и натужно восхищаться оригинальностью блюд. Да-да, акульки плавники в соусе из кипяченых медуз особенно удались сегодня... Тьфу!

Зато есть вот этот вечер, есть Стас, чай, мороженое, сто лет знакомая, давным-давно ставшая родной студия и снег за окном.

— Да нет, — искренне ответила она, — уже нет. Словно, как только приехала к тебе, все отрезало. Ты, как всегда, меня спас, Стаська... Спасибо.

— Ну, уж, — Стас смущенно потупился. — Спа-ас... скажешь тоже. — И он выскользнул из-за стола, подхватив чайник. — Еще будешь?

— Стас, — неожиданно спросила Олеся, — а можно я у тебя переночую сегодня? Совершенно неохота домой ехать.

Девять лет она собиралась задать этот вопрос и вот, наконец, решилась. Стас замер на пороге кухни с чайником в руке. Когда он обернулся, Олеся даже вздрогнула: такое у него было странное выражение лица. Будто какая-то давняя мука исказила привычные черты.

— Да, конечно, — тихо ответил он. — Ключи я оставлю, покажу, как дверь закрывать.

— А ты что — уезжаешь?

Неужели и он не лучше Рудика? Да нет, не может быть. Здесь что-то другое.

Стас грустно кивнул.

— Я уже давно должен был... И так задержался.

Как-то у него это получилось... значительно, что ли? Словно не на один вечер уехать собрался, а вообще — на край света эмигрировать. Стоп! А если и правда...

— Из-за меня?

— Ну, можно сказать и так. Только ты не бери в голову, — заторопился он, пытаясь ее успокоить. — Понимаешь, так положено, но я просто немного просрочил время и...

— Какое время, Стас? Ты о чем?

Несколько минут он молчал. И когда напряжение стало совсем уж невыносимым, Стас поставил чайник на пол и, открыв шкаф, принялся рыться в каких-то бумагах.

— А, вот она. Знаешь, — он обернулся к ней, — у меня есть для тебя подарок. Вроде как на Восьмое марта. Видишь ли, я хотел, чтобы он напоминал обо мне...

— Господи, Стас! Да что происходит? Куда ты собрался? Я никуда тебя...

Он предостерегающе поднял ладонь.

— Тссс... Помнишь тогда, в пятом классе, я нарисовал твой портрет?

— Да! Я почему-то сегодня тоже про него вспоминала...

— Ты тогда еще обиделась и порвала его. У меня теперь есть замена. — И Стас протянул ей большую белую папку.

Внутри лежала лишь одна студийная фотография. Зато какая! Олеся припомнила: он снимал ее на прошлом дне рождения. Она тогда была в черной облегающей водолазке и черных джинсах, в Стасе немедленно проснулся фотограф, он чуть ли не силой усадил ее на подиум — небольшое возвышение вон в том углу студии, где Стас обычно фотографировал.

Он тогда ее замучил — долго ставил свет, подбирал объектив, пленку...

Но теперь понятно было, что не зря. На снимке таинственная черная фигура с развевающимися волосами проступала из полумрака, загадочно улыбаясь. Настоящая Лесная Фея, она сама, Олеся.

— Ох, Стась, это здорово, но...

— Теперь рвать не будешь?

Олеся подняла на него глаза.

— Стаська, а тебе так уж надо уходить, а? Остаешься со мной...

— Я бы очень хотел. Но нельзя — я и так уж все сроки пропустил... Двадцать пять тебе когда было?

Не понимая, при чем здесь ее прошлый день рождения, да и не собираясь даже задумываться, Олеся зажмурилась и выпалила:

— Ну, как же я буду без тебя, Стаська? Я же люблю тебя!

Стас вздрогнул, молчал целую минуту, а потом задал абсолютно идиотский вопрос:

— Ты уверена? — Потом замотал головой: — Нет-нет, не отвечай!

— Стаська, я... я давно уже уверена. Просто боялась тебе сказать.

— Господи, Феюшка, да почему?

— Ну, ты так давно со мной... со всеми своими тайнами и неприятностями я же к тебе бегала. Я для тебя, как открытая книга. Да и, наверное, неинтересная уже — кому нужна девушка без тайны!

Стас взял ее руки в свои, поднес к губам.

— Ты сама это сказала.

— Что?

— Что любишь меня.

— Да, конечно...

— Не раскаешься?

— Нет, Стаська, конечно, нет! Только ты, — Олеся вцепилась в его ладонь, — не уходи сегодня, хорошо?

— Нет-нет, теперь не уйду. Я же... — Стас говорил спокойно, уверенно, от былой настороженности не осталось и следа. — Куда же я теперь от тебя денусь.

Он присел на корточки перед креслом, поерзал, устраиваясь поудобнее... и вдруг случайно задел плечом столик. Чашка, жалобно звякнув, скатилась на ковер — хорошо, не разбилась.

И Стас, и Олеся, не сговариваясь, удивленно уставились на нее.

— Господи, Стась! — испуганно воскликнула она. — Ты же никогда не...

Он ласково обнял ее за плечи и посмотрел прямо в глаза. Улыбнулся уголками губ.

— Ничего. Теперь уже ничего. Вот странно, — добавил он через несколько секунд совсем другим голосом, в котором, казалось, не осталось и следа недавней грусти. — А я думал, что Восьмого марта подарки принято делать только женщинам.

А за окном, кружась в теплом мартовском воздухе, все падали и падали снежинки. Сплошная белая пелена укрывала недавнюю неряшливую мешанину, и всем было ясно, что уже к вечеру от утренней грязи не останется и следа. □

иллюстрация
Льва
Рябинина

КОШКИ- МЫШКИ

Стивен Брок

1

Берт Норден вытянул длинные ноги и скептически посмотрел на босса.

— Честно говоря, даже не знаю, хочу я браться за это дело или нет.

— Клиент обещает хорошо заплатить, — объяснил босс. — Он знает, что ему нужно, и готов хорошо заплатить за твои услуги.

По лицу Нордена пробежала улыбка.

— Значит, клиент — мужчина.

Босс махнул рукой и произнес:

— Ничего это не значит. Просто я так выразился. Сам ничего не знаю.

— Черт побери! — пробурчал Норден. — Если я соглашаюсь на кого-то работать, то должен знать, по крайней мере, кто это.

Босс положил маленькие ладони с ухоженными маникюренными пальцами на стол и хмуро уставился на них. Через пару секунд он поднял голову и посмотрел на Нордена. Детектив увидел, что из его глаз исчезли последние остатки терпения.

— Я терплю твою наглость только потому... — начал он.

— Знаю, — прервал Норден. — Вы терпите мою наглость потому, что я лучший сотрудник в нашем агентстве.

Берт даже не пытался скрыть плохое настроение, вызванное неважным самочувствием. Сегодня он чувствовал себя не самым лучшим образом. Сейчас ему хотелось приложить к затылку лед, а не спорить с этим хитрым коротышкой.

Босс кивнул.

— Да, ты лучший оперативник в нашем агентстве. Обычно ты справляешься с порученными заданиями с помощью своих немного необычных методов, но на этот раз условия меняются. Сейчас тебе придется держаться подальше от бутылки с твоим любимым ромом и женщин.

— Я хочу знать, на кого мне предстоит работать, — упрямо повторил Берт Норден.

— Формально, ты будешь работать секретарем Джонатана Декера. Это все, что тебе следует знать. Я уже обо всем договорился. Декер думает, что берет секретаря с большим опытом.

— Все верно, — самоуверенно вставил Берт Норден. — У меня действительно большой опыт секретарской работы.

— Ты работал секретарем, но это было давно, — исправил его босс. — И сейчас тебе придется вспомнить секретарское ремесло. Только на этот раз ты не должен напиваться со слугами и приставать к служанкам.

— Ну, и что мне придется делать у этого Декера? — почти робко поинтересовался Берт.

— Я же тебе говорил: ничего особенного. Будешь работать секретарем и... раз в неделю предоставлять мне письменный отчет. Декер — богатый старик, и ему требуется секретарь. В этом и заключается твоя работа.

— Ага, — многозначительно кивнул Норден и недоверчиво развел руки в стороны. — Значит, в этом и заключается моя работа. И за это я буду получать жалованье и от вас, и от Декера, и еще премиальные. Если мне не изменяет память, вы что-то говорили о премиальных, да?

По лицу босса промелькнуло выражение, будто он вот-вот сдастся и улыбнется.

— Если твоя работа устроит клиента, то будут и премиальные. — Он дождался, когда детектив дойдет до двери, потом спросил: — Теперь все понял?

— Все... — кивнул Берт и добавил после небольшой паузы: — Все, что мне следует знать.

В приемной Берт остановился у стола, за которым печатала рыжая секретарша босса.

— Как дела, Эми? — с улыбкой поинтересовался он.

— Совсем неплохо, если принять во внимание, что я провела ночь не с кем-нибудь, а с тобой.

Норден весело подмигнул.

— Босс отправляет меня на многообещающее задание. Когда вернусь, прогудим мою премию, договорились?

— Лучше я пушу себе пулю в лоб, чем еще раз встречу с тобой, — сердито ответила девушка и затарахтела на пишущей машинке.

Берт Норден вышел из частного сыскного агентства. Его машина стояла в подземном гараже этого же здания. Собранные чемоданы уже лежали в багажнике. Он хорошо знал босса и поэтому приехал на работу, приготовившись, на всякий случай, к отъезду. Его начальник отличался особым талантом — он приводил неотразимые доводы, и с ним невозможно было спорить. Хотел Норден эту работу или не хотел, не имело никакого значения. Главным всегда были деньги. Клиент хорошо платил, и это перевешивало все остальные доводы. Кроме денег, коротышку вообще ничего не тревожило. В ожидании лифта Берт в последний раз посмотрел на приблизительную карту местности, которую набросал ему босс. Если бы он был какой-нибудь вороной, то ему нужно было бы пролететь миль пятьдесят. К сожалению, он не был вороной. Ему придется ехать по шоссе, переправляться на пароме через залив, и на все это уйдет часа четыре, не меньше.

Берт Норден углубился в горы и с наслаждением поглядывал по сторонам. Дорога проходила по очень красивой и слегка таинственной местности. Это первое, что бросилось в глаза Нордену, когда он преодолел последний крутой подъем. Какая-то таинственность окружающих гор. Берт нажал на тормоз, чтобы в последний раз полюбоваться видом. Задние колеса заскользили по утрамбованному снегу, и двухместный автомобиль сполз на пару футов.

Норден оглянулся. День выдался ясный, видимость была прекрасной. Зеленый хвойный лес спускался к голубым водам Худ Канала. За каналом протянулся полуостров, с трех сторон окруженный океаном. Океан сверкал под лучами солнца. Оно уже начинало садиться, но света было еще достаточно, чтобы разглядеть раскинувшиеся на востоке Каскады. На юго-востоке из грибообразных туч торчал Рейниер. Он словно парил в воздухе, похожий на розовую еловую шишку мороженого. Берт неохотно отвернулся, снял ногу с тормоза и поехал дальше. Дорога поднималась в гору. Скоро показались широко распахнутые ворота, висящие на двух массивных каменных столбах. Он проехал мимо елей и кедров и увидел огромный двухэтажный дом, построенный из камня и бревен. Дом был с крутой крышей, как альпийское шале, и множеством пристроек. Из многочисленных труб в небо почти вертикально поднимались тонкие струйки дыма. Дом тоже таинственный, — подумал Норден, под стать окружающим горам.

Когда он остановился на площадке перед домом, из широкой парадной двери вышел высокий мужчина. Он подошел к машине, и Норден опустил стекло с правой стороны.

Незнакомец нагнулся и заглянул в салон.

— Вы надолго, сэр?

— Может, на пятнадцать минут, а может, и на пятнадцать лет, — с широкой улыбкой ответил Берт и после секундной паузы представился: — Я — Норден.

— Да, сэр. Меня зовут Бойль, сэр.

Во всем поведении Бойля сквозило сдержанное почтение. Как будто еще не решил, как ему со мной держаться, подумал Берт. Он внимательно посмотрел на длинное худощавое лицо Бойля, отметил про себя, как тому пришлось нагнуться, чтобы заглянуть в салон, и решил, что едва ли этот долговязый тип относится к людям, которые готовы принимать гостей хозяина с искренним почтением.

Этот факт заслуживал внимания. Босс сообщил Нордену, что ему здесь придется выполнять только обязанности секретаря, но за годы, проведенные в сыском агентстве, он научился не очень-то доверять такого рода заверениям хитрого начальника.

— Вы не могли бы, — вежливо проговорил Бойль, — отогнать машину к парковочной стоянке, сэр? Она расположена сбоку от дома.

Берт Норден кивнул и поднял стекло. Парковочная стоянка, как он обнаружил через минуту, находилась за дальним южным углом дома. Она была просторная и могла вместить несколько десятков машин. С юга к дому был пристроен гараж, практически весь второй этаж которого был освещен.

Норден поставил машину и двинулся навстречу дворецкому. Они пошли по обсаженной кустами тропинке к парадному входу.

Входя в дверь, Берт автоматически нагнул голову. Бойль, который шел в шаге за ним, заметил:

— В этом нет необходимости, сэр. Дом строили специально под хозяина. Мистер Декер тоже высокий мужчина, сэр.

— А кровати в доме длинные? — с надеждой осведомился Норден.

— Если вам нужна длинная кровать, сэр, это можно легко устроить.

— Ого, — радостно улыбнулся Берт Норден, — кажется, мне здесь понравится.

С домом все было в порядке, но вот насчет Бойля у него сразу возникли серьезные сомнения. Чопорность и строгая официальность дворецкого уже начали действовать ему на нервы.

Они прошли пару десятков футов по коридору, стены которого были обшиты соновыми панелями, и очутились в просторном холле, расположенном в передней части дома. Норден решил, что ему еще не приходилось бывать в богатом особняке со столь bestоловкой планировкой. Расположенные на большом расстоянии друг от друга три закрытые двери вели в разных направлениях, узкая винтовая лестница скрывалась в полумраке. Бойль направился к двери, расположенной ближе всех к той, через которую они вошли.

На стене рядом с дверью находилась кнопка с маленькой лампочкой и висел телефон. Бойль нажал кнопку, дождался, когда загорится лампочка, и снял трубку телефона.

— Джентльмен прибыл, сэр... Да, сэр. — Он повесил трубку и сказал: — Входите, пожалуйста, сэр.

— Неужели вам еще не надоело говорить «сэр»? — недовольно поинтересовался Норден.

В полумраке холла на него бесстрастно посмотрели бесцветные глаза Бойля.

— Это входит в мои обязанности... сэр, — пожал плечами дворецкий, открыл дверь и в ожидании замер.

— Спасибо, — поблагодарил Берт Норден и прошел мимо дворецкого.

Переступив порог, он растерянно замер и попытался сориентироваться. Первое, что он почувствовал, была ужасная жара. Второе — сильное ощущение того, что он оказался в прошлом.

Сначала ему показалось, что он попал на очень дорогую съемочную площадку. Огромная комната с высоким потолком уходила вдаль. В дальнем конце виднелся громадный камин, в котором пылал яркий огонь. На красивом резном столике в цен-

тре комнаты стояла одинокая лампа. Лампа отбрасывала вокруг себя круг света, в котором Норден разглядел массивную викторианскую мебель.

Старика он заметил только тогда, когда тот заговорил.

— Ну? — послышался резкий и довольно громкий голос.

Владелец голоса сидел под бронзовой лампой в кресле-каталке у камина. Если бы Берт сначала увидел его, а потом услышал, то очень удивился бы, что такой громкий и сильный голос принадлежит такому дряхлому старику.

Скорее всего, это и есть знаменитый Джонатан Декер. Декер показался ему невероятно старым. На руках, под тонкой, похожей на пергамент, кожей проступали синие бугристые вены. Такая же тонкая кожа и на лице, голова была увенчана белоснежной шевелюрой. Под густыми старомодными усами виднелись тонкие губы. Ярко-синие глаза, как и голос, были полны энергии и жизни.

— Мистер Декер?

— Джонатан Декер, — представился старик. — А вы Норден. — Эти слова Декер произнес таким тоном, что сразу становилось ясно: больше БERTу нечем и быть. Несомненно, он ждал приезда Нордена.

Берт Норден кивнул. На какую-то долю секунды синие глаза вспыхнули. Старик поднял с колен руку и показал на стоящий поблизости стул. Другая рука продолжала неподвижно лежать на открытой книге.

Норден уселся на старинный стул с прямой спинкой и сиденьем, набитым жестким конским волосом, и принялся молча ждать.

— Если хотите, можете курить, — милостиво кивнул мистер Декер.

Норден закурил сигарету и метко бросил спичку в огонь. Сейчас, лучше разглядев Джонатана Декера, он обратил внимание еще на одну деталь его лица. Крючковатый нос навис над тонкими губами, как клюв хищной птицы, а решительный подбородок, торчащий вперед, только добавлял ему суровости.

Молчание явно затянулось, и Норден неуютно поехал.

— Вас рекомендовали мне, как превосходного секретаря, — неожиданно заявил старик. — Что вы умеете делать?

— Я окончил бухгалтерские курсы, — ответил Норден. — Печатаю на машинке, стенографирую.

— Ба! Печатать и стенографировать умеет любой клерк.

— А что вам нужно от секретаря? — не скрывая небольшого раздражения, поинтересовался Берт.

Джонатан Декер довольно улыбнулся, и Нордену показалось, что старику нравится злить гостей.

— Осмотрительность, наблюдательность, преданность.

— Все это у меня есть, только с одной маленькой оговоркой. Они не должны вступать в конфликт с моей... совестью.

— Хорошо, — кивнул Декер. — Мне не нужен секретарь, который бы пресмыкался передо мной... Пьете?

— Пью, — пожал плечами Норден.

Старик вновь неторопливо поднял худую длинную руку.

— С вами будут обращаться, как с членом семьи. Я уже сообщил об этом своим родственникам. Вы будете занимать такое же положение, как они. Запомните это. Если кто-то будет вести себя с вами высокомерно, немедленно докладывайте мне.

Норден внезапно встал.

— Донесение о семейных ссорах не должно входить в круг моих обязанностей. Я не шпион и не собираюсь здесь ни за кем следить.

Джонатан Декер резко опустил руку.

— Только не надо строить из себя Дон-Кихота. Единственная слезка, которую я вам предлагаю, нужна для вашей же защиты. Я — богатый человек, Норден. Это я вам говорю для того, чтобы удовлетворить ваше любопытство, если оно у вас, конечно, есть. Было время, когда я управлял из этого дома целым городком лесорубов. А когда понадобилось перенести лесопильный завод, то вместе с ним я перенес на новое место и сам город. Я перенес все, кроме своего дома. Через много лет продал дело и остался здесь. Дом я строил специально для себя... За свою долгую жизнь я заработал больше денег, чем это положено Богом простым людям. Единственное исключение составляют те, кто заслуживает больших денег. Так вот, я их заслужил. — Джонатан Декер неожиданно нагнулся вперед и поинтересовался: — Как, по-вашему, сколько мне лет?

Берт Норден никак не мог ответить на вопрос, который не давал ему покоя с первой минуты разговора. Он до сих пор не решил, какие чувства у него вызывает Декер: приятные или неприятные? Одно обстоятельство несомненно говорило в его пользу: старик ничего не скрывал и говорил начистоту. Честность и откровенность всегда пользовались у Нордена большим уважением, поскольку он сам был честным и прямым человеком.

— Между восьмьюдесятью и ста.

Декер рассмеялся, и его смех напомнил Берту шелест промасленной бумаги.

— Восемьдесят семь, но это не имеет никакого значения. Дело в том, что человек моего возраста может в любую минуту умереть.

— Десять против одного, что вы не умрете, — покачал головой Норден.

— Моя дочь часто говорит, что я переживу ее, — кивнул старик, попыхивая сигарой. — Может, и переживу... Для информации, Норден, моя дочь — страшный человек. Такие люди вызывают у окружающих ужас. Она откормлена, обладает вежливыми манерами и верит в Бога. Короче, типичная представительница породы самоуверенных людей, порождение вашей цивилизации. Этакий негибаемый борец за равноправие мужчин и женщин!

Берт Норден хмыкнул про себя. Судя по всему, Декер не считал своей существующую сейчас цивилизацию. Комната, в которой они находились, доказывала эту мысль. Конечно, Декер не отказывался от некоторых благ цивилизации, которые могли бы нарушить его комфорт, типа электричества и автомобилей, но в остальном явно предпочитал жить в прошлом.

— Мой зять, — неожиданно сообщил старик, — самый настоящий дурак. Отец оставил ему состояние, и он потерял его. Сейчас же никак не может взять в толк, почему я не позволяю ему проделать тот же самый фокус и с моими деньгами. И дочь, и зять полностью зависят от меня и моих капризов. Мои внук и внучка, — отчетливо выговаривая слова, продолжал Джонатан Декер, — избалованы и испорчены до крайней степени. В полном и абсолютном смысле этого слова... Артуру уже двадцать пять, но он до сих пор не жил самостоятельно, и очень сомневаюсь, что когда-нибудь сможет. Его жена — единственный приличный человек во всем доме.

— А мне понравился Бойль, — пожал плечами Берт Норден.

Декер слабо улыбнулся и ответил, не разжимая губ:

— Бойль — слуга.

Норден понял, что перед ним сидит человек, который не может не вызвать восхищения своей энергией и откровенностью, но к людям, вызывающим расположение, он явно не относится.

— Если жена вашего внука такая приличная девушка, то почему же она вышла за него замуж?

Глаза Декера широко раскрылись, и Норден поспешил объяснить равнодушным голосом:

— Если я займу место вашего секретаря, мне хочется знать хотя бы в общих чертах отношения, существующие между вашими родными. Я уже говорил, что не намерен вмешиваться ни в какие семейные ссоры. Но для того, чтобы осуществить это намерение, сначала мне нужно знать, чего следует избегать. Я не люблю бродить в темноте.

— Вижу, вы самый настоящий диктатор и вдобавок сукин сын, — пожал плечами Джонатан Декер, но в его голосе не чувствовалось никакой злобы. — Линда... жена моего внука... была моим секретарем. Я ее нашел в ночном клубе, где она пела. Привез ее сюда и научил приличным манерам и умению держаться в обществе. Все это вместе с умом в ней было заложено с детства. Время от времени она, правда, вспоминает старую жизнь и говорит грубости, но это бывает настолько редко, что не может вызывать беспокойство. Я надеялся, что она сделает из Артура человека, и приказал им пожениться, но эксперимент, к сожалению, не удался. Мать Артура, естественно, возражала против этого брака, но быстренько согласилась после того, как я поговорил с ней. Моя внучка, Ален, глупая ветреная девчонка, и, боюсь, уже не изменится. Ей еще нет двадцати одного года, и она вбила себе в голову, будто с помощью внешности может добиться всего, чего захочет. Она читает слишком много журналов, смотрит слишком много картин и слишком мало работает.

Берт устал от этой не очень оригинальной, но язвительной характеристики обитателей огромного дома. Он облегченно вздохнул, когда старик сделал паузу, чтобы нагнуться вперед и стряхнуть пепел в камин. Но, к огорчению частного детектива, Джонатан Декер тут же возобновил рассказ.

— Ален, — равнодушно произнес чудаковатый миллионер, — попытается соблазнить вас. Мне кажется, она даже не понимает, что делает. Если станет вешаться вам на шею, не отвергайте ее заигрывания.

— Я не испытываю желания делать человека из вашей внучки, — резко сообщил Норден. — И что мне, позволите поинтересоваться, делать с этой нелестной характеристикой ваших родственников? — растерянно спросил он, пожимая плечами.

— Помочь мне решить, кому оставить деньги. Выбор мною наследника будет являться одной из ваших обязанностей, Норден. Наверное, это требование кажется вам странным, но причина проста — жить мне осталось недолго.

— Ерунда, — уверенно покачал головой Берт Норден. — У вас слишком много энергии, чтобы торопиться на тот свет. Вы моложе многих молодых.

— Я говорю не о своем здоровье, — нетерпеливо пожал плечами Джонатан Декер. — В прошлом году я изменил условия наследства и отказал своим родственникам в деньгах. Теперь они — бедные, относительно, конечно, люди, но очень хотят стать богатыми. — Он сделал многозначительную паузу и через несколько секунд добавил: — Кто-то из моих родных обязательно убьет меня из-за денег.

2

С первыми двумя родственниками Декера Берт Норден встретился еще перед ужином. После этой встречи он сразу понял, почему старик обливал грязью близких. Деньги, решил детектив, могут принести не только много пользы, но и много вреда.

Примером того вреда, который могут принести людям деньги, по мнению Берта Нордена, являлись Артур Питман и, наверное, его сестра Ален.

Первый раз Берт встретился с младшими Питманами за коктейлем. Рядом с «маленькой» столовой находилась «маленькая» гостиная. С помощью Бойля Берт Норден выяснил, что эти комнаты сейчас являлись единственными в доме гостиной и столовой. Раньше, конечно, здесь были и большие гостиная со столовой, но когда Джонатан Декер отошел от дел и стал редко встречаться с родными, он забрал себе ту часть дома, где они располагались.

Может, кому-то гостиная и могла показаться маленькой, но Норден придерживался другого мнения. В просторной комнате без особой давки могли расположиться не меньше тридцати человек, подумал он, окидывая гостиную взглядом.

Артур Питман стоял у короткой стойки бара и энергично тряс шейкер, готовя коктейль. Сидевшая на стуле девушка не сводила с него взгляда. Бойль подвел Нордена к бару и негромко откашлялся.

— Мистер Норден, новый секретарь мистера Декера... Мистер Питман. Мисс Питман, сэр.

— Привет! — поздоровался Норден.

Артур Питман не соизволил даже протянуть руки. Он только перестал на какую-то долю секунды трясти шейкер и едва заметно кивнул. БERTу парень сразу не понравился. Он был красив юношеской красотой, но в приятном лице не было и следа энергии деда. Кожа — нездорового цвета, и, судя по выражению лица, он всегда был чем-то недоволен. Огромные темные глаза были тоже красивыми, но располагались слишком близко от носа. Волнистые каштановые волосы спадали на плечи.

Девушка оказалась совсем другой. С первого взгляда Норден не нашел в ней особого сходства с братом. Если Артура с какой-то натяжкой еще можно было назвать красивым парнем, то Ален Питман в красавицы явно не годилась. Для красавицы у нее было слишком резкое и узкое лицо. В первую очередь, в глаза на нем бросались полные и, на удивление, чувственные губы. Глаза у Ален были темными и большими, как у брата, но посажены не так близко. Прямые волосы, слегка вьющиеся на концах, достигали плеч. Еще Берт Норден обратил внимание на ее очень красивые руки с длинными пальцами и гладкой смуглой кожей на тыльных сторонах. Запястья были очень изящными и с виду хрупкими.

Ален Питман повернулась, откинула голову назад и внимательно оглядела секретаря деда. В ее взгляде сквозило такое плохо скрываемое презрение, что Берт с трудом спрятал улыбку.

— О да, новый секретарь, — лениво произнесла она, отвернулась и снова посмотрела на брата.

Норден поймал на себе изучающий взгляд Бойля и слегка улыбнулся.

— Пожалуй, меня рано представлять секретарем мистера Декера, Бойль. Я еще могу отказаться от места. — И непринужденно попросил: — Смешайте мне, пожалуйста, ром с водой.

Артур Питман прекратил резкие телодвижения и снял с шейкера крышку.

— Сами смешивайте, — нагло ответил он.

— В самом деле, — поддержала братца девчонка. — У вас что, рук нет?

Норден многозначительно посмотрел на нее.

— Не забывайте, я могу стать членом семьи. По крайней мере, ваш дедушка считает, что секретарь занимает такое же положение, как и члены семьи.

Ален открыла рот, чтобы возразить, но тут же резко его закрыла.

— Поторопись, Артур, — попросила она брата, не обращая внимания на Нордена.

Берт обошел стойку и нашел в баре бутылку рома. Он бросил в стакан два кубика льда, налил на три пальца рома и плеснул немного простой воды.

Все это проходило в полном молчании. И вдруг, совершенно неожиданно, Ален заговорила.

— Ах ты, вонючий шпик! — хрипло обратилась она к братцу. — Это ты накапал отцу, что я вернулась в четыре утра?

Артур Питман неторопливо улыбнулся своей неприятной улыбкой.

— А разве ты вернулась раньше? Понимаешь, все шишки обычно достаются мне, пора и тебе получить свою долю упреков... По-твоему, я должен молча выслушивать его обвинения в том, что я с грохотом бродил ночью по коридору?

— А ты не хочешь узнать, что могла бы о тебе рассказать я? — со злой улыбкой осведомилась девушка.

Нордену не нужно было смотреть на них, поскольку он прекрасно их видел в зеркале, висящем в баре. На лице Ален сейчас появилось выражение обиженного ребенка. Говорила она тоже обиженным голосом.

— Какие, например? — Артур язвительно улыбнулся, чтобы еще больше разозлить сестру, но пальцы, сжимающие стакан, побелели от напряжения.

Щеки Ален мгновенно запылали.

— Ну, например, откуда у твоей жены на плече синяк!

Артур неторопливо отхлебнул коктейль и посмотрел на Нордена.

— Моя сестра — сучка, старина. Тут уж ничего не поделаешь!

Берт Норден сделал глоток рома и ничего не сказал.

— Она предпочитает спать с шофером, нежели с людьми своего круга, — добавил Питман совершенно невозмутимым голосом, как будто говорил о погоде.

Ален Питман соскользнула с табурета, одернула красную юбку, размахнулась и бросила стакан с коктейлем прямо в лицо брату. Потом вышла из комнаты короткими шагами, громко топая каблуками.

Артур взял салфетку и с наигранным спокойствием начал вытирать пятна коктейля. Он вел себя абсолютно спокойно, только в темных глазах Норден заметил вспышку холодной ярости. Вытерев самые большие пятна с серого твидового костюма и лица, Артур вылил в стакан остатки коктейля из шейкера.

— Теперь вам будет, что рассказать старику, да?

— Как следует понимать ваши слова? — вежливо поинтересовался частный детектив.

— Только не говорите мне, что вас наняли не шпионить за нами.

— Только не говорите мне, что вы хотите получить в лицо что-нибудь покрепче коктейля, — парировал Норден. Со стаканом в руке он направился в заднюю часть просторной гостиной к двери, ведущей в столовую.

Дорогу из столовой Берт Норден уже запомнил. Он пошел по коридору, в конце которого находился выход на парковочную стоянку. Увидев справа дверь, остановился и потрогал ручку. Дверь открылась, и он увидел буфетную, за которой сверкала кухня. Когда стройная молодая служанка в фартуке оторвалась от стола и посмотрела на него, Берт быстро закрыл дверь. Он, правда, успел заметить, что она молода и хороша собой. Через секунду вновь открыл дверь и поздоровался:

— Привет! Кажется, я заблудился.

На губах у девушки появилась заученная улыбка. Ее приятное лицо имело форму сердца, из-под короткой юбки виднелись красивые стройные ноги. Очищая с пальцев листья латука, она подошла к нему и спросила:

— Куда вы хотите попасть, сэръ?

— Мне нужно убить время до ужина, — объяснил Берт Норден, и его губы раздвинулись в широкой ухмылке. — Может, вы сумеете мне помочь? Как вас зовут?

— Я — Бет, но, к сожалению, сейчас очень занята, сэр, — строго ответила служанка. — Если хотите, я провожу вас в оранжерею.

Нордену осталось только беспомощно пожать плечами. Девушка вывела его в передний холл и повела по коридору, проходящему по задней части дома. Норден попросил своего гида рассказывать, где что находится.

За первой дверью слева, объяснила девушка, расположена гостиная для прислуги. Дальше находилась широкая, покрытая ковром лестница, которая вела на второй этаж. Там располагались комнаты членов семьи.

— А эта? — поинтересовался Берт Норден, показывая на дверь напротив лестницы.

Служанка объяснила, что за этой дверью находится библиотека. Через соседнюю дверь можно попасть к лестнице, ведущей на второй этаж гаража, где живет прислуга.

— Ваша комната тоже там? — с улыбкой спросил детектив.

— Там живут все слуги, сэр, — кивнула девушка. — Мистер Бойль и остальные мужчины тоже. — Она открыла дверь в самом конце коридора. — А здесь — оранжерея. — И с этими словами служанка покинула его.

Норден тяжело вздохнул. Он вошел в оранжерею и закрыл за собой дверь. Сначала ему показалось, что он снова попал в покои Джонатана Декера — так здесь было влажно и жарко. Однако оглядевшись по сторонам, понял причину такой высокой влажности и жары. Оранжерея была огромным помещением, боковая и задняя стены которого, а также крыша, были сделаны из стекла. Здесь росло множество тропических деревьев и кустов. От входа расходились узкие тропинки.

Берт прошел по извилистой тропинке между деревьями и уперся в глухую стену. Вдоль стены добрался до двери, прошел через нее и очутился у плавательного бассейна. Бассейн не был огромным, как все в этом доме, хотя и занимал большую часть комнаты. От боковой стены дома бассейн отделяла терраса, на которой стояли плетеные столы, стулья и маленькие диваны.

Норден тяжело вздохнул, подумав, что здесь еще жарче, чем в оранжерее, и тут же понял, что он не один. Недалеко на плетеном стуле сидела Ален Питман.

Девушка поманила секретаря деда пальчиком и хлопнула рукой по дивану, который стоял рядом с ней.

— Посидите со мной, мистер Норден. Обещаю, на этот раз я выпью коктейль.

Норден сел на диванчик рядом с внучкой Джонатана Декера. Сейчас она пила что-то явно крепче пенного коктейля, который сделал ей Артур полчаса назад. На столике перед девушкой стоял серебряный графин с блестящими капельками влаги на стенках.

Берт поставил на столик свой стакан и предложил девушке сигарету. Она кивнула, и они молча закурили.

— Вы всегда ведете себя, как испорченная девчонка, когда хотите произвести впечатление на незнакомых людей? — вежливо осведомился он.

— Я позвала вас не для того, чтобы выслушать лекцию, — хмуро ответила Ален Питман. — Мне просто захотелось познакомиться поближе. Я была вынуждена бросить коктейль Артуру в физиономию. Если бы я этого не сделала, он бы наговорил кучу гадостей.

— Вы стараетесь убедить меня в том, что не так плохо, как пытался мне внушить ваш брат?

Ален опустила длинные ресницы и сладко потянулась.

— А вы всегда так грубы с женщинами, мистер Норден? Или мне можно называть вас Бертом?

— Буду в восторге, — слегка растерянно пробормотал Норден и спросил себя, откуда эта наглая девчонка могла так быстро узнать, как его зовут? Он решил не обращать внимания на ее заигрывания. — Потрясающая оранжерея!

— Самое сильное увлечение дедушки, — объяснила Ален. — Он по многу часов в день возился со своими любимыми деревьями и цветами.

— Возился?

— Да. Осенью у него был удар, и ему пришлось сесть в каталку, — кивнула она и наморщила носик. — Зато сейчас главательный бассейн в нашем распоряжении. Когда он работал в оранжерее и отдыхал у бассейна, нам редко удавалось поплавать.

Норден молча отхлебывал ром. Несмотря на свою прямоту, он никогда не торопился с вопросами, даже если его что-то интересовало. Старик Декер сейчас, конечно, интересовал его. Еще один вопрос не давал Берту покоя: кто же нанял его?

Если опасения Джонатана Декера верны, и кто-то из близких собирается его убить, Норден может влипнуть в серьезные неприятности. Дело, похоже, обещало оказаться сложным, и ему не улыбалась перспектива работать в темноте.

— Вы пробудете здесь довольно долго, — равнодушно заметила Ален. — Наверное, сначала опишете все имущество?

— По-вашему, опишь имущества тоже будет входить в мои обязанности?

Мисс Питман весело рассмеялась.

— Честно говоря, не знаю. Просто я подумала, что дедушка взял секретаря, который будет вести его дела.

— Ваш брат, похоже, думает, что меня наняли шпионить, — пожал плечами Норден.

— У Артура голова работает в одном направлении. Он во всех видит только плохое.

Прежде чем Берт смог что-то ответить, открылась боковая дверь, и на террасу вышла девушка в светло-желтом открытом купальном костюме. Обе части купальника были тоненькими лоскутками, едва прикрывающими то, что должны были прикрывать. Норден проводил ее долгим взглядом.

Кремового цвета гладкая кожа позволяла девушке носить купальник такого необычного цвета и при этом не вызывать недоуменных взглядов окружающих. Она была высокой, с длинными ногами и красивой грудью. Изящной, как у грациозной лани, походкой девушка подошла к трамплину, поднялась на широкую доску, расположенную в футе над водой, и на мгновение замерла перед прыжком.

По естественности и непринужденности движений Берт Норден мог сказать, что она еще не увидела ни его, ни Ален. Из-под желтой резиновой шапочки сзади выбивались несколько прядей белокурых волос. Неожиданно Норден почувствовал враждебность, которая волнами исходила от сидящей рядом с ним Ален Питман.

— Жена Артура? — шепотом поинтересовался он.

Ален ответила кратким кивком. Линда Питман вытянулась в струну и поднялась на пальцы ног. Под кремовой кожей заиграли красивые мускулы. Она оттолкнулась от трамплина, взлетела в воздух и почти без брызг вошла в воду. Через несколько секунд показалась желтая шапочка, потом появилось лицо. Когда Линда потрясла головой и внимательно посмотрела на террасу, по ее лицу пробежал легкий испуг. Несколькими гребками она подплыла к бортику и вышла из воды около Берта Нордена.

Вблизи Линда Питман оказалась не менее красивой, чем на расстоянии. У нее были правильные черты лица, на губах и в глазах играла искренняя, без тени притворства, улыбка.

— Привет! — поздоровалась она. — Вы мистер Норден?

— Он самый, — кивнул Берт Норден и вежливо встал. — Миссис Питман?

— Линда Питман, — представилась жена Артура и протянула руку.

Пожимая руку Линды, Норден ясно почувствовал, как Ален вся напряглась.

— Вижу, у тебя еще не прошел синяк на плече, — злорадно проговорила Ален.

Норден внимательно посмотрел на Линду и быстро нашел синяк, о котором говорила Ален. Спереди, на левом плече, виднелись едва заметные следы. Скорее всего, это был даже не синяк от удара, а следы сильных пальцев.

Линда Питман застенчиво дотронулась до плеча правой рукой.

— Не повезло с кожей, — раздался в напряженной тишине ее голос. — На ней появляются самые легкие синяки.

Берт решил сделать вид, будто ничего не понимает.

— Так всегда бывает у людей с очень тонкой кожей, — кивнул он.

Неловкую тишину разорвал внезапный смех Ален Питман.

— А по-моему, и у людей с очень толстой кожей та же самая картина, — заметила она, резко встала и двинулась к выходу.

Норден решил и дальше прикидываться, будто не знает об отношениях между Линдой и Артуром.

— Не хотите выпить? — вежливо поинтересовался он.

Линда Питман спокойно кивнула и села на низкую скамеечку около стола. Оглядевшись по сторонам, детектив нашел на одном из столиков маленький бокал для воды, сходил за ним и налил в него из серебряного графина Ален. Он увидел, что его собственный стакан опустел, и тоже наполовину наполнил его. Затем предложил Линде сигарету, от которой девушка молча отказалась, покачав головой. Если злорадные слова Ален о синяке и произвели на жену Артура какое-то впечатление, она не собиралась показывать вида. Линда сидела прямо, но в ее позе не было никакого напряжения.

— Простите, — Берт поднялся. — Пожалуй, мне не стоит больше вас задерживать. Скоро ужин, а ведь вы хотели искупаться.

Линда молча кивнула. Норден взял свой стакан и направился в оранжерею.

Маленькая столовая, как обнаружил Берт Норден, когда отправился на ужин, была похожа на маленькую гостиную. В камине пылал яркий огонь. Вся семья собралась в самом конце стола, поближе к камину. Они сидят вместе, мелькнула мысль у Нордена, будто боятся нападения и готовы защищать друг друга.

За столом присутствовали все члены клана, кроме самого Джонатана Декера. В отсутствие его во главе стола сидел Дэвид Питман, который оказался далеко не таким привлекательным зрелищем по сравнению с сыном. Артур был довольно высоким парнем, где-то около шести футов роста, в то время как отец был значительно ниже. Дэвид Питман уже облысел, и только над ушами остались венчики волос с проседью. Лысина делала его лицо похожим на круглую луну. Из-за толстых стекол очков смотрели близорукие глаза. Зубные протезы заставляли желать лучшего, и вся нижняя челюсть некрасиво торчала вперед.

Миссис Питман отличалась от мужа, как небо — от земли. В Коре Питман не было и тени застенчивости или робости. С первого взгляда становилось ясно, кто главный в семье. Нордену показалось, что она вела себя одинаково воинственно, где бы ни находилась. Если бы не орлиный нос, миссис Питман, пожалуй, можно было бы назвать привлекательной женщиной. Правда, с годами рот у нее стал тонким и напряженным, в нем ощущалось постоянное неодобрение, а решительный подбородок все дальше и дальше выступал вперед. В темно-карих глазах не было и намека на мягкость, которая обычно ассоциировалась у Нордена с глазами такого цвета.

За все время присутствующие за столом обменялись лишь несколькими фразами. Но когда принесли говядину, случилось неизбежное.

Кора Питман посмотрела на мужа и проговорила:

— Дэвид, попроси этого молодого человека устроить тебе встречу с отцом.

— Моя дорогая, — терпеливо вздохнул мистер Питман, — я же тебе объяснял...

— Кому нужны твои объяснения? Поговори с ним!

Берт посмотрел на сидящую напротив Кору Питман. Ее холодный взгляд не произвел на него абсолютно никакого эффекта.

— Когда вы хотите встретиться с мистером Декером?

— Ничего я не хочу! — резко пожала плечами женщина. — Встреча нужна мистеру Питману. Конечно, пусть отец сам назначает время, когда ему будет удобно. — Наверное, считая разговор с секретарем отца законченным, она перевела взгляд на дочь и поинтересовалась не менее холодным голосом: — Надеюсь, ты знаешь, Ален, что разбила очередной бампер на фургоне?

— Как она может это знать, если находилась почти в невменяемом состоянии? — ехидно вставил Артур Питман.

Его отец слегка расправил плечи и начал нравоучительным голосом:

— Столовая — не место для...

— Но она все равно была сильно пьяна, — перебил его Артур. — Ален так наклюкался, что Линде пришлось чуть ли не волоком тащить ее в кровать.

Берт Норден склонил голову над тарелкой, прилежно работая челюстями. Говядина приготовлена на славу, и ему было жалко отказываться от нее из-за этих типов. Он только изредка отрывал глаза от тарелки в надежде заметить какие-нибудь нюансы.

— Нужно сегодня же рассказать Нордену, что ему предстоит делать, — продолжал Артур. — Он должен завтра же приступить к работе. Линде надоело каждый день вставать в четыре утра.

— Ничего мне не надоело, — покачала головой Линда Питман. — И я вовсе не устала.

Норден посмотрел на Кору Питман, и ему показалось, что она не только не хочет, чтобы ссора затихла, а, напротив, разжигает ее.

— Твой дедушка потребует, чтобы ты заплатила за разбитый бампер, Ален, — обратилась она к дочери.

— Чем? О Господи, на те крохи, которые у меня есть, не купить и губной помады.

— Но на эти крохи ты ухитряешься, тем не менее, содержать шофера, — не преминул вставить Артур.

Ален с грохотом швырнула вилку на тарелку.

— Если вы не заставите его замолчать, я заткну ему грязный рот... навсегда!

— Я могу рассказать и другие интересные вещи, — кивнул Артур Питман. В его голосе отчетливо слышались угрожающие нотки, но Нордену, который пока еще очень мало знал о семье Питманов, этот разговор ничего не объяснял. — Очень интересные вещи.

Кора Питман продолжала сохранять олимпийское спокойствие.

— Боюсь, эти разговоры покажутся вам грубыми, мистер Норден.

— Вы правы, — согласился Норден, отодвинул стул и встал со словами: — Простите, я, пожалуй, выпью кофе с мистером Декером.

В гробовом молчании частный детектив направился к выходу. Дорога до двери показалась ему самой длинной дорогой в его жизни. Выйдя из столовой, он увидел в коридоре Бойля.

— Мистер Декер ждет вас у бассейна, сэр.

— Спасибо, — поблагодарил Норден. — Питманы всегда беседуют так мило?

На длинном лице Бойля ничего нельзя было прочесть.

— Я бы этого не сказал, сэр.

Джонатан Декер сидел на террасе. На одном из широких подлокотников кресла-качалки стоял бокал бренди. Бутылка и еще один бокал стояли на столе рядом. На коленях лежала неизменная открытая книга.

Старик с наслаждением потягивал бренди. Когда Берт Норден приблизился, Декер с негромким вздохом поставил бокал и кивнул на столики.

— Наливайте себе бренди.

Рядом с бутылкой стоял кофейник. Норден налил кофе. Ему очень не хотелось разочаровывать Джонатана Декера, но он проигнорировал бокал и налил бренди прямо в кофе. Из чашки пошел очень ароматный запах.

— Потрясающе! — кивнул он и сел.

Смех Декера вновь напомнил ему шелест бумаги.

— По вашему сердитому лицу могу сказать, что вы уже встретились с моими милыми родственничками.

— Вы меня, конечно, извините, но ваши «милые родственнички» просто избалованные идиоты. Особенно Артур.

— Ален?

— Она тоже.

— Линда?

Норден откровенно посмотрел на старика.

— Она нормальная. Мне остается только надеяться, что я сумею сохранить голову, вот и все.

Декер громко рассмеялся.

— Мне бы очень хотелось увидеть на голове Артура рога! Господи, как я был бы рад! Но для того, чтобы наставить рога Артуру, мало одного вашего согласия, — с печальным вздохом заметил Джонатан Декер. — К сожалению, Линда очень порядочная девушка и едва ли согласится изменять даже такому плохому мужу, как мой внук.

Норден промолчал, не зная, что и сказать. Когда старик Декер закурил сигару, Берт торопливо встал и успел прикурить от его спички.

— Мистер Питман хочет поговорить с вами, — сообщил детектив.

— Наконец-то, — с довольным видом кивнул мистер Декер. — Я ждал этого. Я перестал выдавать им деньги перед Рождеством. Думаю, еще один месяц на голодном пайке, и у кого-то из них, а может, и у всех сразу, не выдержат нервы.

— Как по-вашему, зачем миссис Питман сообщила мне, что Ален разбила бампер фургона и теперь должна заплатить за ремонт?

Старик помахал сигарой.

— Сегодня я получил анонимную записку, в которой сообщалось о разбитом бампере. Вы не поверите, но они стучат мне друг на друга. Что же касается намерений Кору, то они, по-моему, очевидны. Она, должно быть, хотела сообщить вам, как жестоко я поступаю с ее детьми. Я на самом деле заставляю Артура и Ален платить за разбитые бамперы и тому подобное. У Кору, да будет вам известно, очень сильно развит материнский инстинкт. За детей она готова перегрызть горло.

— Однако, — недоверчиво проговорил Берт, — миссис Питман позволила Артуру обвинить сестру в том, что та спит с шофером.

— Ба! — хмыкнул старик. — Ален любит пофлиртовать, но она бросится со всех ног бежать, если кто-то всерьез ответит на ее заигрывания.

— Вы не ответили на мой вопрос, — пожал плечами Норден.

Джонатан Декер усмехнулся и тоже пожал плечами.

— У Кору есть свои причины, которые мне не известны. Мне известно только одно: она никогда ничего не делает просто так, без веской причины... естественно, эта причина является веской для нее, а не для других.

— Я запомню это, — кивнул детектив. Он отхлебнул кофе из чашки и добавил еще немного бренди.

Несколько секунд Декер пристально изучал его глубоко посаженными глазами.

— Чем вы занимались перед тем, как приехать сюда? — неожиданно осведомился он.

— Работал бухгалтером, — ответил Норден. — Когда надоело переключать бумажки, отправился на Аляску. Проработав какое-то время там, вернулся домой и узнал о месте секретаря в вашем доме. — Он не сказал ни слова неправды. Единственное, о чем он забыл упомянуть, это о трех годах, прошедших после его возвращения из Аляски. Эти годы Берт Норден проработал в частном сыском агентстве.

— Вы — странный человек, — заметил Декер. — Совершенно спокойно относитесь почти ко всем моим замечаниям. Даже глазом не моргнете.

— Просто на своем веку я перевидел немало людей и отвык удивляться.

— Пару часов назад вы сказали, будто еще не приняли решение, согласны ли работать моим секретарем, — заметил Джонатан Декер. — До сих пор не решили?

— Я согласен работать вашим секретарем, но на определенных условиях, — кивнул Норден.

— Каких?

— Если вы потребуете, чтобы я сделал что-нибудь, что идет наперекор моим принципам, я уйду.

— А какие у вас принципы, позвольте полюбопытствовать?

— Во-первых, я не намерен вмешиваться в семейные ссоры. А во-вторых, отказываюсь шпионить за вашими родственниками и доносить вам.

Декер тихо рассмеялся и откинулся на спинку кресла.

— Справедливо. Значит, договорились?

— Договорились, — вздохнул Норден.

— Ну, вот и прекрасно. Тогда следует побыстрее приступить к работе, — неожиданно произнес Декер деловым тоном. — Мои родные начинают нервничать, скоро они захотят получить мои деньги. Я отказался оплачивать их счета, и сейчас нервы у них напряжены, как натянутая струна.

— Что вы хотите этим сказать? Вы перестали оплачивать их счета? Как же они живут?

— Сейчас каждый из Питманов получает от меня пятьдесят долларов в месяц на карманные расходы. Конечно, я кормлю их и даю кров, но свою одежду вместе с развлечениями и всем остальным им приходится покупать на эти пятьдесят долларов. Я разрешаю им пользоваться моими машинами, но за бензин и ремонт они платят сами.

— Линда находится в таком же положении, как и остальные?

— Да, — кивнул старик, и Нордену показалось, что он слегка рассердился. — Почему я должен относиться к Линде иначе, чем к ним?

— Хотя бы потому, что она лучше, — объяснил Норден. Не дождавшись ответа собеседника, добавил: — Но зачем вы посадили их на голодный паек?

— Потому что хочу, чтобы у кого-то из них не выдержали нервы. — В ответ на вопросительно поднятые брови секретаря, миллионер объяснил: — Как минимум, один из них не сможет спокойно ждать моей естественной смерти. Скоро этот человек попытается убить меня.

— Но денежный мотив сразу бросится в глаза, — пожал плечами Норден. — И полиция не преминет обратиться на него внимание.

— О, мой убийца будет действовать очень хитро, — покачал головой Джонатан Декер и довольно потер руки. — Вы сказали, что вам они показались идиотами, Норден, но среди моих родных только один идиот. Это мой зять.

— Вы сказали, что убийца будет действовать очень хитро! Значит, это мужчина?
— Я просто так выразился. Не удивился бы, если этим убийцей окажется моя дочь. Стоит ей втемашить что-нибудь себе в голову, и ее ничем не остановишь. Возможно, меня захочет убить Кора или кто-то другой. Любой из них может оказаться моим убийцей.

Нордену надоело ходить вокруг да около, и он решил копнуть глубже.

— Не может быть, чтобы у вас не было главного подозреваемого.

— Главный подозреваемый, конечно, есть, — с улыбкой признался старик. — Артур с большой неохотой женился на Линде.

— А мне показалось, — сухо заметил Берт Норден, — что это она с большой неохотой вышла за него замуж.

Не обратив внимания на иронию в словах секретаря, Декер продолжил:

— Я чувствую напряжение в этом доме, как барометр чувствует давление в воздухе. Помяните мое слово, собирается гроза, скоро грянет гром. — Он тихо рассмеялся с таким видом, будто доволен тем, как развиваются события. — И в этот-то момент вы войдете в игру.

— Значит, вот зачем вы наняли меня? — протянул Норден. — Я должен найти человека, который хочет убить вас?

— Частично для этого, — кивнул старик.

— Что мне предстоит делать? Спать у вас под дверью?

— У меня есть для этого люди. Нет, мы поступим умнее. Нужно выяснить, как собирается действовать убийца. Когда мы это узнаем, то поставим ловушку, и приманкой в ней... буду я.

Норден изумленно уставился на старика, но не нашел ни в его голосе, ни в глазах ни капли иронии. Джонатан Декер говорил абсолютно серьезно.

— Как это... приманкой? — не сразу понял Берт.

— Установим на сцене декорации и инсценируем мою смерть, — с улыбкой объяснил Декер. — А после этого сядем и будем ждать, что произойдет дальше.

3

Берт Норден быстро понял, что никакой серьезной секретарской работы Декеру от него не нужно. Разве что придется создавать видимость работы секретарем. На самом же деле Берту предстоит искать среди родных старика человека, который хочет убить его.

— После удара, который случился осенью, я совсем отошел от дел, — сообщил Джонатан Декер. — Бойль оплачивает счета за дом и хозяйство. Как таковых у меня вообще нет никаких дел.

— Ваши родные знают об этом?

— Линда может подозревать, — признался старик. — Она помогала мне, когда я чувствовал себя настолько плохо, что не мог даже сидеть за столом.

Берт допил кофе и извинился:

— Раз сейчас делать нечего, я, с вашего позволения, пойду к себе.

— Попросите кого-нибудь проводить вас наверх, — сказал Декер на прощание. А когда Норден был уже у двери, добавил: — Следите за ними, Норден. Не забывайте, они не такие дураки, как могут показаться с первого взгляда.

— Не забуду, — кивнул Норден и вышел. Он тихо закрыл за собой дверь, покачал головой и подумал, что если за кем-то и нужно следить в этом доме, так это за самим Декером.

Норден огляделся по сторонам. Комната, которую предоставили Нордену, ему сразу понравилась. Она ничем не отличалась от остального дома. Первым делом новый секретарь Джонатана Декера подошел к кровати. Увидев, что в ней не меньше семи футов, он довольно улыбнулся. Хотя раз в жизни в чужом доме его ноги не будут висеть в воздухе, и он сможет спокойно спать.

Берт быстро разделся, надел темно-бордовый халат, отделанный белым кантом, и сунул ноги в темно-бордовые комнатные тапочки. Проверив, не забыл ли положить в халат сигареты и спички, он уселся за секретер, достал лист бумаги, взял ручку и написал в правом верхнем углу число.

«Дорогая Эми, — написал дальше детектив, — не прошло еще и двадцати четырех часов с момента нашего расставания, а я уже так сильно по тебе скучаю, что это невозможно выразить словами. Каждая минута кажется мне вечностью, каждая миля, разделяющая нас, превращается в бесконечность в пустом пространстве. Из окон моей комнаты виден Сиэтл. Мне очень хочется верить, что я могу найти свет и в твоих окнах...»

Берт отложил ручку и слегка встряхнул головой, чувствуя легкую тошноту. Если Эми когда-нибудь получит это письмо, то подумает, что он совсем рехнулся или допился до белой горячки.

Он встал и, увидев около выключателя звонок, позвонил, а в ожидании Бойля положил письмо на секретере так, чтобы его нельзя было не заметить.

Очень быстрое появление дворецкого немного его удивило.

— Надеюсь, я не оторвал вас от работы, — вежливо улыбнулся Норден.

— Мой рабочий день уже закончился, сэр, — пожал плечами Бойль, стоя на пороге.

— Интересно, а можно ли в этом доме выпить стаканчик рома перед сном?

Взгляд Бойля на какое-то мгновение остановился на столе и быстро переместился к детективу.

— Я могу принести вам ром, сэр.

— Лучше покажите мне, где его найти, чтобы я больше вас не беспокоил всякий раз, когда захочу выпить.

— В библиотеке находится бар, сэр.

Неизбежное «сэр» вновь начало действовать Нордену на нервы.

— Рад слышать, что библиотека хоть раз пригодилась для чего-то полезного, — пошутил он. Потом подошел к двери, остановился около дворецкого и громко щелкнул пальцами. — Да, чуть не забыл! Какой здесь адрес?

— Абонентный ящик семьсот семьдесят два в городе, сэр.

Норден вернулся к секретеру, взял ручку и написал рядом с датой адрес. Потом они с Бойлем вышли из комнаты, прошли по коридору и спустились на первый этаж. На нижней ступеньке Бойль дождался, когда спустится Норден, и только после этого открыл дверь в библиотеку.

Хоть одна комната в этом странном доме не поражала своими размерами. Библиотека полностью служила своей главной цели. Вдоль стен тянулись полки и шкафы, заставленные книгами. Около холодного камина стояли несколько кресел. Шахматная доска с расставленными фигурами располагалась на большом старинном столе в задней части комнаты. Рядом с шахматами находился маленький бар. Норден подошел к нему. Он поднял крышку, заглянул внутрь и достал бутылку рома.

Видя, что Бойль с невозмутимым видом ждет у двери, Берт спросил:

— Не хотите со мной выпить?

— Да, сэр, — кивнул Бойль. — Если вы так хотите, сэр.

Норден вернулся к бару и взял два стакана, после чего они поднялись наверх. У себя в комнате он вошел в ванную и налил в стаканы немного воды. Добавив приличную порцию рома, вернулся в гостиную. Бойль продолжал стоять у двери. Норден так и не понял, подходил он к секретеру, чтобы прочитать письмо, или не подходил.

Берт протянул дворецкому стакан с ромом.

— Снимите туфли, — предложил он. — Расслабьтесь хоть чуть-чуть, ведь вы не на работе.

Наконец Бойль отошел от двери, двигаясь как-то скованно, словно несмазанный автомат. Зато длинные пальцы ловко обхватили и забрали из руки Нордена стакан. Потом он подошел к дивану и почему-то с сожалением опустил на него.

Норден сел в кресло и сделал большой глоток. Ром, как и все остальные напитки в этом доме, был отменного качества. Приятное тепло растеклось по всему телу и согрело желудок. Бойль сделал небольшой осторожный глоток, как будто сначала хотел попробовать, что же находится в стакане. Однако за первым почти мгновенно последовал второй, на этот раз огромный глоток, после которого уровень рома в стакане заметно понизился.

— Не хотите закурить? — любезно поинтересовался Берт.

Бойль достал из внутреннего кармана куртки огромную изогнутую трубку, набил табак и поднес горящую спичку. Через секунду он уже с удовольствием пыхтел трубкой, посылая в сторону Нордена густые клубы едкого дыма.

— А знаете, — признался Берт, усаживаясь в кресло, — я нахожусь в щекотливом положении.

— Все мы находимся примерно в одинаковом положении, — с печальным вздохом сообщил дворецкий.

— А ваше-то положение чем щекотливо? — живо поинтересовался Берт Норден.

— На некоторых людей приятно работать, а на некоторых — нет, — загадочно ответил Бойль. — Для меня щекотливость заключается во внешнем виде. Такого человека, как я, можно назвать даже уродом... Какой у вас рост?

— Шесть футов шесть дюймов, — ответил Норден.

— А я почти на четыре дюйма выше вас, — доверительно сообщил дворецкий Джонатана Декера, — и сильно похож на человека, который сбежал из цирка. Как по-вашему, кто захочет брать на работу такого высокого и худого типа?

— Такой же высокий и худой тип, — пожал плечами Норден и встал, чтобы подлить себе рома.

— То-чно! — Бойль так резко кивнул головой, что парик слегка сдвинулся, и ему пришлось поправить его быстрым движением длинных пальцев. — Только такой же высокий и костлявый человек согласится взять меня на работу. Мне здесь нравится. Место хорошее, платят неплохо. В подчинении уйма слуг, примерно столько же, сколько в небольшом отеле. Я... — Он замолчал, чтобы отогнать дым от лица и сделать очередной гигантский глоток. — Я еще не видел дворецкого лучше себя.

— Вот вы такой опытный дворецкий, — печально пробормотал Берт Норден, — а кто это ценит?

Бойль тут же ответил:

— Старик... Один мистер Декер и больше никто.

— И еще, наверное, миссис Питман... Я имею в виду Линду, — хитро сощурил глаза, добавил частный детектив.

— Ах, Линда... Она, по крайней мере, похожа на человека. Знаете, мы с ней нередко беседуем по душам. Может, пригласить и ее?

— К сожалению, Линда рассердилась на меня, — с грустным вздохом признался Норден. — Я не совсем удачно пошутил относительно ее мужа.

— Да, она преданна мистеру Артуру, — согласился Бойль. — Преданна и глупа. Если хотите, я могу вам помочь, — предложил он. — Я скажу миссис Линде, что вы хороший парень. Мне она поверит.

— Спасибо, — поблагодарил Берт. — Никак не могу привыкнуть к этому дому, — признался детектив. — Например, почему Декер не может выгнать своих родных и заставить их работать?

Костлявое лицо Бойля сначала искривилось, потом разделилось пополам в широкой искренней улыбке.

— Думаете, им нравится жить здесь? — прошептал он. — Для них жизнь в этом доме — сущая пытка. Они многое готовы отдать, лишь бы уехать отсюда. Мистер Декер прекрасно видит это и поэтому заставляет их жить здесь.

— Заставляет?

Бойль кивнул.

— А как бы вы поступили на их месте, если бы вам намекнули, что вы можете получить десять миллионов, если останетесь с ним?

— Остался бы.

— Точно! Вот и они остались.

— У мистера Декера на самом деле так много денег... десять миллионов? — в благоговейном ужасе пробормотал Норден.

— Ерунда. — Бойль поднял руку, внимательно посмотрел на нее и попытался щелкнуть пальцами, желая, наверное, показать, что десять миллионов долларов — не такие уж и большие деньги, по крайней мере, для его хозяина. Когда у него ничего не вышло из этой затеи, он опустил руку и повторил: — Десять миллионов — семки. Разве это деньги?

— А вы тоже живете здесь по этой же причине? — поинтересовался Берт Норден. — Ну, рассчитываете, что и вам что-то перепадет после смерти старика?

— По-вашему, я негодяй? — нахмурился Бойль. — Думаете...

— Да что вы! Конечно же, ничего такого у меня и в мыслях не было. Это я просто не совсем удачно выразился.

— Старик поступил со мной по-человечески. Он взял меня к себе, когда я сидел на мели, и сделал из меня настоящего дворецкого. Так что, я за него обеими руками. — Бойль качнул головой и уставился на собеседника, которому стало не по себе от этого многозначительного взгляда. — Остальные слуги относятся к мистеру Декеру так же, как я, — добавил верзила. — Мы на многое готовы ради старика.

— Если верить вашим словам, на Декера приятно работать, — заметил Берт.

— Приятно, — кивнул Бойль, — но только с одним условием. Не найти хозяина лучше мистера Декера, но его ни в коем случае нельзя злить. Если уж вы соглашаетесь работать на старого Джонатана Декера, то работать придется на всю катушку. — Он сделал паузу, резко качнул головой вперед и чуть не последовал следом за ней. С трудом сохранив равновесие, по-волчьи ухмыльнулся. — На всю катушку. И безо всяких там фокусов, иначе.... — Он одним глотком выпил остаток рома.

— Иначе что? — захотел узнать Берт Норден.

Бойль встал и аккуратно поставил стакан на подлокотник дивана. Его губы раздвинулись в суровой улыбке. Он провел длинным пальцем по сильно выступающему кадыку, сделал шаг вперед и рухнул на диван.

Норден вскочил с кресла. В том, что Бойль отключился, он не сомневался. Изо рта длинного дворецкого вырывалось шумное дыхание, рука вяло свисала с дивана. Увидев, что трубка давно потухла, Берт сунул ее в карман хозяина и с отвращением посмотрел на него. Он так ловко довел его до нужной кондиции и уже собирался начать задавать интересующие его вопросы, когда Бойль нарушил все его планы.

Это же надо такому случиться, сердито подумал он. Но заставил себя успокоиться и отвернулся.

Допив ром, Берт Норден выключил свет и лег спать.

Проснулся Берт внезапно. Он не знал, сколько времени проспал. Лежал на кровати и прислушивался. Скоро разбудивший его звук послышался вновь. Откуда-то издали доносился глухой стук, будто кто-то стучал в стену. Толстые стены и потолки приглушали звук, и он был едва слышен. Это был даже не звук, а скорее легкое колебание воздуха, которое с трудом может уловить человеческое ухо.

Норден встал. В комнате царил кромешная тьма. Он кое-как нащупал на столике, стоящем в изголовье, ночник и включил его. Лампа осветила подушку, но большая часть комнаты осталась в темноте. Однако света оказалось достаточно для того, чтобы найти халат и тапочки. Он надел халат, обулся и направился к двери.

Взявшись за ручку, неожиданно остановился. Что-то было не так, что-то изменилось, но Берт не мог понять, что. Он щелкнул выключателем. В комнате загорелась люстра, и он замигал от яркого света. Потом повернулся и огляделся по сторонам.

Только через несколько секунд до него дошло, что же его насторожило. Бойль исчез, и диван сейчас был пустой. Только стакан на подлокотнике да затхлый запах крепкого табака говорили о недавнем присутствии дворецкого. Норден посмотрел на секретер, но письмо лежало на том же месте, на каком он его оставил.

Снова послышались глухие удары. Норден опять подумал, что кто-то стучит в стену ногой, и удивленно пожал плечами. Он открыл дверь и вышел из комнаты. В коридоре звуки слышались более отчетливо, и он понял, что шум доносится снизу. Берт спустился по лестнице, положил руку на стену библиотеки и почувствовал, как она глухо сотрясается.

Он открыл дверь и вошел в библиотеку. В комнате горел свет, и его взору открылась странная картина. Напротив стены, у бара, стояло кожаное кресло, из-за которого выглядывали две ноги в серых замшевых тапочках. На ногах были серые шелковые носки, а выше носков — серые шелковые брюки пижамы. Пока Берт стоял на пороге и удивленно смотрел на ноги, одна нога судорожно поднялась, напряженно замерла и дважды очень быстро ударила в стену. После небольшой паузы нанесла еще один удар, только на этот раз не такой сильный и громкий. Затем нога, словно сильно устав, упала на пол.

Норден осторожно направился к креслу. Он не прошел и полпути, когда обе ноги конвульсивно поднялись, соединились и вновь ударили в стену. Но тут же упали на пол и затихли.

Берт Норден обошел кресло и увидел мужской затылок с волнистыми черными волосами. Синий шелковый халат почти до самой талии был измят. Из-под халата выглядывала шелковая пижама, а из самого центра спины торчала рукоятка ножа.

Половина лезвия находилась в теле. Увидев сильно покоруженную деревянную рукоятку, Берт подумал, что кто-то, наверное, взял молоток и вогнал им нож, словно гвоздь.

Кто-то пригвоздил Артура Питмана к полу.

В том, что Артур мертв, сомнений не было. Берт Норден поднялся с колен и отряхнул пыль. Как он ни старался, ему так и не удалось найти ни дыхания, ни пульса. Сейчас Питман не шевелился. Скорее всего, Норден оказался свидетелем последнего удара ног Артура.

Детектив тихо и осторожно обошел комнату, внимательно глядя по сторонам. Он сам не знал, что ищет. Что-то необычное, все, что угодно.

Ничего не найдя, Берт Норден двинулся к двери. Прежде чем взяться за ручку, достал из кармана халата платок и обернул им пальцы. Выключил свет, открыл дверь и вышел в коридор. Закрыв дверь, Берт аккуратно сложил и спрятал платок в карман.

Услышав негромкий удивленный возглас, он резко поднял голову и увидел на нижней ступеньке лестницы Линду Питман. Девушка спустилась так тихо, что он не услышал ее шагов. Из-под светло-зеленого халата выглядывала пижама такого же цвета, на ногах были зеленые тапочки, отделанные по верху белыми перьями. Белокурые волосы маленькими колечками рассыпались по плечам.

Сейчас миссис Питман показалась Берту Нордену еще красивее и желаннее, чем раньше.

Лицо девушки было бледным, но Норден решил, что причина ее бледности заключается не в отсутствии макияжа. Она была явно чем-то испугана. Причем испуг нельзя было списать на его неожиданное появление из библиотеки.

— Шум... — неуверенно проговорила Линда Питман. — Я услышала какие-то... забавные глухие удары.

— Может, это был я, — пожал плечами Берт Норден.

— В библиотеке? — Девушка показала на дверь и посмотрела на Берта яркими честными глазами.

— Я искал книгу, — объяснил Норден. — Что-то никак не могу уснуть.

Линда с серьезным лицом стояла на нижней ступеньке. Неожиданно между ними что-то произошло, и они резко замкнулись в себе. Как будто, промелькнула у Нордена мысль, они с Линдой пытаются понять, насколько могут доверять друг другу.

— Похоже, я напрасно встала, — пожал плечами девушка и сделала движение, словно собиралась отвернуться и подняться к себе.

— Простите за то, что разбудил, — извинился детектив. Во рту у него внезапно пересохло.

— Я сплю очень чутко, — объяснила Линда.

Неожиданно она передумала подниматься на второй этаж и вместо этого быстро спустилась с последней ступеньки и подошла к двери в библиотеку. Протянув руку к дверной ручке, поинтересовалась:

— Вижу, вы так и не нашли ничего интересного. Если хотите, я вам помогу.

— Спасибо за помощь, но в этом нет необходимости, — живо ответил Берт. — Я... — Он замолчал и сделал быстрый шаг к двери. Когда детектив открывал дверь в библиотеку, кончики пальцев Линды слегка прикоснулись к тыльной стороне его ладони. Он быстро прошел мимо нее и потянулся к выключателю со словами: — Позвольте мне самому.

— Спасибо, — удивленно поблагодарила девушка.

Когда в комнате вспыхнул яркий свет, Линда Питман слегка заморгала. Норден не сводил с нее пристального взгляда. Она вполне естественно подошла к книжным шкафам. В другую сторону комнаты, где лежал труп ее супруга, девушка даже не посмотрела, но, с другой стороны, она и не избегала того угла. Берт посмотрел на кресло и заметил, что серые замшевые тапочки и пижама Артура четко видны на фоне сероватого ковра.

— Мистер Декер забрал много книг себе, — объяснила Линда. — После удара он стал проводить большую часть времени у себя и велел перенести книги в свое крыло.

— А когда это случилось? — поинтересовался Норден.

— Мистер Декер заболел прошлой осенью. — Она повернулась к нему, и Берту пришлось переменить место, чтобы закрыть кресло, за которым лежал мертвый Артур Питман.

— Вы не заболели? — неожиданно спросила Линда. — С вами все в порядке?

— Все в порядке, — быстро кивнул Норден.

— Вы ведете себя очень странно. — Она сделала шаг в сторону и попыталась обойти его.

Берт Норден отчаянно пытался закрыть кресло и в то же время казаться равнодушным, но опоздал. Она успела обойти его и сейчас стояла так, что не могла не увидеть дальнюю часть комнаты и кожаное кресло. Маска спокойствия, застывшая на ее лице, рассыпалась на куски. Губы искривились от страха, и Линда устремилась к креслу.

Отбросив все приличия, детектив бросился вдогонку. Протянул длинную руку и поймал девушку за талию, когда та находилась в трех шагах от трупa мужа. Он развернул ее так, чтобы она стояла спиной к креслу, и держал до тех пор, пока она не перестала сопротивляться.

Линда быстро взяла себя в руки. Ее рот открылся в молчаливом крике, она оттолкнула его руку и замерла.

Норден объяснил:

— Я просто не хотел, чтобы вы наследили.

Она непонимающе посмотрела на него.

— Это — Артур. Он...

Норден опять встал перед ней и загородил кресло и лежащего за ним Артура Питмана.

— Он что? — спокойно осведомился он.

— Наверное, опять напился до потери сознания, — сказала Линда.

Берт понимал, что она пытается говорить равнодушным голосом, но ей это не очень удалось. Он уловил в ее голосе какие-то странные нотки.

— Он и раньше напивался до потери сознания?

— Да.

— Когда вы видели мистера Питмана в последний раз? — строго осведомился детектив.

— После ужина.

— И больше не видели? А перед сном?

— Мы спим в разных комнатах, — напряженным голосом объяснила Линда. — Мистер Норден, будьте добры, пропустите меня к мужу. Я должна отвести Артура в его комнату и уложить в постель.

Норден не сводил внимательного взгляда с ее лица.

— Не могу, — отказался он. — Мистер Питман мертв.

Берт Норден не знал, какой реакции ждал, но никакой реакции не последовало. Линда спокойно смотрела на него, как будто он что-то сказал о погоде. Потом отвернулась и сделала три шага к ближайшему стулу. Очень аккуратно села, подняла голову и переспросила неожиданно резким голосом:

— Мертв? Артур... Мистер Норден, вы знали это, когда мы стояли около лестницы. Знали и позволили ему лежать здесь, и...

— Да, я позволил ему лежать здесь, — кивнул Норден, — потому что полиция требует, чтобы до их приезда до тела никто не дотрагивался.

Ее тихое спокойное дыхание ускорилося. Казалось, Линда Питман внезапно все поняла. Она начала вставать со стула, но опустилась обратно, увидев, что Норден двинулся к ней.

— Его убили, — пробормотала девушка. — Вы это имеете в виду?

— Да, — снова кивнул Норден. — Именно это я и имею в виду.

— И поэтому вы вели себя так... так странно. Как его... убили?

— Ножом.

На ее лице не дрогнул ни один мускул, но от Берта Нордена все равно не укрылся едва заметный облегченный вздох Линды.

— Значит, те глухие звуки, которые я услышала, делал Артур?

— Да, — ответил Норден. — Они меня разбудили, и я спустился посмотреть, в чем дело.

— Нож, — тихо проговорила Линда. — Кто мог...

— Не знаю, — пожал плечами детектив. — По-моему, у вас больше шансов ответить на этот вопрос, чем у меня.

— У меня? Вы думаете, что это я убила Артура?

— Не знаю, — честно признался Норден. — Полиция в первую очередь заподозрит именно вас, поскольку вы его жена. Нет, я имел в виду не это. Вы знаете обитателей этого дома намного лучше меня и знаете, кто из них на что способен.

— Я никого не подозреваю, — покачала головой миссис Питман.

— Даже Ален? — уточнил Берт Норден.

— Почему вы спросили об Ален?

— Потому что она угрожала брату сегодня за ужином, — пожал он плечами.

Линда встала и повернулась к дверям.

— Во время ссор я тоже угрожала ему, но это еще не означает, что я убила Артура.

— Куда вы идете? — спросил Норден.

— Сообщить мистеру Декеру о смерти внука, — ответила девушка и направилась к двери.

— А как быть с полицией?

Она оглянулась и равнодушно пожалала плечами.

— Это решать мистеру Декеру.

Норден посмотрел на часы.

— Сейчас четыре часа утра. По-моему, старика нельзя будить в столь ранний час. — Он взял ее за руку, но она резко освободилась.

— Мы не можем... оставить его здесь, — проговорила Линда.

— Не только можем, но и оставим, — покачал головой Берт Норден. — Это — убийство, и значит, без полиции все равно не обойтись. Рано или поздно нам придется позвонить им.

Девушка пристально посмотрела ему в лицо.

— Сдается мне, что вы очень много знаете, что можно, а что нельзя делать в подобных случаях, мистер Норден. Я имею в виду убийства.

— Да, я знаком с самой процедурой, но это все, что я знаю, — невозмутимо пожал плечами Норден.

Подойдя к двери, Линда взялась за ручку и бросила через плечо:

— Мне плевать, какой должна быть процедура при убийствах. Это дом мистера Декера. Ему и решать, что делать.

— Хорошо, — согласился детектив и вытащил из замка ключ.

Норден и Линда вышли из библиотеки. Он запер дверь снаружи, и они молча пошли в крыло мистера Декера.

Линда нажала кнопку звонка.

— Едва ли вы найдете мистера Декера в хорошем настроении, — заметил Норден, — если разбудите его в четыре часа утра.

— Если он вообще спит. — Увидев, как замигала красная лампочка, она подняла трубку.

— Это Линда, мистер Декер. Я с мистером Норденом.

Послышался какой-то непонятный щелчок. Линда повесила трубку и открыла дверь. Норден вошел вслед за ней в удушающую жару огромной викторианской гостиной.

В комнате царил полумрак. В центре стоял стол, на котором горела тусклая лампа. В камине остались только угли, отбрасывающие слабый свет. Линда уверенно прошла через полумрак, и Норден подумал, что делала она это, наверное, не первый раз. Он шел за ней, стараясь не отставать.

Пройдя всю комнату, девушка повернула налево и вошла в широкую дверь. Здесь Берт Норден еще не был. Он с любопытством осмотрелся по сторонам и понял, что они попали в библиотеку. По размерам эта библиотека была не больше той, которую они покинули несколько минут назад. Две стены от пола до потолка были заставлены полками с книгами. За столом в кресле-каталке сидел Джонатан Декер. Его руки покоились на книге, лежащей на коленях.

Норден удивленно посмотрел на старика. Миллионер совсем не выглядел сонным в столь ранний час, напротив, казался полным энергии.

— Давно ты не навещала меня, — сказал Джонатан Декер девушке и перевел взгляд на Нордена. — Вижу, вы оба в пижамах, — заметил он. — Только не говорите, что уже успели влюбиться друг в друга.

Несмотря на полумрак, Берт заметил, что щеки Линды залил румянец.

— Любовь здесь ни при чем, — сообщил он. — Дело намного серьезнее.

На тонких губах старика заиграла слабая улыбка.

— Не сомневаюсь, раз вы поднялись в такой час.

— Артур, мистер Декер... — быстро проговорила Линда Питман и замолчала.

— Я так и думал. Что с ним случилось на этот раз?

Нордену стало жалко девушку, и он ответил за нее:

— Его убили.

Руки Джонатана Декера вздрогнули. Они слегка поднялись и опять опустились на книгу, лежащую на коленях. Глаза вопросительно посмотрели на него.

— Этого следовало ждать, — спокойно пожал плечами старик. — Меня удивляет только то, что это не произошло раньше.

Когда Линда Питман глубоко вздохнула, Норден подумал, что она держится из последних сил.

— Неужели вы не понимаете, что Артур мертв? Кто-то... заколол его. Он... его нет в живых. — Она быстро шагнула к столу. — Кто-то убил его. Кто-то...

Джонатан Декер встретился взглядом с Норденом и кивнул.

— Дайте ей стакан вина, — велел он. — Вино — там. — И показал на маленький бар, на котором стоял поднос с графином и шестью хрустальными стаканами.

Норден налил вино и вернулся со стаканом к Линде. Девушка сидела на стуле, крепко сцепив руки.

— Только не закатывайте истерику, — тихо предупредил он. — Вы сами хотели прийти сюда.

На какую-то долю секунды ее глаза гневно вспыхнули, потом гнев исчез, и Линда обмякла. Она взяла у него стакан и принялась небольшими глотками вяло потягивать напиток.

Норден повернулся к Декеру.

— Кто-то убил Артура Питмана сегодня ночью. В библиотеке. — Он быстро рассказал подробности. — По-моему, рана была смертельной, и он недолго прожил после того, как ему заколотили в спину нож. Значит, вашего внука убили незадолго до того, как я проснулся. Примерно, час назад. Возможно, убийство произошло в три часа.

Джонатан Декер молча выслушал секретаря. После того, как Норден закончил свой рассказ, он приказал:

— Отведите Линду в ее комнату и возвращайтесь.

Берт Норден подошел к Линде, мягко взял ее за руку и повел к двери. Девушка не сопротивлялась, но у самой двери неожиданно освободила руку и сказала:

— Я могу идти сама.

— Похоже, я вам не нравлюсь?

— Вы мне абсолютно безразличны, так что, мои чувства к вам тут ни при чем. Я просто хочу остаться одна... сейчас.

— Мне велено проводить вас в вашу комнату, — пожал плечами детектив, и не думая отставать.

Они молча поднялись по лестнице. Когда показалась дверь комнаты Линды, Берт спросил:

— Кто живет в соседней комнате?

— Это комната Артура. Она была соединена с моей.

Они остановились перед дверью. Норден взялся за ручку, и она легко повернулась. На столике рядом с кроватью стояла маленькая зажженная лампа.

— Вы сказали, что ваши комнаты были соединены, — заметил Берт и вопросительно посмотрел на нее.

— Если вас это так интересует, мистер Норден, — спокойно ответила Линда Питман, — то дверь между нашими комнатами заперта уже некоторое время. У меня есть ключ от нее.

— Простите за бестактность, — извинился он. — Если хотите, я вам что-нибудь принесу. Мистер Декер попросил меня вернуться.

— Спасибо, но мне ничего не нужно, — поблагодарила девушка.

Норден посмотрел на ее очень бледное лицо и заметил под подбородком глубокие линии. Он был уверен, что она из последних сил старается держать себя в руках. Сейчас он понял, почему она так хотела остаться одна — просто боялась, что не выдержит и разрыдается.

— Конечно, вам ничего не нужно, — недоверчиво кивнул он и прошел мимо нее в спальню.

Линда испуганно вздрогнула и протестующе вскрикнула, но Норден не обратил на нее никакого внимания. Дверь в ванную была открыта. Он вошел туда и включил свет.

Послышался звук закрываемой двери, затем по толстому ковру раздались тихие шаги.

Берт Норден открыл шкафчик, висящий над раковиной, и быстро просмотрел содержимое полок. Он увидел какие-то пузырьки с лекарствами, зубную пасту, шампунь, заколки для волос и несколько непонятных предметов женского туалета. Среди лекарств нашел аспирин и маленький пузырек со снотворным в таблетках. Не найдя ничего успокаивающего, Берт недовольно покачал головой и взял снотворное. На этикетке было написано: «Сильнодействующее снотворное. Принимать по одной таблетке перед сном».

Остается надеяться, что за неимением успокаивающего сгодится и снотворное, хотя он предпочел бы что-нибудь послабее. Норден открыл пробку и вытряхнул на ладонь маленькую таблетку, которая оказалась еще меньше таблетки аспирина. Поставил пузырек на место, закрыл шкафчик и увидел в зеркале, вделанном в дверцу, Линду. Девушка стояла на пороге, одной рукой держась за косяк, и смотрела на него. Побелевшие пальцы говорили о силе ее напряжения.

— А вам не кажется, мистер Норден, что вы слишком торопитесь?

Норден наполнил стакан водой и повернулся к ней.

— Вы правы, — согласился он, протягивая стакан и таблетку, — но у меня нет времени. Выпейте это.

— Мне не нужны никакие лекарства. — Линда отпустила дверь и сейчас стояла абсолютно прямо.

— Или вы добровольно проглотите эту таблетку, миссис Питман, — грубо проговорил Берт, — или я затолкаю ее вам в горло.

— Вы напрасно беспокоитесь. Я прекрасно могу позаботиться о себе и сама.

— Конечно, — саркастически кивнул детектив.

Поставив стакан с водой, он взял таблетку большим и указательным пальцами и угрожающе двинулся к ней. Линда Питман не шевелилась до тех пор, пока он не поднял свободную руку. Только тогда начала поворачиваться, чтобы выскочить из ванной, но было уже поздно. Норден поймал руки девушки и быстрым движением прижал ее к себе.

— Да как вы смеете! — возмутилась она.

Большим и указательным пальцами Берт схватил ее за нос и сжал. Когда же Линда непроизвольно раскрыла рот, сунул в него таблетку. Чтобы не задохнуться, ей пришлось сделать конвульсивное глотательное движение, и она, сама того не желая, проглотила таблетку.

Конечно, Норден был далеко не в восторге от того, что ему пришлось сделать. Он редко применял к женщинам силу. Особенно ему не нравилось применять силу к красивым женщинам, а Линда Питман была красавицей.

С угрюмо сжатыми губами Берт сделал шаг назад, отпустил Линду и посмотрел на ее лицо сверху вниз. По щекам девушки катились слезы бессилия и обиды. Он опять взял стакан с водой и протянул ей. Сделав большой глоток, Линда поперхнулась и закашлялась. Норден забрал стакан и поставил на раковину.

— Простите, — искренне извинился он.

Она попятилась из ванной комнаты, осторожно потирая руки, на которых белели следы его пальцев.

— Сейчас можете идти... — холодно начала Линда Питман.

— Нет, — покачал головой частный детектив. — Я уйду после того, как вы уснете.

Линда равнодушно пожалала плечами, отвернулась и намочила салфетку из махровой ткани. Проведя ею по глазам, быстро вытерла лицо и вернулась в комнату. Норден последовал за ней. В нескольких футах от кровати он остановился.

Линда легла и натянула одеяло до подбородка. Волосы, рассыпавшиеся по белой подушке, были похожи на старое потускневшее золото.

— Почему вы хотите защищать меня? — медленно проговорила она.

В ее голосе послышались сонные нотки, ресницы начали медленно, но неумолимо опускаться. Берт подошел ближе и сел на край кровати.

— А зачем мне обвинять вас? — ответил он вопросом на вопрос.

Ее глаза вспыхнули и на секунду стали ясными.

— Вас наняли шпионить за нами, да?

— За кем «нами»?

— За мистером Декером и мной.

— Ого... — удивленно протянул Норден, не готовый к такому ответу.

— Я слышала, как Артур разговаривал с матерью. Конечно, я не должна была подслушивать их разговор, но...

Только бы она сейчас не заснула, тревожно подумал Берт и нагнулся к девушке.

— И что они сказали?

Линда перестала бороться со сном. Она прошептала, с трудом шевеля губами:

— Артур сказал, что он хотел бы... что-то получить...

Только после нескольких секунд тишины до Берта Нордена, наконец, дошло, что она больше ничего не скажет. Поймав себя на том, что он любит лицо спящей

девушки, Берт резко встал, выключил лампу, вышел в коридор и тихо закрыл за собой дверь.

Часы показывали без четверти пять. Норден поднял голову и увидел Ален Питман, которая стояла у противоположной стены коридора и глупо пялилась на него.

4

Ален видела, как он вышел из комнаты Линды в пять часов утра в халате и пижаме. Берт Норден не питал иллюзий относительно того, что она подумает. На ее месте он подумал бы то же самое.

Он молча посмотрел на нее и увидел, что резкие черты лица Ален расслаблены. Только сейчас он заметил, что она не в пижаме или халате, а в белой блузе и красной юбке, которые были на ней вчера после обеда. Единственным добавлением к вчерашнему наряду был красный пиджак.

Девушка стояла как-то неуверенно. Казалось, она сильно пьяна.

Ален медленно подняла руку и прижала палец к губам, потом поманила Нордена. Зная, что у него нет выбора, он подошел к ней.

— Артуру это не понравится, — пробормотала Ален и глупо захихикала. Не дождавшись ответа, добавила: — Могу представить, как он разозлится!

— Это вовсе не то, что вы думаете, — покачал головой Берт, прекрасно понимая всю тщетность своих усилий.

Она снова захихикала и слегка покачнулась.

— Я ему не расскажу... может быть.

— По-моему, вам лучше лечь в постель, мисс Питман.

С лица Ален мигом слетело пьяное веселье, и она обиженно надулась.

— Только не указывайте мне, ради Бога, что я должна делать. Я лягу в постель, когда захочу спать. Пойдемте выпьем.

— Но сейчас только пять утра, — запротестовал Норден.

— Подумаешь! — с театральным взмахом руки сказала девушка. — Что такое пять часов? Середина вечера. Пойдемте выпьем.

— Нет, — покачал головой Берт и отвернулся, собираясь уходить.

— Я кричу, — пригрозила девчонка. — И расскажу всем, что вы делали. Я...

Увидев, что она делает глубокий вдох и набирает перед криком полные легкие воздуха, Норден бросился к ней и закрыл ладонью ее рот. Какая жалость, что убийца Артура не расправился еще кое с кем из семьи Питманов, сердито подумал он.

— Хорошо, — устало согласился детектив и отпустил ее. — Куда мы пойдём?

— Ко мне в комнату. — Ален Питман с улыбкой взяла его под руку и показала длинным ухоженным ногтем на дверь, расположенную напротив комнаты Нордена. — Это моя комната, — сообщила девушка. — Удобно, правда?

— Да, — мрачно кивнул Норден и пошел за ней.

Ален открыла дверь и вошла в комнату. Норден не стал сопротивляться, когда она потянула его за собой. Закрыв дверь, девушка остановилась. Плотные шторы на окнах были закрыты, и в комнате царил абсолютная темнота. Ален нагло и вызывающе прижалась к нему в темноте. Если в девчонке и была хоть какая-то сдержанность, то спиртное прогнало ее.

— Давайте присядем, — сказала она.

— По-моему, немного света не помешает, — пытаюсь определить, как далеко она готова зайти, заметил Берт.

Девушка взяла его за руку и ответила:

— Позже. Мне больше нравится темнота.

Норден не стал противиться, когда она повела его к дивану. Его глаза уже привыкли к темноте, и он начал различать некоторые предметы.

— Как насчет выпивки? — поинтересовался Берт.

— Сейчас, — прошептала Ален, и он почувствовал, как ее губы ищут его.

Может, она не так уж и пьяна?

Ален поддержала плечами, и блузка упала вниз. Берт увидел, что под ней ничего нет. Затем девушка потянула молнию юбки на бедре.

Берт Норден повернулся и бегом выскочил из комнаты.

Закрыв за собой дверь, он глубоко вздохнул и помчался к лестнице, подгоняемый руганью Ален Питман.

Берт спустился на первый этаж и уже собирался направиться в крыло Декера, когда услышал слева какой-то шум. Пальцы машинально нащупали в кармане ключ от библиотеки. Он не ошибся, шипение доносилось именно из библиотечной комнаты.

Норден вытащил платок и аккуратно обернул им дверную ручку. Начал медленно и тихо поворачивать и от удивления раскрыл рот, когда ручка поддалась. Он прекрасно помнил, что сам запер библиотеку, но сейчас она была открыта.

Берт распахнул дверь и быстро шагнул в темноту. Когда его рука потянулась к выключателю, он снова услышал звук, только на этот раз совсем рядом. Детектив резко повернулся в сторону звука и услышал свист рассекаемого воздуха. Он понял, что какой-то предмет на огромной скорости приближается к нему. Берт быстро поднял руку и попытался увернуться.

Его подвела реакция, и первый удар угодил ему в висок. Норден отлетел в сторону и вытянул длинные руки. Второй удар сбил его с ног.

Он не знал, что его ударило, и упал в мягкую, как пух, темноту.

Берт открыл глаза и увидел серый дневной свет. Он замигал и попытался поднять голову, но тут же со стоном осторожно опустил ее на подушку. Потом поднес руку к голове и осторожно потрогал левый висок, на котором нащупал небольшую, но очень болезненную шишку. Еще одно мягкое место было там, где его голова вжималась в подушку. Он еще раз пощупал шишку на виске и попытался вспомнить, что же случилось.

Кто-то спрятался в библиотеке и чем-то ударил его по голове. Потом этот кто-то оттащил его в кровать. Берт начал рывками подниматься, но неожиданно замер, услышав рядом с собой какой-то странный звук. Очень медленно выдохнул и повернул голову в направлении звука.

Он был не один. Рядом, по подушке, разметался водопад золотистых волос. Берт с трудом повернулся и посмотрел на ту часть комнаты, которая была видна из алькова.

Находился он, скорее всего, в своей собственной комнате. Он увидел светложелтый диван с двумя пустыми стаканами на широком подлокотнике. В воздухе слышно воняло крепким табаком Бойля.

Неожиданно в дверь осторожно постучали. Норден открыл рот, чтобы послать непрошенного гостя подальше, но, прежде чем успел произнести хотя бы слово, дверь открылась, и в комнату вошел Бойль.

— Я пришел разбудить вас, сэр, — сообщил дворецкий, и в его голосе Норден уловил едва заметные нотки неодобрения. — Мистер Декер ждет вас внизу. Уже двенадцатый час, сэр.

Сейчас Берту оставалось лишь надеяться на то, что Бойль страдает сильной близорукостью.

— Отлично, — сказал он. — Сейчас спущусь. Дайте мне пятнадцать минут. Я...

Линда Питман, лежащая рядом с ним на кровати, пошевелилась. Бойль посмотрел в направлении звука, и Норден торопливо встал, стараясь закрыть девушку.

— Хорошо, сэр, — кивнул Бойль. — Это все, сэр?

Берт Норден так и не понял, расстроил ли Бойля вид лежащей в его кровати Линды или рассердил. Он подошел к дворецкому и доверительно сообщил:

— Послушайте, это все подстроено.

— Да, сэр, — снова кивнул Бойль, на лице которого не дрогнул ни один мускул.

Голова у Берта так раскалывалась, что боль отдавалась в глазах. Он знал, что у него сейчас вид пьяницы, прокутившего всю ночь напролет.

— Рано утром кто-то ударил меня по голове.

— Да, сэр, — опять, как заведенный, повторил Бойль.

На лице дворецкого постепенно стало проявляться презрение. Нордену захотелось схватить эту жердь за накрахмаленные грудки и хорошенько потрясти, чтобы он перестал строить из себя святошу.

— От вас требуется только одно — держать язык за зубами, — заявил Норден. — И постарайтесь, пожалуйста, запомнить, что вы будете делать это в интересах леди.

— Да, сэр, — повторил высокий худой дворецкий, повернулся и вышел из комнаты.

Берт Норден бросился к двери и запер ее, как только Бойль вышел в коридор. Потом быстро пошел в ванную и глянул на себя в зеркало, висящее над умывальником. На него смотрело очень бледное лицо, заросшее щетиной. Небольшую шишку на виске окружал круг немного другого цвета. Еще легко отделался, учитывая обстоятельства, подумал он.

Десять минут ушли на бритье и душ. Причесываясь, Берт задел расческой больное место на затылке и недовольно поморщился. После ледяного душа, под который он залез, скрипя зубами, пульсирующая боль немного отступила. Прошли десять с небольшим минут, а он уже оделся и чувствовал себя значительно лучше. Конечно, до обычного состояния ему было ой как далеко, но, выходя из ванной, Норден был уверен, что как-нибудь дотянет до вечера.

Берт открыл дверь и осторожно выглянул в коридор. Никого не увидев, открыл дверь пошире и торопливо вернулся к кровати. Рядом лежали халат Линды и зеленые тапочки. Не обращая на них внимания, Норден отбросил одеяло и простыни. Не колеблясь ни секунды, он взял девушку на руки и двинулся к двери. Но в дверях замер, как вкопанный, и глупо ойкнул.

Около двери его комнаты стояла Кора Питман и внимательно смотрела на него. Норден попытался обратно в комнату и захлопнул дверь ногой. Проклиная толстый ковер в коридоре, заглушивший шаги женщины, он положил Линду на кровать. Когда накрывал ее, она слегка пошевелилась.

Норден еще раз замер, думая, что Линда проснется, но она успокоилась и затихла. Берт обозвал себя последней сволочью за то, что так позорно ретировался, но сейчас было поздно что-либо делать. Он распахнул дверь и вышел в коридор. Теперь в коридоре никого не было. Бормоча под нос ругательства, Норден запер дверь и пошел по коридору.

Детектив спустился на первый этаж и остановился около двери библиотеки. Обернул носовым платком ручку и попробовал повернуть. Дверь легко открылась. Он аккуратно сложил и спрятал платок, обругав себя за излишнюю осторожность. За несколько часов, которые он спал, здесь, наверное, уже успела перебывать уйма народу.

Берт пошел в дальний угол, прекрасно зная, что его ждет. Как он и думал, тело Артура Питмана бесследно исчезло.

Он опустился на колени и принялся внимательно разглядывать пол в том месте, где рано утром лежал труп. Не может быть, чтобы на полу не осталось ни одного пят-

на крови или, по крайней мере, дыры в ковре. Несколько минут Берт стоял на коленях и внимательно смотрел на ковер, но так ничего и не нашел.

Он тяжело вздохнул и встал. Огляделся по сторонам и только сейчас заметил, что кресло стоит немного в другом месте. Он поставил его на прежнее место, ориентируясь по легким следам ножек на ковре, и сразу увидел на ковре пятна, немного отличающиеся по цвету, и дырку от ножа.

Вспомнив, что нож чем-то явно забили в спину Артуру, Норден еще раз внимательно оглядел библиотеку. Потом медленно подошел к столу и хмуро посмотрел на него. На всякий случай обернув платком пальцы, начал осторожно открывать ящики стола, но везде лежали только бумаги. Неожиданно верхний правый ящик резко выскочил из стола. Детектив пристально посмотрел на него и сразу увидел глубокие вмятины на боковой поверхности, как будто ящиком что-то забивали. От ударов стенка треснула, и из нее под острым углом торчала большая щепка. Норден встал, взял ящик обратно в стол и сильно толкнул. Щепка отломилась и упала на пол.

Детектив отвернулся от стола, вышел из библиотеки и поспешил по коридору к покоем Джонатана Декера. Он сильно нажал кнопку звонка. Красная лампочка замигала почти немедленно. Норден снял трубку и сказал:

— Это Норден.

— Входите, — резким голосом велел старик.

Берт Норден повесил трубку и вошел в комнату. Не найдя старика в гостиной, он отправился в библиотеку.

Джонатан Декер сидел за столом и что-то писал. Увидев секретаря, отложил ручку и отодвинул стопку бумаги.

Берт остановился перед столом и решительно произнес:

— Я увольняюсь. Читайте, что с этой минуты у вас нет секретаря.

— Бойль рассказал мне о Линде, — спокойно проговорил Декер.

— Линда — самая маленькая из причин, заставивших меня подать в отставку, — сообщил Норден.

— Вот как? — удивился чудаковатый миллионер. — Тогда позвольте спросить, почему вы не хотите работать моим секретарем?

— Я вам уже говорил, что не могу работать, если при этом приходится нарушать мои жизненные принципы. Я отказываюсь покрывать убийство.

— Вы имеете в виду Артура? — равнодушно уточнил Джонатан Декер. Протянув тонкую, похожую на клешню, руку, достал из ящика сигару. — Наверное, вы хотите, чтобы приехала полиция.

— Сейчас мне уже все равно, — махнул рукой Норден. — Но даже вам не удастся вечно скрывать убийство в своем доме.

Густые брови старика вопросительно поднялись.

— Скрывать? Норден, ваше поведение глупо и нелогично. Мне не нравится, когда меня обвиняют в том, чего я не знаю. — Из его голоса исчезла вся мягкость, и он стал резким и повелительным. — Объяснитесь, пожалуйста.

— Раню утром после того, как я дал Линде Питман снотворное и с трудом избавился от вашей акулы-внучки, я отправился к вам. Проходя мимо библиотеки, услышал звук. Когда я вошел в библиотеку, кто-то ударил меня по голове. В себя я пришел час назад в своей кровати... вместе с Линдой. Правда, это сейчас не важно. По пути к вам я опять заглянул в библиотеку и только несколько минут назад вышел оттуда. Труп Артура исчез, кресло подвинули так, чтобы закрыть пятна крови и дырку в ковре.

Джонатан Декер катал сигару между пальцами и холодно смотрел на частного детектива. Сейчас на его тонких губах не было и тени улыбки.

— И вы думаете, что это сделал я?

— Нет, я думаю, что вы приказали это сделать. — От возмущения у Нордена дрожали руки, и он положил их на стол, стараясь унять дрожь. — Чтобы не дать вспыхнуть скандалу. Вы считаете, будто обладаете достаточной властью, чтобы провернуть это дело без посторонней помощи.

— У меня на самом деле есть намерение повернуть, как вы выразились, это дело без помощи полиции... однако я не собирался делать это таким способом.

— Но вы даже не попытались позвонить в полицию.

Губы Декера под усами раздвинулись в слабой улыбке, и он поинтересовался:

— Зачем нам нужна полиция, Норден?

— Не знаю, почему, но фараонам нравится, когда им сообщают об убийствах, — язвительно объяснил Берт. — Иногда они даже находят убийц.

— Думаю, в поисках убийцы я могу положиться на вас, — пожал плечами старик, пропуская сарказм мимо ушей.

— Почему на меня? — очень осторожно поинтересовался Норден.

— Мне сообщили, что вы очень опытный частный детектив. По крайней мере, у вас репутация опытного и умного детектива.

После чашки кофе Берт Норден почувствовал себя лучше. Он попросил Декера велеть Бойлю принести кофейник. Сейчас детектив сидел на неудобном викторианском стуле, осторожно поставив на колени вторую чашку, и задумчиво смотрел на миллионера.

— Значит, вы знаете, что я детектив.

Старик весело рассмеялся и кивнул.

— Я никогда не беру к себе на работу человека до тех пор, пока полностью не проверю его. Это мудрое вложение денег, которое всегда приносит хорошую прибыль.

— Меня с самого начала интересовал этот вопрос, — признался Берт.

Губы Джонатана Декера презрительно искривились.

— Кто-то в моей семье считает себя очень умным. О вашем приезде я знал раньше вас.

— Вы знали, что я детектив, и, тем не менее, взяли меня?

— Возможно, я взял вас как раз потому, что вы детектив, — покачал головой старик.

— Никак не пойму, зачем вам вообще понадобился секретарь? — с любопытством поинтересовался Берт. — В конце концов, у вас всегда под рукой Линда Питман.

— Она работала моим секретарем до начала осени, когда со мной случился удар, — ответил Декер. — После болезни я полностью отошел от дел, и мне не нужен никакой секретарь.

— А сейчас, значит, у вас снова появились дела?

— Только потому, что я сам захотел этого, — объяснил миллионер и, с тонкой улыбкой посмотрев на собеседника, опустил оставшуюся часть сигары в пепельницу.

Норден отхлебнул кофе. Ему показалось, что вдали мелькнул проблеск света.

— Но вы говорите не о финансовых делах? — спросил он.

— Да, не о финансовых, — кивнул Декер.

— Но тогда вам вообще не нужен секретарь в прямом смысле этого слова, — продолжил Берт. — Вам нужен человек типа меня.

— Да, — повторил Джонатан Декер.

— Только у этого человека должно быть поменьше совести, не так ли?

— Вовсе не обязательно. Вашей совести тоже можно найти применение. Например, насколько я понимаю, вас очень трудно подкупить.

— Насколько я знаю, трудно, — согласился Норден. — Хотя, кто его знает! Мне еще никогда не предлагали достаточно большую взятку, чтобы проверить мою честность. — Он поставил чашку и достал сигареты. — Какое счастливое совпадение, что человек, нанявший меня, помог вам с вашими планами.

— Я не полагаюсь на счастливые совпадения, — резко возразил старик.

Норден выпустил к потолку облако дыма и принялся наблюдать, как оно расплзается и постепенно растворяется в воздухе.

— Другими словами, вы решили сами пустить шар и постарались, чтобы он попал в нужном направлении.

— Я доволен, что выбрал вас, Норден. Вы мне нравитесь. У вас быстрый ум.

— Благодарю. Интересно, как вы уговорили кого-то из своих родных помочь вам?

— Я знаю свою семью, Норден. Достаточно было сказать, что я подумываю о том, чтобы нанять нового секретаря. Поскольку сейчас я не в состоянии передвигаться сам, то попросил дочь навести для меня кое-какие справки во время очередной поездки в Сиэттл.

— Выходит, меня наняла ваша дочь? — быстро произнес Берт Норден. — Миссис Питман.

Впервые с начала разговора по лицу Джонатана Декера пробежало недовольство.

— К сожалению, я не могу ответить на этот вопрос, поскольку сам не знаю ответа на него. — Теперь настала очередь Нордена удивленно поднимать брови. — Я сумел выяснить все... кроме этого, — мрачно признался старик.

— И еще одного: вы не знаете, кто убил Артура.

— И кто убил Артура, — согласился Декер, не сводя с детектива пристального взгляда. — Честно говоря, я надеялся на то, что вы знаете ответ хотя бы на первый вопрос.

— Не знаю, — покачал головой Берт. — Но даже если бы знал, все равно не сказал бы.

— Следует ли мне понимать ваши слова так, что я не могу рассчитывать на вашу преданность?

— Не знаю, — честно признался Норден.

Старик помолчал несколько секунд, потом внезапно осведомился:

— Какой у вас оклад?

— Занимаясь каким-нибудь делом, я зарабатываю тридцать пять долларов в день плюс расходы.

— А сейчас еще и оклад, который я плачу вам как своему секретарю?

— Да.

— Я могу платить вам намного больше.

— Понимаю, — кивнул Берт. Увидев, что чашка пуста, он поднял кофейник, взглянул в него и с сожалением поставил на место. В кофейнике осталось всего несколько капель кофе.

— Что бы вы сказали о десяти тысячах долларах?

— И что вы за них потребуете?

— Работать только на меня.

— А что я должен буду делать?

— То же, что делаете сейчас. Только докладывать будете лично мне.

Норден покачал головой.

— Знаете, я уже как-то прикипелся к боссу.

— Двадцать тысяч.

— Сдается мне, мистер Декер, что мы попали в неразрешимую ситуацию, — произнес, вставая, детектив.

Миллионер перестал разглядывать свои костлявые руки и перевел взгляд на Нордена.

— Меня восхищает в людях независимость, но нередко бывают минуты, когда она доставляет чертовски много неприятностей. Значит, все-таки уезжаете?

— Я вам уже объяснил, что не могу и не хочу покрывать убийство.

— И по пути в город вы, конечно, заедете в полицию. — Это был скорее не вопрос, а уверенное заявление.

— Если я этого не сделаю, то быстро лишусь лицензии частного детектива.

— Линда очень расстроится, когда в доме появится полиция, — неожиданно проговорил Джонатан Декер.

Норден удивленно уставился на старика, и его губы медленно раздвинулись в легкой улыбке.

— Ну и что? — равнодушно поинтересовался он, пожимая плечами. — Какое мне дело до ее расстройств? Кто она такая?

— Альбатрос, — ответил Декер с такой же легкой улыбкой. — Источник постоянной тревоги.

Берт Норден не спеша закурил вторую сигарету и задумался над словами собеседника. С минуту он молчал, потом, бросив на Декера сердитый взгляд, вернулся к столу и снова сел.

Джонатан Декер поднял руку и нажал кнопку на столе. Через считанные секунды показался Бойль и замер у двери. Норден поднял голову и посмотрел на дворецко-го, долговязая фигура которого продолжала излучать неодобрение.

— Принесите мне завтрак, Бойль. И Нордену тоже.

— Только учтите, что я проголодался, Бойль, — добавил Берт Норден.

— Да, сэр. — Бойль вышел из библиотеки так же тихо и быстро, как и вошел.

Норден, сощурившись, посмотрел на Декера и покачал головой.

— Мне так двинули по голове, что я отключился на несколько часов, а Линду положили ко мне в постель. Впервые приходится иметь дело с такой очевидной и глупой фальсификацией. Сейчас, когда мотив ясен, она кажется еще глупее и очевиднее.

— Вы ошибаетесь, Норден. То, что я могу воспользоваться выгодами создавшегося положения, еще не означает, что я создал его.

— Следует ли мне понимать ваши слова так, что вы тут ни при чем?

— Следует, — великодушно кивнул Декер и посмотрел собеседнику в глаза. — Я согласен, мотив предельно ясен.

— Яснее не бывает, — пробурчал Берт. — Полиция наверняка подумает, что Линда наняла меня, чтобы я помог ей избавиться от мужа. Или что она соблазнила меня и с помощью секса уговорила убить Артура. В обоих случаях результат один и тот же. Линда, конечно, может возражать, но кто ей поверит?

— Я вас еще раз предупреждаю, пусть поведение и простоватая внешность моих родных не обманывают вас. Любой из них, а скорее все вместе, с удовольствием солжет полиции, лишь бы навредить Линде. Если кто-то из них... э, подставил вас... можете быть уверены, они выжмут из ситуации все.

— Так же, как вы?

— Я предлагаю вам возможность сделать из них котлету.

— Работая на вас?

— Да.

— И таким образом спасти репутацию Линды Питман?

— Не только Линды, но, возможно, и вашу собственную.

— И при этом еще и заработать двадцать тысяч долларов? — равнодушно уточнил Берт Норден.

Декер рассмеялся.

— Пожалуй, я вернусь к своему первому предложению, поскольку у вас очень маленький выбор. Нет, при этом вы заработаете десять тысяч долларов.

— Надеюсь, вы не забудете вернуть мне мою совесть, — с горечью проворчал Берт Норден, — когда выпишете чек? И, кстати, как ваши родственники отнесутся к отсутствию Артура?

— Мне нравится, как работает ваша голова, Норден. Вы не отвлекаетесь на мелочи. Если бы не ваше глупое донкихотство, вы могли бы стать богатым человеком.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Берт. — Думаете, нам удастся уговорить Линду молчать?

— Линду я беру на себя. Не беспокойтесь, я поговорю с ней.

— Но объяснений все равно не избежать. Наверное, сейчас все уже знают, что она была в моей постели.

— Бойль будет молчать, как рыба.

— Зато миссис Питман не будет молчать. Она видела меня.

— Я поговорю с Корой, — пообещал Декер. Он произнес это таким тоном, что у Нордена не осталось никаких сомнений: Кора Питман тоже будет молчать.

— Что я должен сделать в первую очередь? — спросил Берт.

— Ведите себя так же, как раньше, но постарайтесь как можно быстрее и как можно больше узнать.

— Я хочу побродить по дому и все осмотреть.

— Хорошо. Сделайте опись имущества.

— Когда мы увидимся? — кивнул Норден.

Джонатан Декер посмотрел на старомодные часы с крышкой в массивном золотом корпусе, закрыл их и сунул в кармашек.

— До пяти, а может, и позже я буду спать. Давайте после ужина опять выпьем бренди.

— У бассейна?

— Да. После ужина два часа бассейн принадлежит только мне.

Норден сомневался, чтобы кто-нибудь мог осмелиться нарушить уединение этого деспота. Он кивнул, повернулся и вышел из библиотеки.

Берту очень хотелось вернуться к себе, прилечь и немного подумать. Вернее, не немного, а много подумать, исправил он себя. Он добрался до своей комнаты, и тут же в дверь коротко и властно постучали.

Ну вот, начинается, подумал он и громко ответил:

— Входите, — а про себя добавил: миссис Питман.

Только это была не миссис Питман. Дверь открылась, и в комнату вошел Дэвид Питман. Норден удивился, когда Питман решительно закрыл за собой дверь. Он оказался очень маленьким мужчиной, и сейчас сходство с кроликом было еще сильнее. Только не с простым, добрым кроликом, а с бешеным.

Дэвид Питман напоминал сейчас очень сердитого и бешеного кролика.

5

Норден встал и вежливо предложил:

— Садитесь, пожалуйста. Чем могу служить, сэр?

Питман щелкнул зубами. Казалось, он хочет заговорить, но испытывает некоторые трудности. Наконец, он кое-как выдавил:

— Я... черт побери, Норден, я такое о вас слышал!

— Не хотите выпить?

— Молодой человек, я сказал... — Питман неожиданно замолчал и посмотрел на Нордена. Его обычно красное лицо потемнело еще на несколько оттенков. — Вы что, смеетесь надо мной?

Берт покачал головой.

— Я всегда считал, что мужчинам легче договориться за бутылкой.

Питман кивнул и попросил:

— Только по сильнее разбавьте, пожалуйста.

Норден вышел в ванную комнату. Оба стакана, чисто вымытые, стояли рядом с бутылкой рома. Помня о предыдущей ночи и Бойле, он на этот раз налил значительно меньше рома, чем воды. Потом вернулся в комнату и протянул Питману один стакан.

Дэвид Питман устроился на диване, а Норден — в кресле. Когда гость отказался от сигареты, он закурил.

— Я вас слушаю, сэр, — вежливо проговорил детектив.

Питман осторожно отхлебнул из стакана. Потом сделал еще глоток.

— Черт побери!.. — со вздохом начал он и тут же замолчал.

Берт Норден подбадривающе улыбнулся.

— Наверное, это была идея миссис Питман?

— Да, Коры, — снова покраснел Дэвид Питман. — Она..

Норден решил помочь робкому гостю.

— Значит, разговор пойдет о Линде?

— О Линде? При чем тут Линда? — Глаза Питмана за толстыми стеклами очков быстро замигали. — Нет, речь пойдет об Ален, Норден. Кора сказала... Кора сказала, что вы... черт побери, что вы вышли из комнаты моей дочери в шестом часу утра. Это правда? Да еще в халате и пиджаме!

Берт никак не мог решить, является ли сердитый питмановский викторианизм искренним, или это результат накруток жены. Наконец, он пришел к выводу, что отец Ален не столько сердит, сколько расстроен.

— Миссис Питман видела меня? — поинтересовался частный детектив.

Питман сделал третий, потом сразу же четвертый глоток.

— Она просто сказала, что вас видели. — На лице и в глазах Дэвида Питмана застыло отчаяние. — По-моему, сама Кора не видела. Она, в отличие от меня, спит крепко. А я бы обязательно услышал, если бы она выходила из комнаты в такой ранний час.

— Значит, сегодня в пять часов утра вы не спали?

— Я не спал большую часть ночи. Но я тоже не видел, как вы выходили из комнаты Ален, понимаете? Очень смахивает на очередную злобную сплетню Артура. — Он допил ром с водой и пробурчал: — Чтoб ему провалиться!

Это были первые искренние слова, которые он произнес. Нордену очень захотелось узнать, насколько сильно он недолюбливает сына и почему? Еще вчера, за ужином, он решил, что в Дэвиде Питмане есть что-то хорошее, и это неопределенное чувство сейчас стало медленно расти.

— Если хотите, я могу все объяснить, — сказал он.

На смену отчаянию на лице Питмана тут же пришло воинственное выражение.

— Даже не знаю, Норден, хочу ли я этого. Я вовсе не уверен в том, что хочу. — Весь вызов, который секунду назад он излучал, куда-то испарился.

— Передайте своей супруге, что это была пустая мечта. В пять часов утра я был... очень занят. Не исключено, что миссис Питман знает, что я имею в виду.

Произнося эти слова, Берт почувствовал себя последним подлецом, но так как Кора Питман истолковала пребывание Линды в его комнате однозначно не в его пользу, это не имело сейчас особого значения.

Питман встал, с трудом вырвавшись из объятий мягких подушек.

— Хорошо. — Он двинулся к двери, но внезапно остановился и выпалил: — Я не хотел приходить к вам. Черт побери, я не хочу ничего знать! — Он сделал паузу, перевел дух, и из него потоком полились слова: — У Алэн слегка... необузданный характер. Она ни в чем не знает меры. И я не хочу знать, насколько она необузданна. — За толстыми стеклами заблестели слезы. — Я никогда не хотел знать этого. Но в девочке есть и что-то хорошее... вот об этом я хочу знать. — Он вышел из комнаты и хлопнул за собой дверь.

Норден улегся на диван. Этот бедняга чертовски одинок, подумал он.

Норден не собирался спать, но когда в дверь постучали, он понял, что старается проснуться. Вынырнув из сна, он встал, широко зевнул и крикнул:

— Входите!

Дверь открылась, и Берт увидел Линду Питман. Она стояла на пороге, не собираясь входить в комнату. После зевка глаза Нордена, наконец, сфокусировались, и он внимательно посмотрел на нее. Девушка была одета в очень простое зеленое платье безо всяких узоров и украшений. Собранные на затылке в пучок волосы придавали ее лицу слегка усталый вид. Кроме подкрашенных губ, на лице не было никакой косметики. И все равно она чертовски привлекательна, промелькнула у Нордена мысль.

— Мы можем... мне хотелось бы поговорить с вами.

Берт собирался пригласить ее войти, но понял, что в данный момент этого лучше не делать.

— Сейчас выйду, — кивнул он и энергично потер лицо, чтобы прогнать остатки сна. Выходя в коридор, спросил: — Куда пойдем?

— Наверное, в библиотеку. Там нам никто не помешает. — Линда говорила тихим спокойным голосом, почти лишенным эмоций.

Норден взял ее под локоть, и они начали медленно спускаться по лестнице. Стараясь, чтобы это не показалось вызывающим, девушка освободила руку и пошла на одну ступеньку впереди. Берт пожал плечами, но ничего не сказал.

В библиотеке никого не было. Берт Норден посмотрел на Линду и заметил, что ее взгляд автоматически остановился на кресле, которое сейчас стояло у стены.

— Там никого нет, — тихо проговорил он.

— Вы... — Линда замолчала и вопросительно посмотрела на собеседника.

— Нет, это был не я.

Линда Питман спокойно закрыла дверь и изящной походкой направилась к шкафу с книгами, но Нордену почему-то показалось, что она смущена. Берт прекрасно ее понимал, он и сам чувствовал себя не в своей тарелке, обнаружив ее в своей постели.

Девушка остановилась у кресла, оперлась о него руками и повернулась к детективу.

— Мистер Норден, я...

Норден закурил сигарету и бросил спичку в ближайшую пепельницу. Он знал, что упрямится совершенно напрасно, но все равно ничего не мог с собой сделать и решил не облегчать ей это тяжелое признание.

Линда закусил губу и, собравшись с духом, выпалила:

— Я говорила с мистером Декером.

— Я тоже, — кивнул Норден.

— Насколько я поняла, вы подали в отставку.

— Мне не нравится, когда меня подставляют.

Смуглые щеки девушки смущенно зарделись.

— Вы имеете в виду мое пребывание в вашей постели?

— Частично, да, — кивнул Берт. — Остальное находится здесь. — Он обвел рукой комнату. — В начале шестого я спустился вниз. Кто-то был в библиотеке. Я сунул в дверь голову, и мне ее чуть не отбили.

— Знаю, — кивнула Линда Питман. — Проснулись вы в своей постели, а рядом лежала я.

— По вашему скептическому тону я вижу, что вы не очень-то в это верите. Смеем вас заверить, совершенно напрасно! Все было, как я рассказал.

— Мистер Декер сказал мне...

Норден подошел к соседнему креслу и уселся на широкий закругленный подлокотник.

— Но вы решили не верить в это?

— Я не забыла, что вы заставили меня проглотить таблетку снотворного.

По лицу Нордена пробежала легкая улыбка, но девушка никак не отреагировала.

— И вы сопротивлялись, — добавил Берт. Так как Линда упорно хранила молчание, он повторил вопрос, который задал ночью, но на который так и не получил ответа: — Я вам не нравлюсь?

— Нравитесь вы мне или не нравитесь, не имеет никакого значения, — равнодушно ответила Линда. — Независимо от того, как я к вам отношусь, похоже, мы с вами очутились в незавидном положении.

— Значит, мир?

— Называйте это миром, если хотите. — Линда бросила осторожный взгляд на дальний угол комнаты. — До тех пор, пока все не прояснится.

— Как много вам рассказал мистер Декер? — поинтересовался Берт.

— Все, наверное, что можно было рассказать, — слегка удивленно ответила девушка. — Он предупредил, что какое-то время мы не будем говорить об... об Артуре.

— Причем даже полиции, — добавил Берт Норден.

— Да, даже полиции.

— И вы согласились?

— Конечно.

— Вижу, вы очень доверяете Джонатану Декеру.

— Да, я полностью ему верю.

— И, похоже, нисколько не верите мне?

— С какой стати я должна вам верить? — слегка презрительно пожала плечами Линда. — Мы с вами знакомы меньше суток, мистер Норден, и я о вас практически ничего не знаю.

— Честно говоря, мне о себе практически нечего и рассказывать, — весело общил Берт. — Как видите, я высок и костляв. У меня отвратительная привычка говорить то, что я думаю. Еще я могу быть первоклассным негодяем, когда мне кажется, что меня водят за нос.

— Вы хотите сказать, что сейчас вас водят за нос? — уточнила девушка, и на ее лице не дрогнул ни один мускул.

— Если откровенно, то я не уверен в этом, — пожал плечами Норден. — Но, выражаясь вашими же словами, сейчас это не имеет никакого значения. По крайней мере, в данную минуту не имеет... Декер не говорил о том, что вы должны помогать мне?

— Говорил.

— И вы согласились с ним?

— Напрасно насмежаетесь надо мной, мистер Норден.

Берт выпрямился и бросил сигарету в пепельницу.

— Успокойтесь, ради Бога! У меня и в мыслях не было насмеяться над вами. Я только пытаюсь разобраться, в каком положении мы с вами очутились. Если мы

хотим выяснить, кто убил Артура Питмана, то должны объединить наши усилия, а не ссориться по пустякам.

— Я согласна с вами.

— Буду вам очень признателен, если вы ответите на несколько вопросов.

— Сделаю все, что смогу.

— Хорошо, — кивнул Берт. — Кто отнес вас в мою постель? Вы хоть кого-то подозреваете?

— Нет. Я думала, что это сделали вы.

— Неужели я на самом деле выгляжу таким подонком? Так как я не переносил вас в свою комнату, то это сделал кто-то другой. Может, вам известна причина, почему вы очутились в моей постели?

— Нет, — покачала головой Линда.

— А вам известно, что миссис Питман знает об этом?

— Да. Мистер Декер сказал мне.

— Мне жаль, что все так произошло. Знаете, порой бывает так, что ничего нельзя сделать. Я хотел незаметно отнести вас в вашу комнату, а она стояла у двери и увидела вас.

— Спасибо, — поблагодарила девушка, и ему показалось, что это искренне.

— Вы хоть помните, как вас переносили?

— Нет. Я крепко спала. Эти таблетки очень сильные.

— Когда вы проснулись... — решил помочь ей Берт Норден.

Девушка опять покраснела и посмотрела на свои руки.

— Когда я проснулась, — тихо проговорила она, — то не сразу поняла, где нахожусь. У меня сильно кружилась голова. Я кое-как встала с постели и пошла в ванную. — Девушка с трудом выдавила из себя негромкий смех. — И только когда полезла в шкафчик за аспирином, заметила что-то странное. Потом увидела... ваши вещи. — Она подняла голову и встретилась с ним взглядом. — Я испытала самое настоящее потрясение. В голове метались обрывки мыслей, я не знала, что и подумать. Сначала пришла в ярость, потом испугалась, в конце концов, опять рассердилась.

— Я вас не виню.

— Немного успокоившись, — продолжила девушка, — я надела халат и тапочки и побежала в свою комнату.

— А когда проснулись окончательно, подумали, что я воспользовался вашим беспомощным состоянием?

— Я уже не ребенок, мистер Норден. Конечно, я подумала, что это вы перенесли меня к себе, но не могла понять, зачем.

— Я рад, что вы нашли во мне хоть что-то хорошее, — улыбнулся Норден и вновь заговорил серьезным голосом: — Сегодня рано утром, перед тем как уснуть, вы хотели рассказать мне что-то очень важное. Начали говорить, но не закончили и уснули. Может, сейчас вспомните, что хотели рассказать?

— Может, и вспомню, если вы хоть немного поможете. Я до сих пор не очень хорошо соображаю.

— Вы сказали, будто слышали разговор Артура с матерью. После него у вас и появилась мысль, что меня наняли шпионить за вами и мистером Декером.

— Вспомнила.

— Еще Артур сказал, что был бы рад что-то получить... Вы пробормотали эти слова и крепко уснули.

— Я подслушала этот разговор... почти две недели назад. Артур сказал: «Мне бы очень хотелось иметь что-то против Линды и старика. Может, тогда мы кое-что и сумеем сделать». А его мать ответила: «Наберись терпения».

— И это все?

— Все, — кивнула Линда. — После этого они отошли, и я больше ничего не услышала. Честно говоря, я вовсе не пыталась подслушивать... все вышло совершенно случайно.

— Значит, вы решили, что миссис Питман с сыном предложили мне работать секретарем у мистера Декера?

— Я решила, что секретарская работа — просто ширма, а главная ваша задача — следить за мистером Декером и мной.

— А у вас есть мрачные тайны, которые я мог бы вынюхать?

— По крайней мере, мне самой о них ничего не известно, — слабо улыбнулась девушка.

Норден, естественно, не поверил, что ей совсем нечего скрывать.

— Почему вы подумали, что миссис Питман и ваш муж могли подсунуть старику своего человека?

— Мистер Декер попросил миссис Питман найти секретаря. А раз она занималась его поисками, то им нетрудно было поставить на это место своего человека, не так ли?

— Но ведь сначала требовалось мое согласие, — произнес он вслух.

— Я ведь говорила, что ничего о вас не знаю

— Ладно, — кивнул Берт. — Следующий вопрос. Вы сказали мне, что вас разбудил шум... Артур колотил ногами по стене. Но ведь вы не спали?

— Не спала.

— Где же вы тогда были, если не в постели?

— Извините, но на этот вопрос я не могу вам ответить.

— Не можете или не хотите?

— Не могу. Это не... ну, просто не могу и все.

Норден подошел к бару и открыл крышку. Не найдя рома, он достал бутылку виски.

— Выпьете? — поинтересовался детектив, показывая на бутылку.

— Нет... да. Да, пожалуйста.

Он достал стаканы, налил в них виски с сельтерской водой, отнес стакан Линде и сел в соседнее кресло.

— Мне бы хотелось, — попросил он ее, — чтобы вы кратко описали дом и его обитателей. — И торопливо добавил: — Если кому-то вдруг захочется воткнуть нож мне в спину, я не хочу, чтобы меня застали врасплох... Я почти ничего не знаю. Например, я даже не знаю, сколько в доме слуг.

— В данный момент шестеро.

— Чем занимается Грирсон?

— Думаю, его можно назвать мастером на все руки, — ответила девушка. — Основная задача Грирсона зимой — расчистка снега. Еще он помогает мистеру Декеру в оранжерее. Короче, его можно встретить везде.

— И этот Грирсон безупречно чист? — прошептал Берт Норден. — Какие у него отношения с семьей?

— По-моему, нормальные. — Линда подняла голову и отхлебнула виски. — На такие вопросы трудно отвечать, мистер Норден. Отношения между людьми очень тонкие, и их непросто определить.

— Мне казалось, — пожал плечами Норден, — что вы можете знать немного больше остальных, поскольку являлись чем-то вроде связующего звена между семьей и слугами.

— Грирсон появился в доме не так давно — в конце осени.

— Значит, сразу после вашей женитьбы?

По лицу Линды пробежала слабая улыбка.

— Мы с Артуром стали мужем и женой практически год назад. Если быть точной, в прошлом марте.

Не слишком долгая семейная жизнь, подумал Берт. И за неполный год успели не только разойтись по разным спальням, но и стать друг другу совершенно чужими людьми.

— Грирсон появился в доме позже всех?

— Да. Обе служанки работают уже почти год, а кухарка и Бойль появились еще до меня.

— А когда здесь появились вы?

Линда задумалась и ответила не сразу.

— Около трех лет назад.

— Значит, вы успели проработать секретарем у мистера Декера два года, прежде чем вышли замуж за Артура?

— Что-то около того.

— Вы любили своего мужа?

— Я вышла за него замуж, — резким голосом произнесла Линда.

Норден решил и эту тему оставить на потом. Он глубоко вздохнул и неожиданно сказал:

— Вы ни слова не сказали о шофере... знаменитом шофере, о котором все только и говорят.

Пальцы Линды, сжимающие стакан, побелели.

— Я бы не стала верить всему тому, что о нем говорят, мистер Норден. Рей очень опытный водитель.

— Рей?

— Рей Коул, — пояснила девушка.

Норден подождал, но она больше ничего не сказала.

— Что он еще делает, кроме того, что водит машину?

— Конечно, он механик. И помогает Грирсону в оранжерее, когда у него есть время.

— Какие отношения сложились со всеми у Бойля? — неожиданно спросил Норден.

Он уловил в ее голосе едва слышные нотки облегчения. Ему даже показалось, что она с удовольствием перешла к дворецкому.

— Бойль — хороший дворецкий. Я никогда не слышала, чтобы кто-то жаловался на него. — Она замолчала и добавила после секундной паузы: — Он очень предан мистру Декеру.

— Как и вы?

— Мистер Декер сделал мне много добра.

— В это добро входит и ваш брак с его внуком?

Линда внезапно встала.

— Я могу понять ваш интерес к Артуру, мистер Норден, но уверяю вас, меня вы подозреваете напрасно. Мы с Артуром не очень-то ладили, но между нами не было вражды. Мы просто жили раздельно.

— Кстати, чья это была идея?

Линда поставила наполовину полный стакан на столик и двинулась к выходу.

— Наша с ним общая, — ответила она на ходу.

Норден молча смотрел ей вслед до тех пор, пока она не вышла из библиотеки и не закрыла за собой дверь. Ему нравилась ее изящная походка и игра мускулов ног под зеленым платьем. Он с тяжелым вздохом велел себе возвращаться к делам и забыть хотя бы на время о Линде Питман.

Берт посмотрел на часы и увидел, что уже третий час. Он встал и подошел к столу. В одном из ящичков нашел блокнот. Потом сел и написал наверху: «Опись имущества», а чуть ниже — цифры от одного до шести. Напротив цифр — «Дом», «Территория», «Гараж», «Помещения прислуги», «Оранжерея», «Разное».

Вооружившись карандашом и блокнотом, Норден вышел из библиотеки и отправился на поиски Бойля. Дворецкого он нашел в маленькой столовой, где тот возился со столовым серебром.

— Как попасть в гараж? — спросил он.

— Около лестницы есть дверь, которая ведет в помещения для слуг, сэр.

Вновь почувствовав холодное неодобрение Бойля, Норден поморщился. Ему это было неприятно не потому, что он высоко ценил мнение дворецкого, а потому, что думал, будто Бойль держит руку на пульсе всех событий, происходящих в доме, и вследствие этого может оказать неоценимую помощь.

— Утренний... эпизод, — сказал Берт и получил в ответ вежливый бесстрастный взгляд. — Мистер Декер сказал, что вы должны молчать о нем.

— Я знаю это, сэр.

— Миссис Питман, к сожалению, все знает.

— Да, сэр.

— Полагаю, — спокойно произнес Норден, — она расскажет обо всем увиденном Артуру.

Они шли в гараж. Берт Норден заметил, как огромная, похожая на журавля, фигура Бойля, который шел чуть впереди, на мгновение остановилась, будто он наткнулся на невидимую стену. Затем дворецкий двинулся дальше как ни в чем не бывало.

— Я тоже так думаю, сэр, — невозмутимо согласился он.

— Как, по-вашему, Артур отнесется к этому? Придет в ярость, как положено ревнивому мужу?

— Этого я не знаю, сэр.

У Нордена появилось сильное желание схватить Бойля сзади и вбить в его лысую башку хотя бы немного ума-разума, но он быстро взял себя в руки. Несмотря на высокий рост, худобу и смешной парик, Норден не сомневался, что дворецкий Джонатана Декера очень сильный человек.

Увидев удобный коврик, Берт решил проверить свою догадку и споткнулся у самой двери в гараж. Дворецкий одной рукой легко подхватил его и не дал упасть. Норден фыркнул от досады и как бы нечаянно оттолкнул своего проводника плечом к стене.

— Простите, — извинился он. — Сегодня я что-то совсем неуклюжий.

Бойль поправил костюм и дотронулся до головы, чтобы убедиться, что парик на месте.

— Ничего страшного, сэр. Гараж за этой дверью, сэр.

— Спасибо, — поблагодарил Берт и дальше пошел один. Интересно, подумал он, разгадал ли Бойль его маленькую хитрость? Хотя, откровенно говоря, это не имело никакого значения. Главным было другое: он узнал то, что хотел узнать. Бойль на самом деле был очень сильным человеком. Когда он подхватил Нордена и без видимых усилий удержал одной рукой весь вес детектива, его пальцы, как тисками, сжали руку Нордена. При помощи своей хитрости Берт обнаружил еще одну интересную вещь. Прижав дворецкого на долю секунды к стене, он почувствовал твердый предмет.

На плече у дворецкого мистера Декера висела кобура, в которой лежал револьвер.

6

Рей Коул и Грирсон полировали сделанный явно на заказ огромный автомобиль, который снаружи тянул тысячу на тридцать долларов, а изнутри — еще на десять.

— Целый корабль! — восхищенно присвистнул Берт.

Коул и Грирсон оторвались от работы и подозрительно посмотрели на незваного гостя. Гараж был очень просторным, как и все в этом доме. В один ряд в нем легко могли разместиться шесть машин, а в два — двенадцать. Берт насчитал пять автомобилей и пустое место с пятнами масла, на котором, очевидно, обычно стоял шестой. Его двухместная машина сиротливо стояла в сторонке, в нише у дальней стены, и казалась бедной родственницей рядом с дорогими монстрами, с которыми ей довелось временно находиться под одной крышей.

Грирсона Норден видел уже дважды и поэтому сразу узнал. Это был молодой, всегда чисто выбритый мужчина со смуглой кожей. На нем был комбинезон, плотно облегающий мощную грудь и широкую спину.

С первого взгляда белокурый Рей Коул показался Нордену худеньким и маленьким, однако приглядевшись повнимательнее, он понял, что Коул такой же маленький и тщедушный, как гвардеец, стоящий у королевского дворца. Под большой рабочей рубашкой, скрывающей широкие плечи, перекатывались внушительные мышцы. Над полной верхней губой протянулась тонкая ниточка светлых усов. Квадратное лицо было не только интересным, но даже, пожалуй, красивым. Причем это была настоящая мужская красота. Серые глаза напомнили Нордену глаза Линды — так пристально и холодно смотрели они на него.

Шоферу — лет двадцать пять, подумал Берт Норден, а Грирсон, наверное, на несколько лет старше.

Берт достал из кармана блокнот с карандашом и ухмыльнулся.

— Сухопутная яхта, которая тянет тысячу на тридцать зелененьких. Я прав?

На лицах Грирсона и Коула не промелькнуло даже тени улыбки. Грирсон встряхнул тряпкой, которой полировал машину, так, что послышался громкий щелчок, и неторопливо сложил ее вчетверо. Коул раскачивался на пятках и холодно смотрел на Нордена.

— Хорошо, — согласился Норден, — я подлец. Вот только интересно, что плохо-го я сделал вам, ребята?

— Ничего, сэр, — сурово покачал головой Грирсон.

Неожиданно Нордену надоело слушать это произносимое с нескрываемой издевкой «сэр».

— Только не надо называть меня «сэрром»! — резко потребовал он. — Вы сами в это не верите.

Коул и Грирсон молча смотрели на него. Берт тяжело вздохнул и раскрыл блокнот. — Давайте начнем. Чья это машина?

— Мистера Декера, — сухо ответил Грирсон. — Все машины в этом гараже принадлежат мистеру Декеру.

— Он хочет знать, — хмуро пояснил Рей Коул, — кто на ней ездит.

— Угу, — кивнул Норден. — Именно это он и хочет знать.

— Миссис Питман предпочитает «кадиллак».

Норден принялся быстро писать в блокноте. Потом показал концом карандаша в сторону фургона, на правом переднем бампере которого виднелась такая глубокая вмятина, что он прогнулся почти до самого колеса.

— А эта штука, наверное, принадлежит мисс Питман? Я имею в виду Ален.

— Да, мисс Ален ездит на нем, — кивнул Грирсон.

— Только она и больше никто?

— И больше никто.

— А те два седана?

— На этом ездит мистер Питман, — пробурчал Грирсон, показывая на машину поменьше. — Второй — для слуг.

— Очень мило со стороны Декера, — иронично проговорил Берт.

Полностью проигнорировав его слова, Грирсон показал на второй фургон.

— На нем мы ездим в город за продуктами.

Норден опять застрочил, как положено прилежному секретарю, составляющему описание имущества.

— А что стоит здесь? — спросил он, глядя на пустое место.

— Машина мистера Артура.

Карандаш Нордена на долю секунды замер. Потом он продолжил писать, только немного быстрее, чем хотел.

— Мистер Артур куда-то уехал?

— Наверное, уехал, — пожал плечами Грирсон. — По крайней мере, его машины нет.

— А что у него за машина? — поинтересовался Норден.

— Серый «кад» с откидным верхом. — И он продиктовал номер.

— Странно, — удивленно пробормотал Берт. — Вчера я видел Артура Питмана в столовой на ужине.

— Вчера вечером его машина стояла в гараже, — кивнул механик.

— А это, наверное, машина самого мистера Декера? — смущенно поинтересовался Норден.

— Здесь все принадлежит мистеру Декеру, — кивнул Грирсон.

Берт Норден принялся расспрашивать об остальном оборудовании гаража: яме для смазки и осмотра машин, множестве смазочных материалов и полном наборе нужных в гараже инструментов и приспособлений, включая и цепную лебедку. Грирсон вывел его из гаража и показал на снегоочиститель и огромный бак для горючего. В баке, сказал он Нордену, помещается тысяча галлонов бензина.

Рей Коул в это время продолжал доводить машину Декера до блеска, предоставляя Грирсону самому разбираться с секретарем.

— Это все? — спросил Норден после того, как они с Грирсоном вернулись в гараж. — Или мне еще что-то следует знать?

Когда Грирсон закрыл створку ворот, в гараже сразу стало темно, несмотря на электрический свет.

— Да, — ответил Грирсон, отступил назад и слегка поднял голову, чтобы посмотреть в лицо Нордену. На смуглом лице «мастера на все руки» появилось неприятное выражение. — Нам нравится старик. Он — неплохой мужик, пусть и с небольшими недостатками.

— И как мне это следует понимать? — Норден говорил таким же тихим и спокойным голосом.

— А так, что нам, может быть, не нравятся шпионы и стукачи.

Не поворачивая головы, краем глаза Берт увидел Коула. Шофер стоял футом в двадцати от них и не мог ничего слышать, но его рука остановилась, и он, казалось, прислушивается.

— Кому «нам»? — спросил детектив.

— Нам и... Линде.

Берт Норден даже глазом не моргнул, когда Грирсон назвал Линду по имени.

— Бойлю тоже? — уточнил он.

— Бойлю тоже.

— Меня нанял мистер Декер, — объяснил Берт.

— Чтобы быть секретарем.

— Верно, — согласился Берт, — но вы почему-то решили, что я шпион. — В его голосе послышалось любопытство. — С чего вы это взяли? Какой я вам шпион?

Грирсон презрительно посмотрел на него и проговорил, цедя слова сквозь сжатые зубы:

— Частный фараон! Паршивый шпик! Послушай, приятель. Мой тебе совет: лучше не попадайся нам под ноги! Делай то, что положено секретарю, и больше никуда не суй свой длинный нос. Мы любим старика. И если кто-то захочет что-нибудь ему сделать...

Норден спокойно ждал продолжения, но его собеседник и не думал продолжать.

— И что тогда? — решил помочь ему Берт.

— Когда-нибудь видел стукача, пойманного членами профсоюза? — пожал плечами Грирсон и направился к машине, около которой стоял Рей Коул.

Норден вышел из гаража, решил поискать Бойля и опять нашел дворецкого в маленькой столовой. Бойль стоял около буфета спиной к дверям. Услышав шаги, он сделал несколько странных движений, будто танцевал, и только после этого повернулся.

Едва до Нордена долетели винные пары, он обо всем догадался. Конечно же, в буфете хранилась выпивка. Когда Бойль, наконец, отошел от него, бутылка исчезла.

— Налейте и мне, — попросил Берт. — От такой жизни, хочешь не хочешь, а запьешь!

На длинном лице Бойля не дрогнул ни один мускул. Он вытащил из буфета бутылку бурбона. Норден взял стакан и налил себе немного. Выпив, налил второй стакан и вернул бутылку Бойлю.

— Налейте себе, — с улыбкой посоветовал он.

— Наверное, теперь побежите доносить старику?

— Если я не собираюсь доносить о ваших крутых дружках, — пожал плечами Норден, — то и о вас не донесу.

Соображал Бойль медленно. Несколько секунд непонимающе смотрел на Нордена, потом переспросил:

— О моих дружках?

— О Грирсоне и Коуле. Они буквально выставили меня из гаража.

— Наверное, считают вас стукачом.

— А вы разве не считаете? — с невинным видом поинтересовался Берт Норден.

Бойль заколебался. Он открыл рот, собираясь ответить, но в коридоре вновь послышались шаги, и в столовую вошла Ален Питман. Наметанным глазом она сразу заметила стакан в руке Нордена.

— Что-то вы рано начали, — весело проговорила девушка. — А я надеялась опередить вас.

Частный детектив посмотрел на часы и увидел, что еще нет и трех часов.

— Не бойтесь ее, — успокоил он Бойля.

— Сэр! — Дворецкий развернулся на длинных, почти негнущихся ногах и вышел из столовой.

— Сдается, мне здесь все очень рады, — с кривой улыбкой заметил Берт Норден.

На Ален был длинный махровый купальный халат в красную и белую полоску, на ногах — плетеные сандалии, в руке она держала резиновую шапочку.

— Что-то вы не по сезону оделись, — удивленно заметил Норден.

Она подошла к нему и широко улыбнулась. Пожалуй, даже слишком широко, неприязненно подумал детектив.

— Но мы же договаривались идти купаться, — напомнила она ему.

Норден подумал о бассейне с прохладной водой, о том, как здорово было бы сейчас расслабиться и не спеша выпить пару стаканчиков рома со льдом. Только сейчас он понял, как устал за последние сутки.

— Рядом с водой у меня всегда пересыхает в горле, — пошутил он.

— Постараюсь что-нибудь придумать, пока вы будете переодеваться, — пообещала девушка и куда-то ушла.

Норден отправился к бассейну и обнаружил три маленьких раздевалки. В одной из них он нашел плавки и через десять минут вышел на террасу раздетый.

Ален принесла поднос и поставила на плетеный столик. На подносе стояли два серебряных стакана, покрытых капельками влаги, и огромный серебряный графин.

— Ну что, начнем? — спросила она.

— С удовольствием, — кивнул Берт Норден. Он обратил внимание, что девчонка выбрала столик, около которого стоял только плетеный диванчик, слишком маленький для двоих.

Ален сбросила халат, под которым оказался ослепительно белый закрытый купальник, сидевший на ней без единой морщинки. На белом, как снег, фоне кожа девушки казалась смуглой, и Берт подумал, что в ней, наверное, есть немного индейской крови. Черные волосы, белоснежный купальник и смуглая кожа производили завораживающий эффект.

Берт опустился на плетеный диван и взял у нее стакан, в котором, судя по запаху, была хлебная водка с водой. Он сделал глоток, убедился в том, что обоняние его не подвело, и заговорил:

— Я недавно вернулся из гаража, где делал опись имущества. У вас там куча машин.

— Видели, что я сделала с бампером фургона?

— Да, — кивнул Норден. — Вы разбиваете все, на чем ездите?

Ален многозначительно опустила ресницы и ответила:

— Нет, если мне помогают.

Норден ухмыльнулся и равнодушно поинтересовался:

— Коул и есть тот шофер, о котором говорил вчера Артур?

Он почувствовал, как девушка напряглась, словно сжатая пружина. Она посмотрела в сторону и вновь подняла стакан.

— Артур ненавидит меня, — объяснила Ален. Она сделала это признание, держа стакан у рта, и поэтому слова получились приглушенные и нечеткие. — Он готов наговорить все, что угодно, лишь бы выставить меня в черном свете.

— А почему он ненавидит вас? — удивился Норден. — Не могу представить, что бы вас ненавидели мужчины.

Ален искоса посмотрела на него и поставила стакан на столик. На резком лице сейчас застыла печаль.

— Артур считает, что дедушка больше любит меня, и, естественно, завидует. — Она слегка задрожала. — Только он завидует черной завистью. Пошли лучше купаться!

Ален сделала три коротких шага и ловко нырнула в воду. Норден не торопясь последовал за ней, только он нырнул не так ловко. Вода оказалась очень теплой. Берт вынырнул и убрал с глаз волосы. Ален медленно плыла, лениво работая руками. Он бросился в погоню, надеясь догнать ее прежде, чем она достигнет бортика.

Девушка первой добралась до бортика, схватилась за него, вытянулась и принялась бить по воде ногами.

— По-моему, вы не перетруждаете себя работой, — с улыбкой заметила она.
— Сегодня я делаю опись, — сообщил Берт. А когда она с сомнением посмотрела на него, добавил: — И если я решил сначала сделать опись спиртного, хранящегося в доме, кто скажет, что я не прав?

Над водой разнесся ее веселый смех.

— А вы молодец! За словом в карман не лезете.

— Артур уже уехал, когда вы вернулись сегодня утром? — внезапно спросил Норден.

Ален повернулась и встала.

— Уехал?

— Если верить мрачным типам из гаража, он уехал где-то между вчерашним ужином и семью часами утра, когда пошел снег. По крайней мере, его машины нет в гараже.

Девушка сложила пальцы ковшиком и задумчиво набрала в них воду.

— Не заметила, — пожалала она плечами. — Я была немного... скажем, навеселе.

— Немного, — согласился Берт Норден. — Значит, вы не обратили внимания, в гараже его машина, или ее нет?

— Не обратила. — Ален резко повернулась к нему и вопросительно подняла брови. — А почему вы спрашиваете? Если Артур хочет куда-то уехать, мне-то какое до этого дело? Ему уже двадцать один год, и он может делать все, что хочет.

— Я просто подумал, — с многозначительной улыбкой объяснил детектив, — что вы захотите сквитаться с ним. Ведь это он рассказал вашему деду о том, что вы разбили бампер.

— О, так, значит, вы на моей стороне?

Норден встал и пожал плечами.

— Я становлюсь на чью-то сторону только тогда, когда меня попросят об этом.

Ален звонко рассмеялась и поплыла к центру бассейна. Норден неторопливо последовал за ней. Оказавшись напротив столика со стаканами и графином, она подплыла к бортику и выбралась на террасу. Норден тоже вылез из воды.

Протянув ему конец длинного полотенца, Ален вытерла своим концом лицо и руки. Потом сняла шапочку и встряхнула волосами. Норден смахнул с лица воду и взял стакан.

— Так вы просите меня встать на вашу сторону или не просите?

— Не знаю. Вы можете рассердиться на меня... и что тогда будет?

— С какой стати мне на вас сердиться?

— Мужчины часто сердятся... а ревнивые особенно часто.

— Меня успокоить очень легко. Просто не давать повода для ревности, и все.

Берт с удовольствием произнес эти слова. Ему казалось, что сейчас он играет с ней в кошки-мышки. Девушка прижималась к нему плечом и бедром, и он чувствовал, как у нее под кожей переливаются мышцы.

— И это все? — с сомнением поинтересовалась она.

— Конечно, — кивнул он. — Я не жаден.

— А что, если кто-то предложит вам... деньги?

— Ну, и какой в этом смысл? Я не в том положении, чтобы кому-то здорово помочь. Что я могу сделать?

Ален отхлебнула водки и заметила:

— А я слышала совсем противоположное.

— Вот как?

— Все страшно запуталось! — неожиданно призналась Ален Питман.

— Для вас?

— Для меня, — ответила девушка.

— Я же предложил вам свою помощь, — негромко повторил Берт Норден.

— Но я не знаю, могу ли доверять вам.

— Неужели все обстоит настолько плохо? — удивился Берт. — Что произойдет, если вы решите, что не сможете доверять мне?

— настолько плохо и даже еще хуже, — в отчаянии кивнула внучка Джонатана Декера. — И если я доверюсь вам, а вы меня бросите, то...

— Продолжайте.

— Тогда я все потеряю.

— Что все?

Ален одним глотком допила водку, размахнулась и бросила стакан в воду.

— Все, — повторила она. — Деньги. — Потом спокойно села, аккуратно надела резиновую шапочку и спрятала под нее волосы.

— И что теперь?

— Теперь пойду доставать стакан, — ответила Ален.

— Позвольте мне.

Она протянула ему руку, чтобы он помог ей встать.

— Я люблю нырять, поэтому и выбросила его в воду.

— Лучше пойдете поговорим, — предложил Норден.

Оказавшись в вертикальном положении, девушка прислонилась к нему и сказала со своей глупой улыбкой:

— Как только достану стакан, пойдём разговаривать по душам.

Она сделала два неуверенных шага к воде и нырнула. Встревоженный Берт подошел к бортику. Он боялся за нее — уж слишком много она выпила.

Ален Питман вынырнула справа от него. Вынырнула так быстро, словно кто-то вытолкнул ее наверх. Сначала появилась ее белая шапочка, потом из воды выскочили плечи. И рука со стаканом. Ее широко раскрытый рот жадно хватал воздух. Она выронила стакан и забила по воде руками.

Из раскрытого рта вырвался дикий крик. Когда Норден подошел ближе, она опять ушла под воду, и крик перерос в страшное бульканье.

— Матерь Божья! — испуганно прошептал он и нырнул за ней.

Берт нашел яростно извивающуюся девушку на дне, схватил за талию и вытолкнул наверх. Она яростно отбивалась, пытаясь выцарапать ему глаза. Он вынырнул вслед за ней и подтолкнул ее к бортику бассейна. Она схватилась за бортик, и Берт вытолкнул ее на кафельную террасу. Вылез следом и посмотрел на девушку. Ален лежала и жадно ловила ртом воздух. Ее начало рвать, и она вся задрожала.

— О Господи, Ален! — перепугался он. — В чем дело?

Девушка захрипела и махнула на воду. Потом встала на четвереньки и поползла к бассейну.

Норден вздохнул и снова нырнул в воду. Несколько сильных гребков, и он оказался на дне. Разглядел в полумраке серебряный стакан и взял его, потом сощурил глаза и огляделся по сторонам.

Берт знал, что сейчас увидит. Волнистые волосы Артура Питмана лениво колыхались, двигаясь в такт созданному Норденом течению. Парень стоял вертикально на дне, словно хотел оттолкнуться и выплыть на поверхность. Норден нагнулся и увидел, что лодыжка и ступня внука Джонатана Декера зажаты решеткой, закрывающей трубу, по которой в бассейн поступала вода.

Берт Норден оттолкнулся от дна и поднялся на поверхность. Он живо выбрался из воды, и его немного замутило. Он бросил взгляд на Ален, которая продолжала стоять на четвереньках. Рвота, кажется, прошла, и она тупо смотрела на кафельный пол.

В этот момент Берт услышал шаги. Он посмотрел вверх головы Ален и неожиданно почувствовал себя последним дураком.

— Я не помешала? — вежливо поинтересовалась Линда Питман.

— Нет, — тупо покачал он головой. — Это... — И замолчал, когда дверь, ведущая в коридор, распахнулась, и в комнату быстро вошли мистер и миссис Питманы.

Ален так внезапно обмякла, что Норден едва успел подхватить ее. Он взял ее под мышки и поставил в вертикальное положение. Голова девушки откинулась назад, и она повисла на нем. Берт взял ее на руки и направился к выходу.

— Ален! — властно окликнула дочь Кора Питман.

— У нее шок, — объяснил Норден. — Думаю, мне лучше отнести мисс Питман в ее комнату.

Линда пристально смотрела на него, и по выражению ее глаз он понял, что она обо всем догадалась. Когда она перевела взгляд на воду, частный детектив кивнул.

— Могу я чем-нибудь помочь? — абсолютно спокойно поинтересовалась девушка.

— Что за крики? — удивился Дэвид Питман. Он быстро направился к ним и тут же остановился, словно устыдившись собственной смелости.

— На дне бассейна — труп, — кратко объяснил Норден.

К счастью, Кора Питман в этот момент стояла около маленького диванчика.

— Мой сын... — в ужасе пробормотала она, и кровь отхлынула от ее лица.

Берт понял, что она сейчас упадет в обморок. Питман опередил его и прыгнул к жене, но единственное, что он мог сделать, это подхватить ее и положить на диван. Потом поднял голову и посмотрел на детектива расширенными от ужаса глазами.

Берт Норден вышел из бассейна с Ален на руках.

Джонатан Декер протянул тонкие руки к огню.

— Значит, кошка выбралась из норы?

Норден осторожно катал в ладонях бокал с бренди.

— Еще как выбралась! — согласился он. — Кстати, бассейн — глупое место для того, чтобы прятать труп.

— Согласен, — кивнул Декер. — Теперь сложилось чертовски неудобное положение. Я привык после ужина пить на террасе бренди, а сейчас, наверное, придется ждать, пока не закончится вся эта глупость.

— Это точно, — пожал плечами детектив. — По крайней мере, пока полиция не осмотрит труп.

— Значит, вы так и не отказались от своей идеи вызвать полицию?

Норден посмотрел на старика таким взглядом, будто видел его в первый раз. Ему еще никогда не доводилось встречаться с таким поразительным эгоизмом и такой слепой верой во всемогущество денег. Он уже второй день находился в этом странном доме, но никак не мог привыкнуть к этому ощущению.

— Мои желания в этом вопросе не имеют никакого значения. Сейчас бессмысленно хранить в тайне смерть Артура. Все в доме знают, что его убили. Ножевую рану невозможно спрятать, — сухо добавил он. — Так же, как и сам нож.

Хотя зачем вообще прятать нож, спросил себя Норден. Он ведь оставался в теле Артура. Отнесся Ален Питман наверх, Берт снова нырнул и освободил тело. С помощью Гриссона и Коула он подтащил труп Артура к бортику. Нет, нож, конечно, прятать бессмысленно. Лезвие почти на два дюйма торчало из груди Артура, а состоявшие ручки ясно говорили о том, что его вбили в спину, как гвоздь.

Это был огромный нож для разделки мяса с лезвием, примерно, в десять дюймов длиной и деревянной ручкой. Интересно, подумал Норден, откуда он взялся? Если с кухни, то кухарке теперь придется искать новый нож для разделки мяса.

Честно говоря, он был рад, что тело нашлось. Но облегченно вздохнуть он сможет только после приезда полиции. Берт не помнил в своей практике дел, которые бы ему так сильно хотелось поскорее закончить. Если вчера дом показался ему просто странным, то сейчас у него было жуткое ощущение, что по огромным комнатам и коридорам бродит смерть.

Ужин превратился в фарс. Ален и миссис Питман легли в постель и, естественно, не спустились в столовую. Линда сидела за столом, но не ела. Дэвид Питман попробовал суп, неожиданно встал и торопливо вышел из комнаты.

И лишь Берт Норден не жаловался на отсутствие аппетита. Он не очень помнил, из чего состоял ужин, но чувствовал после него приятную сытость.

И глядя сейчас на Джонатана Декера, Берт был уверен, что и у старика с аппетитом все в порядке.

— Полицию нужно известить немедленно, — подчеркнул Берт. — Мне жаль, но это необходимо сделать.

На губах Декера заиграла тонкая улыбка, грозившая немедленно исчезнуть.

— Перед самым вашим приходом я велел Бойлю позвонить шерифу, — сообщил он. — К сожалению, нам не повезло. Весь день валил сильный снег. Где-то повалились телефонные столбы, и мы сейчас не можем связаться с внешним миром.

Норден замер и хмуро посмотрел на улыбающегося собеседника.

— Тогда в полицию нужно кого-то послать, — упрямо сказал он.

— За день выпало не меньше фута снега. Вы хоть понимаете, что такое фут снега в горах? — поинтересовался Декер. — Снег валит с самого утра и не думает прекращаться. Он не только не слабеет, но даже усиливается...

— Не меньше фута! — недоверчиво покачал головой Берт Норден. — Неужели так много? — Он говорил таким же сухим тоном, как Джонатан Декер. — Но ведь у вас есть снегоочиститель. Грирсон сможет пробиться на нем через любой снег.

— Грирсон не дал мне спокойно поужинать. Он пришел, и я, естественно, велел ему садиться на снегоочиститель и ехать в город. — Декер сделал паузу, поднял руку и задумчиво погладил усы. — Снегоочиститель не работает. Несколько деталей в моторе вышли из строя.

— Но в гараже должны иметься запасные детали, — покачал головой Берт Норден.

— Если верить Грирсону, то тех, что нужно, нет, — пожал плечами Джонатан Декер. Он опять улыбнулся, и в его голосе послышались довольные нотки. — На какое-то время мы полностью отрезаны от внешнего мира.

Норден ожидал чего-то похожего. Сейчас он вспомнил, что его мучили дурные предчувствия, когда он после ужина шел к Декеру пить бренди.

Миллионер сложил руки на коленях и несколько секунд внимательно разглядывал их. Наконец, поднял глаза и посмотрел в лицо детективу. Услышав странный звук, похожий на сухой шорох опавших с дерева листьев, Норден не сразу понял, что это довольный смех.

— По-моему, пришло время сообщить им, кто вы на самом деле, — сказал старик.

— И рассказать, что я здесь делаю?

— Вы ищете убийцу моего внука, — ответил мистер Декер.

— Вот как... — задумчиво протянул Берт. — Значит, я больше не должен помогать вам инсценировать вашу смерть.

— Одно другому не мешает. Инсценировка моей смерти поможет вам найти убийцу Артура. Мои планы не изменились. Меня продолжает интересовать вопрос: кто

же вас все-таки нанял, Норден, и для чего? Еще я хочу разобраться в странных от-
ношениях, существующих между моими родными и слугами.

Норден выпрямился.

— Насчет слуг это что-то новое, — без особой радости произнес он.

Декер опять сухо рассмеялся.

— Да нет. Наверное, вы просто не заметили. Я с самого начала хотел разобраться
с этим.

— Единственное, что я заметил, — ответил частный детектив, — так это то, что вы
окружили себя преданными людьми. — Увидев вопросительно поднятые брови собе-
седника, Норден объяснил: — Я имею в виду Гирсона и Коула, Бойля и Линду. — И
он рассказал о посещении гаража.

По невозмутимому лицу старика нельзя было сказать, доволен ли он холодным
приемом, оказанным Гирсоном и Коулом Берту Нордену. Декер задумчиво достал
сигару, раскурил и принялся медленно катать ее между пальцами.

— И к каким выводам вы пришли?

— Ни к каким. Мне ясно только одно: вы можете себе позволить платить им боль-
ше, чем ваши близкие.

— Значит, по-вашему, в основе их преданности лежат деньги?

— А вы думаете иначе?

Старик улыбнулся тонкой улыбкой и провел пальцем по густым усам.

— Вы вольны делать любые выводы, Норден. Я предлагаю, чтобы вы сейчас откры-
лись и стали внимательно наблюдать за их реакцией... По-моему, у вас нет выбора.

Норден встал и молча вышел из библиотеки.

Поднявшись по лестнице, он на мгновение замер и огляделся по сторонам. Кори-
дор, как обычно, был тускло освещен, в нем не раздавалось ни звука. Берт подошел
к двери Ален и громко постучал.

— Кто там? — донесся довольно громкий и спокойный голос.

— Норден, — ответил он и услышал ее шаги. Только, в отличие от голоса, шаги пока-
зались ему какими-то странными. Через минуту-другую щелкнул замок, и дверь слегка
приоткрылась. Он увидел бледное и усталое лицо девушки, огромные и темные глаза.

Когда дверь открылась шире, Норден вошел в комнату. Ален закрыла дверь и
заперла ее.

— Правильно. Пора хоть кому-то в этом доме начать запираить двери.

— Я боюсь, — призналась Ален Питман. — Мне так страшно, что внутри все
трясется.

— Очень умно, — похвалил Берт Норден. — Испуганный человек не забывает об
осторожности. У труса больше шансов дожить до глубокой старости.

Девушка поплелась к дивану, растянулась на нем и накрылась одеялом.

— Я очень хочу есть, — призналась она и покачала головой, как бы пытаясь убе-
дить его в том, что говорит правду, — но боюсь идти в столовую. Лучше умереть от
голода, чем выйти из своей комнаты.

— Бойль может принести вам ужин сюда.

Она хрипло рассмеялась, и в ее смехе послышалась горечь.

— Бойль! Бойль принадлежит не мне, а ей.

— При чем тут дружба Бойля с Линдой?

Ален резко подняла голову.

— Значит, она и вас околдовала, да? Как, по-вашему, мог Артур... — Она замол-
чала и отхлебнула из стакана виски. — Если она сумеет избавиться от нас, то полу-
чит все деньги, не так ли?

— И вы думаете, что Бойль помогает ей в этом?

Ален резко кивнула.

— И я думаю, что Бойль помогает ей в этом.

— Неужели вы не можете ни к кому обратиться за помощью?

— Только к вам.

— Почему ко мне? — удивился Норден. — Откуда вы знаете, что мне можно доверять?

— Но ведь я могу доверять вам, правда? — хрипло прошептала девушка. — О Господи, вы же сами говорили, что хотите быть на моей стороне.

Норден нагнулся за сигаретами. Он дал сигарету ей, взял себе, и они закурили.

— Только при одном условии, — заявил он. — Я хочу все знать.

— Но я ничего не могу вам рассказать. Я ничего не знаю.

— Не торопитесь, — покачал головой Берт. — Человек может многое знать и при этом даже не подозревать об этом.

— И если я вам все расскажу, вы защитите меня?

— Я сделаю все, что смогу, — честно ответил частный детектив.

— Господи, я умираю от голода! — воскликнула Ален.

— Дайте мне ключ, — попросил он, вставая. — Я вас закрою.

Берт взял ключ и вышел из комнаты. Запер за собой дверь и прошел к себе. Он быстро огляделся по сторонам и решил, что в его отсутствие в комнате никто не побывал. Длинными шагами подошел к чулану, открыл один из трех чемоданов и сунул руку внутрь, пытаясь нащупать защелку, открывающую второе дно. Он терпел целые сутки, но, похоже, сейчас настало время вспомнить о тайнике.

Наконец, пальцы нащупали защелку. Крышка поднялась, и Норден достал легкую, на удивление, кобуру.

Детектив опустил на короточки и заглянул внутрь. Тупое удивление на его лице медленно уступило место холодному гневу. Кобура оказалась пуста. Он встал, бросил ее в чемодан и быстро вышел из комнаты, оставив дверь открытой и не выключив свет.

Берт торопливо прошел коридор, спустился по лестнице и подошел к двери, ведущей в гостиную для прислуги. Дернул дверь и увидел испуганную служанку. Правда, это была не Бет, а, наверное, служанка со второго этажа.

— Где Бойль? — грубо спросил он.

— У себя в комнате, сэр.

Норден бегом направился в гараж. Взлетел по лестнице на второй этаж, где жила прислуга, и громко постучал в дверь Бойля. Изнутри послышались какие-то звуки. Дверь открылась, и на пороге оказался дворецкий. Как испуганный журавль, он посмотрел на Нордена сверху вниз.

— Отдайте мне револьвер, — потребовал Норден спокойным голосом, хотя весь кипел от негодования.

Бойль сделал шаг назад, и Берт вставил ногу в дверь, чтобы дворецкий не закрыл ее.

— Ваш револьвер, сэр? — удивленно повторил Бойль.

— Черт побери! — вне себя от ярости воскликнул Норден. — Да, мой револьвер! Я говорю о револьвере, который вы украли из моего чемодана.

— Я не видел никакого...

Потеряв голову от гнева, Берт Норден изо всех сил размахнулся и нанес удар, целясь в длинное костяное лицо Бойля. Тот слегка наклонил голову набок, и кулак провистел около его уха. Неожиданно длинные руки дворецкого пришли в движение. Они обхватили правую руку детектива, и у Берта пронеслась страшная мысль, что эта каланча сейчас оторвет ему руку. Он попытался освободиться, но ничего не мог сделать. Руки Бойля держали его, как тиски. В глазах потемнело, и Берт упал на спину.

Мгновенно перекатился на живот, попытался встать на колени и набрать побольше воздуха в легкие. От падения в ушах звенело, перед глазами все плыло. Норден встал на ноги и сделал два неуверенных шага к противнику, который поднял руки и принял боксерскую стойку. Берт попытался поднырнуть под руки и сблизиться, но Бойль сделал шаг в сторону, будто танцевал, и нанес удар. Костлявый кулак угодил детективу в щеку, и он сел на пол.

Но быстро поднялся и упрямо двинулся вперед. Перед глазами плыли какие-то круги, и он с трудом видел Бойля. Дворецкий был похож на призрак, очень высокий и невесомый, без рук и ног. Чувства Нордена были притуплены, и он не почувствовал острой боли, когда кулак дворецкого соприкоснулся с его подбородком. Берт вновь упал и на этот раз остался на полу.

Длинные руки Бойля схватили его за шиворот и куда-то поволокли. Послышался глухой звук, и Норден не сразу понял, что это его тело врезалось в стену коридора. Где-то дальше по коридору открылась дверь. Сквозь туман гнева и боли детектив увидел, как к нему приближаются две фигуры: коренастая Грирсона и худощавая Коула.

— Какие-то неприятности? — откуда-то издалека долетел до него голос.

— Да нет, — ответил Бойль. — Не то, чтобы неприятности. Просто стукач захотел получить обратно свой револьвер.

— У тебя? — заинтересовался Грирсон.

— Я ему сказал, что у меня нет его револьвера, но он не поверил.

Норден, наконец, встал. Сейчас он стоял и сильно качался.

— У кого из вас, подонков, мой револьвер?

Грирсон ударил его открытой ладонью. Голова детектива снова врезалась в стену, в ушах зазвенело.

— Оставь и мне хоть что-то, — попросил Рей Коул.

Норден с трудом поднял руки и размахнулся. В ушах звенел смех шофера. Он почувствовал, как суставы его пальцев скользнули по зубам Коула, и вновь упал. Кто-то пнул его в ребра носком тяжелого ботинка. Норден перекатился на живот и попытался свернуться в клубок, стараясь защитить жизненно важные органы. Чья-то рука схватила его за шиворот и потянула вверх. Детектива бесцеремонно подняли и швырнули вниз с лестницы. По пути вниз он пересчитал все ступеньки. Когда Берт, наконец, очутился внизу, ему показалось, что стены дома дрожат от грохота.

Он лежал, широко разбросав руки, и сейчас ему хотелось только одного — лежать и не шевелиться. Но Берт понимал, во что бы то ни стало нужно встать. Где-то в глубине сознания занозой застряла неприятная мысль: ведь он пошел за чем-то, ему что-то необходимо сделать...

Берт кое-как встал на четвереньки и, как пьяный, посмотрел вверх.

— Да катитесь вы все к черту! — пробормотал он и вновь улегся на пол. Только на этот раз лежал тихо и не шевелился.

7

Берт никак не мог вырваться из тяжелого сна. Ему казалось, что он увидел страшный кошмар. Тело ныло, голова раскалывалась. Он с огромным трудом открыл тяжелые, будто налитые свинцом, веки.

Перед ним на коленях стояла Линда Питман и мокрой тряпкой вытирала ему кровь с лица.

Берт поднес руку ко рту. Убедившись, что челюсти на месте и не сломаны, поблагодарил:

— Спасибо.

Девушка бросила тряпку в ведро с водой и спросила:

— Сейчас вам лучше?

— Я чувствую себя просто прекрасно, — простонал Норден. — Ничего не болит, состояние превосходное.

Он повернулся на живот и оттолкнулся руками от пола. Кое-как встал на четвереньки и несколько секунд оставался в таком положении, потом медленно поднялся на ноги, схватившись за балясину перил.

— Прекрасно, — с глупой улыбкой повторил детектив.

— Может, вам лучше пойти к себе? Если хотите, я вас провожу.

— Учитывая то, что сделали ваши дружки, это будет подходящим завершением вечера, — кивнул Берт. — Только я еще не готов идти к себе. — Он прижал руку к виску, надеясь привести мысли хоть немного в порядок. — Я зачем-то спустился вниз.

— Может, хотели выпить?

— Нет, — покачал он головой. — Я пошел за едой. Ален проголодалась, и я хотел распорядиться насчет ужина.

Берту показалось, что по ее лицу пробежала улыбка, но полной уверенности не было.

— Кухня — там, — объяснила девушка и показала налево.

— Спасибо, — поблагодарил частный детектив и попытался поклониться.

— Мне, правда, очень жаль, что все так получилось, — вздохнула Линда.

— Не сомневаюсь, — кивнул Берт и прошел на кухню.

Возвращался Норден с тяжелым подносом. Перед тем, как открыть дверь комнаты Ален, поставил поднос на пол, буркнул: «Норден» и только после этого открыл дверь ключом. Вошел в комнату с подносом, опять поставил его на пол и запер за собой дверь.

Ален лежала на диване.

— Где вы так долго пропадали? — спросила она, поднимая голову. — О Господи!..

— Угу, — фыркнул Норден. — Когда вам чего-то захочется в следующий раз, убедительная просьба, соизмеряйте, пожалуйста, свои желания с моими возможностями.

Девушка встала с дивана и сейчас стояла, слегка покачиваясь. Изо всех сил стараясь сохранить равновесие, взяла детектива за руку и подвела к дивану.

— Сейчас прилечь нужно не мне, а вам, — участливо проговорила она.

— Нет времени, — покачал головой Берт Норден и освободил руку. — Ешьте свой проклятый ужин, чтоб ему провалиться!

Берт вышел в ванную комнату и закрыл за собой дверь. Несколько секунд он отдыхал, прислонившись к косяку. Из гостиной доносились звуки. Вот Ален зашевелилась на диване, налила кофе и взяла с подноса тарелку. Норден разделся, вошел в душ и открыл кран с холодной водой на полную мощность. После ледяного душа ему стало намного лучше. Он вытерся большим черным полотенцем с белой монограммой, оделся и посмотрел на себя в зеркало. Рассеченная губа и несколько уже начавших темнеть синяков оказались единственными следами недавних побоев. Учитывая то, что ему пришлось пережить, он должен был признать, что еще легко отделался.

Когда Берт вернулся в комнату, Ален уплетала огромный сэндвич с ветчиной и запивала его кофе. Он посмотрел на поднос и решил, что это уже третий сэндвич.

Норден принес себе чашку и налил кофе.

— Вкусно, — пробормотала девчонка с набитым ртом.

— Я рад, что вам нравится, — кивнул он.

К тому времени, когда на подносе и в кофейнике ничего не осталось, Ален Питман почти протрезвела. Она закурила сигарету и с довольным вздохом откинулась на спинку дивана.

— Не передумали насчет помощи? — поинтересовался Берт Норден.

— Если я смогу вам доверять, то не передумала.

Норден показал на свое лицо.

— Если вы думаете, что я наткнулся на стену, то напрасно. Кто-то спер у меня пушку, и я отправился на поиски.

— Пушку?

— Да, пушку, — кивнул Берт. — Револьвер. Наверное, эти типы не хотят, чтобы я мог защищаться, если им захочется убрать и меня.

— Вы всегда носите с собой револьвер?

— Я думал, что вы знаете, — неторопливо произнес Норден и признался с печальной улыбкой: — Дело в том, что я частный детектив. Если бы мой босс сейчас находился в этом доме, у него бы обязательно нашлось несколько нелестных эпитетов в мой адрес.

— Частный детектив? — словно не веря своим ушам, повторила Ален. — Вы... но зачем вы сюда приехали?

Берт не мог ответить на этот простой вопрос. Сейчас он окончательно запутался и вообще не мог понять, кто и зачем его нанял.

— Давайте лучше попытаемся кое-что прояснить, — вздохнул он. — Вчера ночью вы были сильно пьяны?

— Вы сами знаете, сильно или несильно, — пожала плечами девушка. — Вы же меня видели.

— Ну-ка, хватит! — прикрикнул на нее Норден. — Мы или работаем вместе, или вообще не работаем. Мне нужна ваша помощь, но не забывайте, что и вам нужна моя.

— Нужна?

Берт должен был признать, что эта девчонка начинает действовать ему на нервы. Сейчас Ален почти протрезвела. Страх отступил, и к ней вернулась осторожность.

— Да, нужна. Так же, как была нужна Артуру... Но он не обратился ко мне вовремя и поплотился за это. Вот что я вам скажу, милая. Вы можете чувствовать себя в безопасности только в том случае, если сами убили его. Мне почему-то кажется, что вы не трогали братца, так что о безопасности вам остается только мечтать. Надеюсь, вы понимаете, что человек, убивший Артура, может захотеть избавиться и от вас по той же самой причине.

Слова детектива произвели на мисс Питман сильное впечатление. Казалось, она вот-вот упадет в обморок. Девушка покачнулась вперед и хрипло проговорила:

— Я не убивала его.

— Вчера ночью вы были сильно пьяны? — повторил вопрос Норден.

Откуда-то из глубины ее горла вырвалось хриплое рыдание.

— Но вы подумаете...

— Вы хотите, чтобы я подумал это о вас живой? — жестко проговорил Берт, решив не щадить ее чувств. — Или предпочитаете, чтобы я подумал это о вас мертвой?

— Господи! — в отчаянии прошептала девушка и задышала так глубоко и быстро, что все ее маленькое тело задрожало. Неожиданно она расслабилась, как будто приняла решение. — Я не была пьяна. Я... я выпила только два стакана. В самый раз, чтобы от меня пахло спиртным. Я вообще не была пьяна вчера ночью. — Ален жалко съежилась в углу дивана и терла себя руками, будто замерзла.

— Почему? Зачем вы притворились пьяной?

— Я... — Она замолчала, чтобы проглотить подступивший к горлу комок, и облизнула губы.

Нордену стало ее жалко. Он понял, что она решила рассказать правду, но боится того, что он о ней подумает, когда узнает эту правду.

— Я ходила к Рею... к Рею Коулу. Я хотела, чтобы он поехал со мной в город.

— И часто вы ездили с ним в город?

— Нет, редко. Совсем редко, всего несколько раз.

— Значит, Артур сказал правду о вас и Коуле?

Она жалобно улыбнулась, показывая маленькие острые зубы.

— Нет. Я старалась соблазнить его, но у меня ничего не получилось. Поэтому я поехала в город одна. Я... я здорово расстроилась. Меня расстроил Рей, Артур со своими шуточками и... ох, да в последнее время все шло наперекосяк. Мать непрерывно пилит меня из-за разбитого бампера и... куча других неприятностей. Я хотела напиться, но ничего не вышло. Знаете, у меня было такое ощущение, будто из меня выжали все силы. Так что, я вернулась домой абсолютно трезвая.

— Когда это было?

— Около половины третьего, — вновь вздохнула Ален. — Я поставила фургон в гараж и увидела свет в окне Рея. Не знаю, в чем тут дело: в упрямстве или в чем-то еще, но я поднялась к нему, чтобы попробовать еще раз...

— И не смогли этого сделать?

— Его не было в комнате. Тогда я спустилась в холл. Я... я проходила мимо библиотеки, когда дверь открылась. — Ее лицо снова побелело. — Из библиотеки вышел Рей. Он увидел меня и тут же захлопнул дверь. У него было такое дикое лицо, что я насмерть перепугалась... Мне показалось, что в комнате есть кто-то еще, но он начал что-то говорить, схватил меня и...

Слова вылетали из Ален Питман все быстрее и быстрее, и картина становилась все яснее. Норден слушал очень внимательно, стараясь не упустить ни малейших подробностей. Все оказалось настолько просто, что ему казалось, будто он видит все своими собственными глазами.

Рей Коул схватил ее за плечи.

— Что ты тут делаешь?

Ален с трудом освободилась.

— Так уж получилось, но я тут живу, — язвительно ответила она.

Если Коул и помнил, что является водителем ее деда, то сейчас, судя по всему, он предпочел забыть об этом.

— Опять охотишься за мной?

— Раньше охотилась, но сейчас у меня свои дела.

Они стояли так близко, что их глаза разделяли всего несколько дюймов. Неожиданно Рей отпустил девушку и улыбнулся.

— Извини. На меня напала бессонница, и я спустился в библиотеку за какой-нибудь книгой.

— Я тоже, — высокомерно произнесла Ален и положила руку на дверную ручку.

Обхватив за талию, Коул крепко обнял ее. Она испугалась не на шутку и попыталась освободиться, но он прижал ее к стене коридора.

— Черт бы тебя побрал! — гневно пробормотал шофер. — Ты уже давно меня дразнишь. — И с этими словами впился поцелуем в ее губы. Впервые за все время их знакомства парень поцеловал ее так, как она хотела.

Ален, конечно, понимала, что он поцеловал ее не потому, что она ему нравилась. У него была какая-то другая причина, но поцелуй заставил ее забыть обо всем на

свете. Куда легче и приятнее было думать, что он целует ее с такой страстью, потому что по уши в нее влюблен. Ее злость растаяла, как лед в печи, и она попыталась прижаться к нему еще сильнее.

Рей отодвинулся первым.

— Пошли наверх, — проговорил он дрожащим голосом.

Ален молча взяла его за руку, и они поднялись по лестнице. У себя в комнате он снова поцеловал ее, потом отпустил и сказал:

— Я приготовлю коктейли.

— Нам не нужны никакие коктейли, — прошептала она.

— Не знаю, как тебе, а мне нужен, — упрямо покачал головой Коул.

Рей весь дрожал, и лицо у него было каким-то странным. Прежде чем она могла возразить, он торопливо вышел из комнаты. Она услышала его легкие шаги по лестнице.

Ален села на кровать и огляделась по сторонам. Комната оказалась очень простой и чистой. Кроме узкой кровати, в ней был комод, письменный стол, два удобных с виду стула и ночной столик. Вот и вся мебель.

Девушка встала и отправилась в ванную комнату выпить воды. На самой верхней полке шкафчика с полотенцами и бельем стояла почти полная бутылка. Она открыла пробку и понюхала.

В бутылке оказалось виски. Неожиданно Ален почувствовала, что больше не может обманывать себя. Сначала ее захлестнули унижение и ярость, потом она чуть-чуть успокоилась и стала задавать себе вопросы. Рей вел себя очень странно, она ни разу его не видела в таком возбужденном состоянии. Что-то случилось. Причем произошло что-то очень важное! Она захватила бутылку и вернулась в комнату.

Подошла к окну и слегка раздвинула шторы. Прижалась лицом к стеклу и увидела парковочную стоянку.

Двое мужчин медленно выталкивали со двора большой «кадиллак» Артура. Как Ален ни вглядывалась, она так и не узнала их в темноте. Серый «кадиллак» бесшумно катился по белому снегу, похожий на привидение.

Через минуту машина скрылась за углом, но Ален не отходила от окна. Прошло еще несколько минут, и мужчины вернулись. Еще через полминуты с лестницы доносились тихие шаги, и в комнату вошел слегка запыхавшийся и раскрасневшийся Коул. Его лоб блестел от пота.

Он увидел Ален, бутылку виски и пожал плечами.

— Совсем забыл о ней.

— Кто взял машину Артура?

— С какой стати мне его защищать? — пробурчал парень, пожимая плечами. — Мистер Артур взял машину. Он опять навеселе и...

— И? — решила помочь ему Ален, когда он заколебался и замолчал.

Не дождавшись ответа, девушка внимательно посмотрела на собеседника, как на человека, которого увидела в первый раз. Вот цирк, удивленно подумала она! Она столько времени гонялась за Реем Коулом и, наконец, загнала его в угол. Все просто. Сейчас он у нее в руках, и ему не выкрутиться. Рей не хотел, чтобы она ходила в библиотеку, и поэтому привел к себе. Он даже готов переспать с ней, лишь бы она не задавала ненужных вопросов. Конечно, это было не очень-то лестно для нее как для женщины...

В ней проснулась гордость. Раз он пытается только отвлечь ее внимание от библиотеки, то он ей не нужен. Неожиданно Ален совсем расхотела его.

— И?.. — повторила она.

— Мистер Артур попросил вытолкать его со двора, чтобы никого не разбудить, — неохотно объяснил Коул. — Мы с Бойлем и вытолкали его машину.

Ален прекрасно знала «кадиллак» Артура. Мотор работал так тихо, что его никто бы не услышал. Она встала и направилась к двери.

— Спасибо за коктейль.

Рей Коул вскочил и преградил ей дорогу.

— Еще рано, — сказал он и схватил ее за руку.

— Вас взяли на место шофера, Коул, — высокомерно проговорила Ален, — и только шофера. Не забываете об этом, пожалуйста.

Эти слова произвели на Рея эффект, сравнимый разве что с ударом кнута по лицу. Он попятился назад и открыл дверь. Когда Ален выходила из комнаты, он смотрел в сторону, но, идя по коридору, она знала, что он смотрит ей вслед.

Ален Питман внезапно замолчала. Норден тоже какое-то время молчал.

— Так вот, значит, в чем дело! — наконец, задумчиво произнес он.

Девушка устало кивнула.

— И после этого вы пошли к себе?

— Нет, — слабо улыбнулась она. — Я увидела вас с Линдой, быстро спустилась и спряталась. А когда вы пошли наверх, попробовала войти в библиотеку, но дверь оказалась заперта. Тогда я потихоньку поднялась за вами и увидела, как вы вошли в ее комнату. После этого я пошла к себе и попыталась во всем разобраться. Все казалось предельно ясным, и только Рей не очень вписывался в картину.

— Вы подумали, что мы с Линдой...

— Да.

— Продолжайте, — усмехнулся Норден.

— Услышав ваши шаги, я вышла в коридор. Я надеялась, что вы все объясните.

Только сейчас Норден поставил пустую чашку, которую вертел в руках во время ее рассказа.

— Сейчас вы знаете, что произошло, — сказал он.

Девушка опять задрожала.

— Конечно, у меня есть кое-какие догадки. Линда убила Артура и попросила своих приятелей убрать из гаража его машину.

Берт Норден рассеянно смотрел вперед и, казалось, не слушал ее.

— Провалиться мне на этом месте, — неожиданно пробурчал он, — если я знаю, почему они оставили его в библиотеке, пока вытаскивали машину. — Он посмотрел на Ален и задумчиво сказал: — Они перенесли труп позже. Но почему позже, а не сразу?

— Может, потому что Артур был еще жив? — спокойно высказала предположение девушка.

Что-то не сходится, решил Норден, запирая дверь. Он стоял в коридоре и задумчиво вертел ключ в пальцах. Мисс Питман рассказала немало, но многое оставалось еще непонятным.

Сунув ключ в карман, направился к своей комнате и неожиданно остановился, заметив краем глаза мимолетное движение.

Берт Норден повернул голову и посмотрел в самый конец тускло освещенного коридора. Он знал, что там находятся комнаты старших Питманов. Кора Питман стояла у лестницы, опираясь на перила. Другой рукой она придерживала халат, плотно облегающий ее крупную фигуру.

— И сколько времени вы простояли здесь? — грубо спросил детектив и двинулся к ней.

— Несколько минут, — ответила миссис Питман. Обычно она говорила энергичным властным голосом, но сейчас он был тусклым и бесцветным. — Меня не волнуют отношения между вами, мистер Норден, и моей дочерью.

Берт Норден не сумел скрыть своего удивления.

— Вы опять все неправильно поняли, миссис Питман.

Она отняла руку от перил и рассеянно потерла лицо.

— Нет, я сказала, что это не имеет значения. Ален не беспокоит меня в... этом смысле, по крайней мере.

И тут на Нордена нахлынула волна злости, которая захлестнула все сочувствие. Жалость куда-то испарилась, и он сердито посмотрел на нее.

— Ален — ваша дочь. — Он замолчал и через несколько секунд многозначительно добавил: — Так же, как Артур был вашим сыном.

Миссис Питман отошла от лестницы и превратилась в прежнюю Кору Питман. Она повелительно подняла голову и произнесла загадочные слова:

— Да, Артур был моим сыном, но я не намерена считать Ален своей дочерью. — На ее щеках появились красные пятна, глаза дико заблестели. — Убийца! — вскрикнула она.

— Ален? — уточнил Берт, стараясь говорить спокойно.

— Она страшно жадная, — прошипела Кора. — Она хотела получить его долю.

Берт смотрел на ее белое лицо. Ненависть к Ален превратила его в отвратительную маску. Все эти часы она мужественно держалась, как ему казалось, с помощью гордости, но сейчас он видел, что вся выдержка — просто притворство. Единственный сильный удар в нужное место, и она потеряла над собой контроль.

— Для этого вы и наняли меня? — осторожно осведомился детектив. — Чтобы приглядывать за Ален?

Берт очень удивился, когда увидел, что миссис Питман быстро взяла себя в руки.

— Вас нанял мой отец, — спокойно ответила она.

— Но только после того, как меня ему кто-то порекомендовал, разве не так?

Кора медленно покачала головой из стороны в сторону.

— Я вас не рекомендовала. Откуда мне вас знать?

— Я — детектив, — сообщил Берт Норден. — Частный детектив.

— Отец взял вас для того, чтобы вы... — Пальцы, сжимающие полы халата, побелели. Голос стал совсем тихим, но тут же резко взлетел вверх. — ... Чтобы вы следили за нами?

— Мистер Декер взял меня секретарем. Но кто-то другой нанял меня, чтобы следить за ним. И мне кажется, что это вы.

— Я тут ни при чем! — грубо возразила она. — Нет... Ален. Это должна быть...

— Ошибаетесь, — прервал ее Норден, уставший от всех этих эмоций. Уставший от Кору Питман, от громадного дома, от ненависти, кипящей и булькающей, как колдовское зелье в котле.

Неожиданно она схватила его за руку и крепко сжала.

— Если вы частный детектив, докажите, что Ален убила моего сына. Сколько вы хотите за это? Докажите, что она убила моего Артура! Я заплачу, сколько вы назовете.

Норден устало спросил, даже не пытаясь скрыть презрение:

— А что, если я докажу, что это был кто-то другой?

Кора пропустила презрение, прозвучавшее в его словах, мимо ушей, а может, ей было наплевать, как он к ней относится.

— Я, конечно, хочу знать имя убийцы. Конечно! Но я уверена, что это Ален.

— Пять тысяч долларов, — ответил Берт Норден, надеясь, что сумма отрезвит ее, и она его отпустит.

Миссис Питман действительно отпустила его руку и отступила на шаг. Она опять стала высокой и повелительной женщиной, к которой он уже успел привыкнуть за короткое время их знакомства.

— Я выпишу вам чек.

Норден стоял и глупо смотрел, как миссис Питман быстро идет по коридору к себе в комнату. Она вошла и закрыла за собой дверь.

Через несколько минут Кора вернулась с чеком. Ее лицо оставалось белым, как бумага, и только на щеках горели ярко-красные пятна. Она торопливо подошла к детективу и сунула чек ему в руки.

Норден внимательно посмотрел на чек, но не заметил ничего подозрительного. С ним, кажется, все было в порядке. Он мог получить по нему пять тысяч долларов в одном из сизтлских банков. На чеке стояла подпись: Кора Д. Питман.

Голос миссис Питман заставил его очнуться, и он изумленно посмотрел на нее. Каждое слово она произносила свистящим шепотом, и Берт с трудом слышал ее.

— Если вы докажете, что это была Ален, мистер Норден, я заплачу вам еще пять тысяч долларов.

Берт заглянул ей в глаза, и ему сильно захотелось убраться отсюда подобру-поздорову. И чем быстрее, тем лучше.

8

Норден сидел у себя в комнате и с грустью смотрел, как быстро понижается уровень рома в бутылке. Сейчас ссадины и синяки заговорили во весь голос. Он сделал очередной большой глоток, надеясь хоть как-то заглушить боль.

Посмотрев на часы, Берт удивленно покачал головой. Совсем недавно начался новый день, а ему казалось, что прошла целая вечность с той минуты, как Ален Питман выскочила из бассейна и над водой разнесся ее дикий крик.

Берт подумал о чеке на пять тысяч долларов, который сейчас лежал у него в бумажнике. Кругленькая сумма, ничего не скажешь! И еще пять тысяч, если он согласится сделать из Ален убийцу.

Материнская любовь тоже бывает разной!

Но с какой стороны ни смотри, в это дело замешана Линда Питман. Линда, конечно, кое-что рассказала, но Берт не сомневался, что далеко не все. И еще Нордену не нравились ее друзья.

Он нахмурился, поставил стакан на стол вверх дном и вышел в коридор. Повернул направо и остановился у двери комнаты Артура Питмана. Ручка легко повернулась, и он вошел в комнату. Пошарив по стене, нащупал выключатель и включил свет.

Комната Артура оказалась такой же, как все остальные спальни в доме. Поэтому Берт без особого труда ориентировался в ней. В шкафу висели несколько костюмов одного размера и фасона. Детектив внимательно проверил все карманы, но не нашел ничего интересного. Ванная комната и комод также не открыли ему ничего, заслуживающего внимания. Ничего не нашел он и в секретере.

Наконец, Норден остановился у двери, соединяющей комнаты Артура и Линды, и, на всякий случай, потрогал ручку. Как и следовало ожидать, дверь оказалась заперта. Он отошел на пару шагов и посмотрел вниз. В самом низу светло-кремового дверного полотна виднелось темно-красное пятно, которое явно пытались смыть.

— Так, так, так, — пробормотал Норден и опустил на колено.

На полу лежал ковер с густым ворсом. Несмотря на темно-серый цвет и то, что пятна наверняка пытались соскрести, какие-то следы должны остаться. Ничего не

найдя, Берт снова принялся задумчиво разглядывать пятно на двери. Дверь открылась в комнату Линды. Он точно помнил, что у нее на полу лежит такой же густой ковер, как этот.

Значит, кровь попала на низ двери в комнате Линды Питман.

Норден встал. Если это была кровь Артура, он мог представить, что здесь произошло прошлой ночью. Дверь открыта. Артур с ножом в спине лежит на пороге. Из раны, конечно, не могла не течь кровь, и пятна ее сейчас наверняка въелись в ковер в соседней комнате. Низ двери слегка касался ковра, и с него кровь попала на полотно.

Если он прав, то Линда замешана в убийстве мужа.

Норден вышел из комнаты и, спустившись на первый этаж, отправился по коридору в оранжерею. Выключатель находился у самой двери. Не прячась, Берт нащупал выключатель и замер. Кнопка находилась в верхнем положении.

Он открыл дверь и вышел на террасу бассейна, где горел яркий свет. Менее чем в десяти футах от двери в кресле-каталке сидел Джонатан Декер и с удовольствием попыхивал сигарой.

В дальнем углу, где еще вечером лежало накрытое брезентом тело Артура, сейчас было пусто.

Декер медленно повернул голову, и его тонкие губы, сжимающие сигару, сложились в холодную улыбку.

Норден подошел к нему и спросил напрямик:

— Где тело?

Густые брови мистера Декера взлетели вверх.

— Я привык отдыхать у бассейна, а оно мне мешает расслабиться.

— Полиция плевать хотела на то, что вам мешает расслабиться, а что не мешает.

— Но ведь вы и есть полиция, — раздраженно произнес миллионер.

— Только на день-два, не больше.

— Мне этого вполне достаточно.

— Так где все же тело? — повторил детектив.

Декер спокойно затаился, выпустил дым к потолку и только после этого ответил:

— В морозильнике для хранения продуктов. — Он замолчал, и по его лицу пробежала улыбка. — Естественно, тело Артура находится отдельно от продуктов.

— Могу я его увидеть? — спокойно спросил Берт.

— Конечно. А позвольте поинтересоваться, зачем вам нужно смотреть на труп?

— Я хочу выяснить, где был убит ваш внук — в своей собственной комнате или в комнате... Линды.

— Вы ничего не путаете? — недоверчиво уточнил миллионер.

Норден рассказал, что обнаружил в комнате Артура.

— А вы очень наблюдательный человек, Норден.

— Спасибо, — сухо поблагодарил Берт. — Если не возражаете, я пойду в морозильник.

— Чуть позже, — покачал головой Джонатан Декер. — Я хотел поговорить с вами. Мне кажется, что приближается подходящий момент для нашего... скажем так, эксперимента.

Норден нашел стул и сел.

— Когда вы хотите... провести его?

Ловким тренированным движением старик развернул кресло и сейчас сидел лицом к лицу с Норденом.

— Когда ни у кого из них не будет алиби, — ответил он со своим скрипучим смехом. Потом нагнулся и пристально посмотрел на собеседника: — С вами что-то случилось?

— Меня избили, — кратко ответил Норден, не желая вдаваться в подробности. — Линда привела меня в чувство.

— Из Линды вышла бы прекрасная сиделка. — Декер откинулся на спинку кресла и с улыбкой положил голову на подголовник. — Сейчас она стала вдовой. Почему бы вам не жениться на ней?

— По-моему, миссис Питман имеет на этот счет свое собственное мнение, — пожал плечами Норден.

— Линда делает то, что я ей скажу. По-моему, это прекрасная идея. — Миллионер опять кивнул, будто отвечая на свой вопрос. — Я могу это устроить... завтра же.

— Завтра — слишком быстро. Не забывайте, что существуют законы.

— Но существуют и способы, с помощью которых можно эти законы обходить, — невозмутимо парировал Джонатан Декер.

Это переходило уже всякие границы.

— К тому же мы не можем выйти из дома, — напомнил Берт.

— Ну, это не проблема.

— Так я и думал. У меня есть еще одно возражение. Дело в том, что я не хочу жениться на Линде.

— А это совсем несерьезное возражение, — отмахнулся старик.

Лишь теперь Берт Норден стал ощущать прочность паутины, которую сплел вокруг него Джонатан Декер. Декер вел свою игру, как опытный шахматист. Поначалу Берт не понимал его ходов, и только теперь ему все стало ясно.

— Интересно, зачем вам понадобилось выдавать за меня Линду? — обратился к нему Норден. — Наверное, вы рассчитываете, что я как муж не смогу свидетельствовать против жены. Я прав?

— Частично, — не стал ловчить Джонатан Декер и нагнулся к собеседнику. — После моей смерти Линда получит много денег. Я не хочу, чтобы деньги получили они. — Он задышал быстрее и слегка захрипел. — Я хочу, чтобы деньги достались Линде. А вы будете рядом, чтобы защитить ее от моих родных.

— Давайте лучше поговорим об эксперименте, — перебил старика Берт.

— Как хотите, — вежливо согласился Декер.

— Как вы намерены провести его?

— С помощью огнестрельного оружия. Кровь, свидетели... Вам останется только внимательно наблюдать за ними и искать виновного.

— Виновного?

— Человека, который хочет убить меня сильнее остальных, — объяснил Декер. — Это будет кто-то один.

— Такой номер не пройдет. Слишком уж все по-детски, да и просто глупо.

— Это не глупости, Норден, — строго заявил старый миллионер. — Мы договорились, что поиски моего потенциального убийцы входят в ваши обязанности. Отправляйтесь-ка сейчас лучше спать и хорошенько обдумайте то, что я вам сказал. Вспомните наш вчерашний договор и обязанности, которые вы приняли на себя. К завтрашнему вечеру я буду ждать от вас ответа... решения.

— И если у меня не будет решения? Если я все же выберу полицию?

— Тогда, — равнодушно пожал плечами Джонатан Декер, — даже положение будущего мужа Линды не поможет вам.

Норден вошел в морозильник, слегка задрожал от холода и внимательно огляделся по сторонам. Он попал не в сам морозильник, а в первую комнату, что-то типа предбанника. За толстой теплоизолированной дверью находился сам морозильник с продуктами. В нем температура должна быть около нуля.

Небольшую часть комнаты отделял брезент, висящий на веревке, как штора. Берт знал, что за ним лежит труп Артура Питмана. Он поднял край брезента и нырнул под него.

Артур лежал на деревянном помосте, едва возвышающемся над полом. Он лежал в тени, но все равно зрелище было не из приятных. Для того, чтобы лучше разглядеть тело, Норден отодвинул брезент. Когда свет упал на Артура, детектив понял, что Питман не один.

У самого потолка на блоке висел крюк, на который вешали мясные туши. Только сейчас на крюке не висело мясо. Крюк торчал из затылка человека. Тело слегка раскачивалось в воздухе в нескольких футах от пола и было похоже на замороженную тушу какого-то огромного животного. Это был Грирсон.

Норден никогда еще не чувствовал такой ярости. Он задрожал и был вынужден прислониться к стене. Несмотря на то, что в комнате было прохладно и влажно, его лицо пылало. Он опустился на колени около тела Артура и перевернул его.

Осмотр был кратким, но очень внимательным. Берт быстро нашел то, что искал. Прежде чем воткнуть в спину Артура нож, сначала его сильно ударили по голове. Чуть выше линии волос Берт обнаружил глубокий порез, несомненно, след от удара каким-то предметом. У Артура были длинные и хорошо вымытые волосы, так что порез можно было и не заметить, если специально не искать.

Норден выпрямился, глубоко вздохнул и опустил тело Грирсона на пол, не снимая его с крюка. Закругленную часть крюка, несомненно, чем-то забили. Какое-то время Берт оглядывался по сторонам, пока не нашел то, что искал. В нескольких футах от него лежал стальной молоток, которым крюк наверняка и загнали в затылок «мастеру на все руки». Норден закрыл глаза и увидел картину, от которой кровь стыла в жилах: кто-то находит молоток, забивает им крюк в затылок Грирсону и поднимает труп, убедившись, что конец крюка вошел глубоко и тело не сорвется.

Такую операцию мог без особого труда проделать любой человек, но только при одном условии: Грирсон должен был находиться без сознания. Абсолютно такая же картина была и с убийством Артура Питмана: внука Джонатана Декера тоже мог убить кто угодно. Особой силы для того, чтобы вбить нож или железный крюк в человеческое тело, не требовалось. Точно так же легко можно было поднять Грирсона. Всю тяжелую работу сделал блок. От убийцы требовалось только потянуть цепь, которая была продета в блок.

После внимательного осмотра Норден нашел на голове Грирсона, за правым ухом, большую шишку. Он оглянулся на молоток и подумал, что с помощью микроскопа на нем наверняка можно будет найти кровь и волосы.

Не теряя ни минуты, Берт сунул руку в карман Грирсона. Все, кроме визитной карточки из бумажника, положил обратно. Карточку же с минуту внимательно изучал.

— Так, так, так... — наконец, произнес Норден и вышел из морозильника.

Через несколько минут он остановился перед дверью Линды Питман и постучал в дверь.

Когда Линда открыла дверь, Норден поклонился.

— Я мог бы ударить вас этой бутылкой, — признался детектив. — Потом привязал бы к стулу и стал прижигать на теле сигареты. — Он снова поклонился. — Только меня воспитали джентльменом, черт побери, и я не могу делать такие вещи с женщиной. Но вы, надеюсь, все равно ответите на мои вопросы.

— Пожалуйста, уходите.

Норден сделал шаг вперед. Девушка запоздало подняла руку, он поднырнул под нее и ввалился в комнату с широкой улыбкой и довольный своей ловкостью и сообразительностью. За спиной закрылась дверь, по ковру послышались приглу-

шенные шаги. Когда Норден повернулся, то увидел в руке девушки револьвер, кажется, 38 калибра.

— Это им вы ударили Артура? — поинтересовался он.

Линда Питман неподвижно стояла и неловко держала револьвер. Она растерянно посмотрела на револьвер, потом перевела взгляд на ночного гостя. Он увидел, как по лицу девушки пробежала тень испуга, как испуг коснулся ее глаз.

— Значит, вы все знаете, — медленно произнесла Линда. — Наверное, Рей рассказал... вы его заставили, да?

— Нет, я просто догадался, — покачал головой Берт и показал на дверь, соединяющую ее комнату с комнатой Артура Питмана. — Я — детектив, леди. Так что, мне положено обо всем догадываться. — Он улыбнулся. — Значит, я был прав?

Она опустила револьвер и положила его на секретер.

— Я не убивала Артура. Что вам еще нужно?

— Ответы на вопросы, — пожал плечами Норден. — Может, присядем?

Они сели. Линда Питман села на кровать, а он выбрал стул и подвинул его ближе к кровати, прежде чем сесть.

— Декер хочет, чтобы мы завтра поженились, — сообщил Берт.

— Он мне уже сказал.

— И вы согласны?

— Я в большом долгу перед ним, — пожала плечами девушка.

— Вы имеете в виду брак с Артуром?

Она дернула головой и решительно ответила:

— Нет, брак тут ни при чем!

— Почему вы вышли замуж за Артура?

— Это вас не касается!

— Потому что уже тогда были в долгу перед Декером? Интересно, что это за долг такой?

— Вы — невоспитанный мужчина, — обиженно проговорила Линда. — Мои личные дела...

— У вас нет личных дел, миссис Питман, — резко прервал ее Берт. — Когда происходит убийство, все личные дела становятся общественными. Это то же самое, что долг, который заставил вас согласиться... выйти за меня замуж.

— Простите, — извинилась Линда.

Норден встал.

— Вы знаете, что Грирсон мертв?

Линда Питман вскочила на ноги и хрипло задышала. Несомненно, она не на шутку перепугалась.

— В этом не было необходимости! — пробормотала девушка.

— Возможно, но от правды никуда не деться.

Норден подробно описал смерть Грирсона. Линда опустилась на кровать и молча смотрела на него. Лицо ее было белым, как мел.

— Извините, — наконец, нарушила она молчание. — Мне нечего вам сказать.

— Вы не можете даже рассказать то, что Грирсон был частным детективом? — Берт помахал визиткой, которую взял из бумажника Грирсона.

— Я не знала, что он — частный детектив, — покачала головой Линда.

Норден прекрасно понимал, что она врет, но не мог ее сейчас уличить. Он аккуратно спрятал карточку в карман, поклонился и повернулся к двери. Выходя в коридор, он оглянулся. Линда продолжала неподвижно сидеть на кровати.

Дойдя до двери комнаты Дэвида Питмана, Норден остановился, поднял руку, чтобы постучать, но неожиданно передумал и решительно взялся за ручку.

Ручка легко повернулась, и дверь открылась. Питман сидел за секретером и что-то писал. Услышав скрип двери, он резко оглянулся и попытался спрятать бумаги.

Вид у Дэвида был слегка испуганный, но никаких признаков гнева Норден не заметил.

— Заработались допоздна? — вежливо поинтересовался он.

— Я... да. Не могу уснуть... — Питман встал, и все его движения говорили о том, что он хочет отвлечь внимание Нордена от секретера. — Может, присядете?

— Вы всегда ведете себя так вежливо, когда непрошенные гости врываются к вам в столь поздний час?

— Это очень странный дом, — пожал плечами Дэвид Питман, и на его лице стала проступать тревога. Он стоял в пижаме и халате и дергал пальцами лацканки.

Детектив с вызывающим видом двинулся к секретеру.

Питман сделал короткое движение, словно хотел загородить дорогу, но тут же остановился.

— Так плохо, что даже не стоит смотреть, — мрачно признался он.

— Что плохо? — не понял Норден, подходя к секретеру.

— Моя пьеса, — пожал плечами Дэвид Питман. — Застрял на втором акте и никак не могу сдвинуться с места.

Норден подозрительно глянул на него, потом взял стопку листов и бегло просмотрел несколько. Убедившись, что Питман сказал правду, он почувствовал себя дураком. Дэвид Питман действительно писал пьесу.

— О Боже! — тяжело вздохнул Берт и покачал головой. — Вы пишете пьесу? Но для чего?

— Надеюсь когда-нибудь поставить, — объяснил слегка покрасневший от смущения Питман, который сейчас был сильно похож на пойманного в огороде кролика.

Норден решил не щадить чувств собеседника и спросил напрямик:

— Но ведь постановка пьесы стоит немалых денег, да?

— Да, — кивнул Питман.

— Сейчас у вас денег нет, — хитро заметил Берт, — но вы надеетесь когда-нибудь разбогатеть?

— Надеюсь, после смерти мистера Декера, — откровенно признался Дэвид Питман.

— Вам известно, что у вашей жены есть пять тысяч долларов?

— У нее есть кое-какие деньги. Мистер Декер время от времени делает ей дорогие подарки. Кора продает их и откладывает деньги. Она собирала их для Артура.

— Она и сейчас хочет использовать их для Артура, — сообщил Норден. — Ваша жена дала мне пять тысяч долларов и попросила найти убийцу.

— Значит, вы детектив? Я слышал...

— Да, — кивнул Берт и добавил после короткого молчания: — И она предложила мне еще пять тысяч, если я сумею доказать, что Артура убила Ален.

Питман вскочил со стула и громко воскликнул:

— Нет! Это — неправда! Ален не убийца... она не убивала... — Он сел так же внезапно, как и вскочил. Его храбрость быстро исчезла, и лицо жалобно сморщилось. Казалось, он вот-вот расплачется.

— Миссис Питман ненавидит Ален, — сообщил Берт Норден. — По-вашему, это естественное чувство для матери?

— Кора не мать Ален, — сказал Питман, нервно грызя все пальцы по очереди. — Этого никто не знает, мистер Норден. Я бы никогда не рассказал вам, если бы... я знаю, что Ален не убивала Артура. Я хочу, чтобы вы поняли это.

— Я вас слушаю, — кивнул Норден.

— В молодости Кора не выдержала диктаторских замашек отца и убежала из дома, — начал свой рассказ Дэвид Питман, пытаясь говорить бесстрастным голосом. — Она хотела стать актрисой, а он хотел выдать ее замуж. Кора устроилась в театр, там мы с ней и познакомились. — БERTУ показалось, что в голосе Питмана промелькнула слабая насмешка. — Она подумала, что перед ней открывается карьера актрисы и вышла за меня замуж. Я не любил Кору, мистер Норден. После рождения Артура она обратила свое фантастическое честолюбие на него, и я возненавидел ее. Но к тому времени я потратил все деньги, которые мне оставил отец. Понимаете, я попытался стать театральным продюсером и... прогорел. Тогда-то я и встретил спокойную и понимающую девушку. Она... — Питман поднял и тут же опустил плечую руку. — Если в двух словах, то она умерла при родах Ален. Я взял девочку домой.

— О Господи! — изумленно пробормотал Норден, думая о Коре Питман.

— Кора согласилась принять Ален, — продолжал Дэвид Питман. — Наверное, для того, чтобы еще крепче подчинить меня. Артуру тогда было почти пять лет. И Кора решила вернуться к отцу. Она хотела, чтобы Артур пользовался всеми благами, которые могут дать большие деньги.

— Мистер Декер знает об Ален?

— Кора обещала никому ничего не рассказывать. Никто не знает, что Ален не ее дочь.

— И даже сама Ален?

— Ален я рассказал сегодня... — тихо признался Питман. — После того, как она нашла труп Артура. — Он поднял голову. — Знаете, она сказала, что рада. Ее тревожила ненависть, которую она испытывает к Коре. Ведь она считала ее своей матерью.

— Понятно. Сейчас Ален может ненавидеть вашу жену сколько хочет и при этом не чувствовать никаких угрызений совести, — без тени иронии проговорил Берт Норден, вставая. — Но Артур — ваш сын?

— Да.

— И вы ненавидели его так же, как Ален ненавидела свою... миссис Питман.

— Нет, — не согласился Питман. — Я ненавидел не Артура. Я ненавидел... и продолжаю ненавидеть свою жену, мистер Норден. В Артуре я вижу ее.

— Вы понимаете, что сообщаете мне мотив для убийства, мистер Питман?

Дэвид кивнул со слабой улыбкой.

— Кажется, понимаю. Поскольку Ален угрожает опасности, я готов рассказать вам еще кое-что. Вчера Артур сообщил мне, что знает об Ален. У него хватило наглости предложить мне сделать, что я хочу. — Из голоса Питмана исчез весь гнев, и он стал таким же тусклым и пустым, как раньше. — Наверное, ему рассказала Кора.

— Зачем миссис Питман рассказывать сыну о том, что Ален ему не родная сестра?

— Может, затем, чтобы подобным косвенным образом передать эту информацию вам. Кора думала, что вы шпионите за ней по приказу ее отца... Если бы это было так, то вы бы обязательно передали информацию об Ален мистеру Декеру.

— Чтобы он лишил внучку наследства?

— Да, Кора даже думать не могла, что Ален получит деньги, — кивнул Питман.

Бедный перепуганный кролик, подумал Берт Норден. Если бы Питман был хоть немного мужчиной, то давно бы взял Ален и уехал отсюда. Но он двадцать пять лет терпел жену, тестя и сына. Сколько же терпения и сил у этого человека? И еще Берт не мог не удивиться очевидности мотива, который дал ему Питман.

— Ален думает, что это вы убили Артура? — вставая, поинтересовался детектив.

Если он рассчитывал, что Дэвид Питман свалится со стула, то его ждало жестокое разочарование. Отец Ален поднял голову и спокойно улыбнулся.

— Возможно, думала... но сейчас, по-моему, она так не думает.

— Она чем-то напугана, — сообщил Норден.

— Знаю, но не знаю, как ей помочь.

— Поспите немного, — сочувственно посоветовал ему Берт и направился к двери.

— Одну минуту! — хриплым голосом остановил его Дэвид Питман. — Вы — очень опытный детектив, мистер Норден. Это очевидно. В противном случае, вас бы просто не наняли.

— Вы меня наняли? — быстро спросил Берт.

Дэвид Питман покачал головой и ответил вопросом на вопрос:

— А разве вас нанял не мистер Декер?

— Декер утверждает, что не нанял меня.

Питман махнул рукой, словно не хотел тратить время на всякую ерунду.

— Сколько возьмете, чтобы доказать, что мистер Декер виноват в убийстве Артура?

Берт Норден внимательно посмотрел в глаза этого спокойного и робкого человека и неожиданно задрожал.

— Это будет очень трудно доказать, — покачал он головой. — Мистер Декер не может ходить.

Питман встал, сделал несколько быстрых шагов и остановился перед частным детективом.

— У него был удар, но мы это знаем с его собственных слов. Никто из нас этого не видел. Просто Бойль как-то осенью сообщил нам, что хозяин сильно заболел. В следующий раз мы увидели мистера Декера уже в кресле-каталке. Он всегда был сильным человеком. Сильным и мстительным. Откуда мы знаем, что он действительно калека? И если он все-таки не может ходить, это не помешает ему нанять каких-нибудь головорезов, так ведь? У него есть Коул... у него есть Бойль.

— У него был Грирсон, — кивнул Норден. — Вот только сегодня ночью его убили.

— О Господи! — прошептал Питман.

— Грирсон был частным детективом, — сообщил Берт.

Лицо Питмана блестело от пота.

— Неужели вы не понимаете? Предположим, Грирсон раскусил Декера и этим подписал себе смертный приговор. — Он бросился к Нордену, ковыляя в спешке, и схватил пухлыми руками руку детектива. — Так оно и есть! Смерть Грирсона является доказательством, что он что-то узнал. Выясните, что узнал Грирсон. Точно! Докажите, что убийца — Декер, и я заплачу вам...

— Чем?

— После его смерти мы будем богатыми, — объяснил Дэвид Питман.

— О Господи! — воскликнул ошеломленный Берт Норден.

Дэвид Питман улыбнулся. Несмотря на очевидный отказ детектива, он, казалось, был доволен собой и жизнью.

— Грирсон что-то пронюхал. Наверняка, он что-то раскопал. Все они служат Декеру не потому, что любят старика. Он их заставляет служить себе. Только я не знаю, что же выяснил Грирсон. Конечно, я слышал... видел странные вещи. Они боятся Декера. Но я не знаю, почему.

Питман действительно ничего не знает, мысленно согласился Норден.

— Линда тоже боится мистера Декера? Поэтому она и выполняет все его требования? Может, что-то связано с Коулом?

— Он... возможно. Я не знаю. — Питман посмотрел на Берта и вытер с лица пот. — Вы... докажете это?

— Я найду настоящего убийцу, — спокойно ответил Норден, — если, конечно, смогу. — Он подумал о Грисконе. — И если успею.

— Если мы все успеем, — поправил его Дэвид Питман. — Нам всем угрожает опасность.

— Да, всем, — согласился Норден.

— Хоть это вы понимаете? — взмолился Питман. — Понимаете, да?

Норден уже стоял у двери.

— Понимаю, — мрачно кивнул он, вышел из комнаты и закрыл за собой дверь.

9

Берт Норден пошел в задний коридор. Он поднялся на второй этаж, где жили слуги, и остановился на верхней ступеньке перевести дух. Отдышавшись, бросился вперед и громко постучал в дверь Рея Коула. Послышался скрип кровати, затем щелкнул выключатель, и дверь открылась. На пороге стоял сонный Коул и растерянно смотрел на непрошеного гостя.

Не произнеся ни слова, Норден размахнулся и изо всей силы ударил шофера по голове. Колени Рея Коула подогнулись, и он рухнул на Нордена. Тот толкнул его свободной рукой в лицо. Шофер влетел обратно в комнату и с глухим стуком упал на пол. Раз пошевелился и затих.

Берт услышал скрип двери. Он посмотрел налево и увидел длинное костлявое лицо дворецкого, застывшее от удивления. На голове Бойля криво сидел ночной колпак. По лицу было не понятно, разбудил ли дворецкого шум падения Коула, или он не спал. Удивление быстро прошло, и Норден заметил в глазах дворецкого угрозу.

Детектив понимал, что должен торопиться. Последний час ему не давала покоя мысль о том, что нужно спешить. Бойль угрожающе двинулся на него, протянул длинные руки и попытался схватить Нордена. От резкого движения рукава куртки и штаны пижамы захлопали, как на пугале. Норден отпрыгнул назад, чтобы выманить Бойля подальше в коридор.

Дворецкий сделал два шага, остановился и бросился на противника. Норден поднял руку, сжатую в кулаке, и вздрогнул, когда кулак встретился с черепом Бойля. Удар отбросил дворецкого на стену. Вжав голову в плечи, он отлетел от нее, как мяч, и растянулся на полу.

Берт схватил Бойля за воротник пижамы и затащил в комнату Рея Коула. Потом закрыл дверь и внимательно оглядел добычу. Убедившись, что оба без сознания, детектив взялся за дело. Через пять минут напряженной работы он закончил и критически оглядел плоды своих трудов.

Бойль и Коул были крепко привязаны к стульям галстуками, поясом Коула и веревками. Удовлетворенно кивнув, Берт отправился в ванную комнату, набрал в стакан воды и вернулся. Выплеснул содержимое стакана в лицо Рею Коулу и пошел за вторым.

После того, как Норден вторично проделал ту же процедуру, Рей Коул стал показывать признаки жизни. Еще через пару минут он открыл глаза.

— Хорошо, квиты, — хриплым от ненависти голосом пробормотал шофер.

Норден уселся на край кровати и задумчиво уставился на Коула.

— Черта с два! Я только начал. Кто такой Грискон?

Коул плюнул прямо в лицо Нордена и закрыл глаза.

— Почему ты так защищаешь Линду?

Когда Коул плюнул второй раз, Берт встал и скрылся в ванной. Там не торопясь сунул голову под холодную воду и почувствовал себя немного лучше. В комнату он вернулся, вытираясь уже мокрым полотенцем.

— Не валяй дурака! — предупредил частный детектив. — Если ты думаешь, что я пришел сюда в игры играть, приятель, то глубоко заблуждаешься.

— Вонючий фараон!

— Конечно, — согласился Норден. — Вонючий фараон, он самый! Но кто меня нанял? Ты, случайно, не знаешь?

Коул с презрением посмотрел на него.

— Я тоже не знаю, — печально вздохнул Норден и покосился на полотенце. — Но я знаю, что в этом доме убили двух человек. — Коул поднял голову. — Артур, правда, никуда не годился. Может, и от Грирсона никому не было пользы... честно говоря, про Грирсона я не знаю. Но если бы он был моим дружкой, я бы для него хоть что-то сделал.

— Ты лжешь... — прохрипел Коул, замолчал, чтобы набрать воздуха, и начал громко проклинать Нордена.

Норден все спокойно выслушал и сказал:

— Хорошо. Грирсон сейчас — в морозильнике вместе с Артуром. Кто-то всадил ему в затылок крюк, на который подвешивают мясные туши, и оставил болтаться в паре футов над землей. Понимаешь, вбил в голову крюк и подвесил, как кусок паршивого мяса.

Рей Коул вновь начал ругаться, только на этот раз ругал не Нордена.

— Это сделали Бойль и Декер? — поинтересовался Берт.

— Убирайся отсюда! — бушевал Коул. — Убирайся! Я сам разберусь с этим делом. Грирсон был моим другом, и я найду его убийцу сам. Мне не нужна помощь какого-то вонючего фараона. Убирайся, я сказал!

Норден встал.

— Достаточно. Отвечай на мои вопросы, или, клянусь Богом, я сделаю из тебя отбивную! Болван, строит из себя героя! Думаешь, мне нравится эта работа? Думаешь, я пришел сюда играть с тобой? — Он взял мокрое полотенце, размахнулся и ударил Коула по лицу. — Сукин сын! В следующий раз получишь по глазам. Кто такой Грирсон?

Губы Рея Коула упрямо сжались в тонкую линию. Не дождавшись ответа, Норден вновь взмахнул полотенцем. Он плохо прицелился и вместо глаз попал по носу. Глаза шофера заблестели от слез. Берт поднял руку, собираясь нанести очередной удар.

— Частный детектив, — наконец неохотно пробурчал Коул.

— Это я и без тебя знаю. Кто его нанял?

— Бойль.

— Зачем?

— Откуда мне знать, черт побери? Спроси самого Бойля!

В этот раз полотенце угодило Коулу в глаз, и он жалобно всхлипнул сквозь крепко сжатые зубы.

— Зачем? — спокойно повторил Берт Норден.

— Чтобы помочь охранять старика. Кажется, Декер сам приказал ему нанять охранника.

— Какие отношения у вас с Линдой? — последовал следующий вопрос.

— Линда — моя троюродная сестра.

— Ого, — удивленно протянул Норден. — Кто-нибудь знает об этом?

— Нет... по-моему, никто не знает.

Берт опустил полотенце и с довольным видом вернулся к кровати. Он кое-чего добился.

— Ну, что же, давай поболтаем по душам, приятель, — предложил он. — Это ты унес Артура из комнаты после того, как он потерял сознание?

— Да, — кивнул Коул. — Вместе с Грирсоном.

— По чьему приказу?

— Линды. Линда не убивала его. Он ворвался к ней в комнату пьяный и начал приставать. Она сильно ударила его по голове, и он потерял сознание. Из раны потекла кровь. Линда перепугалась, что убила его, и позвала меня. Она вся тряслась от страха. Мы смыли кровь, привели его в порядок и отнесли в библиотеку. Вот и все.

— А история с машиной? Зачем вы выкатили ее со двора?

Коул судорожно сглотнул подступивший к горлу ком и покачал головой.

— Мы подумали, что у Артура проломлен череп. Боялись, что он скоро откинёт копыта, и решили создать видимость, будто он куда-то уехал ночью.

— И в этот момент в игру вступила Ален?

— Да.

— Но Артур не умер... По крайней мере, он умер не от удара Линды?

Коул энергично кивнул.

— Линда не убивала его! И мы тоже его пальцем не тронули! Никто из нас не втыкал ему в спину нож.

— Кого ты имеешь в виду?

— Себя, Грирсона и Линду.

— А что насчет Бойля?

— За него я ручаться не могу. Если это сделал Бойль, то сделал очень ловко. Большую часть времени Бойль провел с нами и был на виду.

— Значит, ты не знаешь, кто убил... кто мог убить Артура?

— Не знаю. Мы оставили мистера Артура в библиотеке и отвели Линду в ее комнату. Потом ты вышел в коридор, и нам пришлось спрятаться. — Рей Коул не сводил испуганного взгляда с полотенца. — Да поможет мне Бог, но больше я ничего не знаю.

— Как Артур очутился в бассейне?

— Не знаю. Я его туда не бросал.

— А Грирсон?

— Я Грирсону не нянька.

В этот момент рядом зашевелился Бойль. Норден встал, намочил полотенце и вытер лицо дворецкого.

Пока тот окончательно приходил в себя, Норден спросил:

— Коул, с кем тут, кроме тебя, Ален крутила любовь?

— Со мной она любовь не крутила. Может, ей и казалось, что она крутит любовь, но мне она была до лампочки.

— Я еще раз повторяю: с кем Ален крутила любовь?

— С Грирсоном, черт побери! — Шофер угрюмо покачал головой. — Не пачкай его грязью, бедняга мертв. Да, мисс Ален вешалась ему на шею. Он был мужиком... Сейчас Грирсон мертв. Так что забудь об этом. Не болтай о том, что у него был роман с этой потаскушкой! У парня остались жена и двое ребятишек. Не будь вонючим фараоном...

Берт Норден начал уважать Коула.

— Я и не собирался ни о чем говорить, — пожал он плечами. — Сам помалкивай, и никто ничего не узнает.

Бойль громко застонал и открыл глаза.

— Ты убил Грирсона? — поинтересовался Норден.

На костлявом лице Бойля краснели маленькие пятна. Ответил он невнятно, будто у него расшатались зубы.

— Нет... сэр.

— Но ты знал, что он мертв? — не повышая голоса, проговорил детектив.

— Нет... сэр.

— Это ты спрятал тело Артура в бассейн? — терпеливо задал следующий вопрос Норден.

— Нет, — в третий раз покачал головой Бойль. — Это случилось случайно.

Ну вот, раскрылась и эта тайна. Значит, Бойль, по приказу Джонатана Декера, попытался избавиться от трупа. Он должен был вынести его из дома и на какое-то время где-нибудь спрятать. Дворецкий нес Артура Питмана мимо бассейна, поскольку знулся и уронил в воду. Наверное, сначала он хотел достать труп, но потом решил, что проще оставить Артура в бассейне и зажать решеткой сточной трубы, чем вытаскивать наверх. К тому же, бассейн наверняка показался ему неплохим тайником.

— Ты помогал переносить тело Артура в морозильник?

— Какого черта! Нет!

— Сэр, — напомнил ему Норден.

Бойль пропустил напоминание детектива мимо ушей.

— Прекрасно, — кивнул Берт. — Вижу, вы, ребята, любите поболтать. — Он посмотрел на часы. Увидев, что уже половина третьего, удивленно покачал головой. — Как быстро бежит время! Не останавливайтесь, продолжайте говорить.

После этого допрос продолжился. Берт Норден задавал вопросы, а Бойль и Коул покорно отвечали. Они многое рассказали детективу. Не так много, как он хотел, но все же вполне достаточно. Наконец, он встал и с поклоном направился к двери.

— Когда будете развязывать друг друга, не торопитесь, — бросил на прощание Коулу и Бойлю Берт.

Норден подошел к комнате Ален, открыл дверь ключом и вошел внутрь. В темноте слышалось слегка хрипловое неровное дыхание девушки. Его пальцы нащупали выключатель, и он включил свет.

Норден подошел к ней и отбросил одеяло, потом грубо схватил за плечо в атласной красной пижаме и потряс. Ресницы девушки затрепетали. Глаза открылись и постепенно прояснились от сна. Она села, и пухлые губы раздвинулись в улыбке, которая, правда, тут же исчезла.

— В чем дело? — тревожно осведомилась мисс Питман.

— Мы уезжаем отсюда, — сообщил Норден.

Девушка потрясла головой, стараясь прогнать остатки сна.

— Я... мы? Но почему?

— Вы же просили защиты.

— Да. Я... — Девушка замолчала и, вспомнив, что произошло вчера у бассейна, задрожала. — О Боже, просила! — Она вскочила с кровати. — Но я ничего не понимаю...

— Вам и не нужно ничего понимать, — пожал плечами детектив. — У меня нет времени на объяснения. События развиваются с головокружительной скоростью. В этом доме уже совершено два убийства, и я не хочу, чтобы произошло и третье. Одевайтесь и спускайтесь в гараж. Прогрейте свой фургон, поедем на нем.

— Хорошо, — кивнула Ален и скрылась в ванной.

Норден вышел из комнаты и быстро миновал коридор. Он спустился вниз, прошел по коридору первого этажа и вновь поднялся к комнате Коула. Остановился под дверью и прислушался. Из комнаты доносились глухие звуки. Берт осторожно

приоткрыл дверь и вошел. Бойль и Коул до сих пор сидели на стульях со связанными руками и ногами. Только сейчас они соприкасались спинами и уже начали возиться с веревками друг друга.

— Я кое-что забыл, — сообщил Норден.

По лицу Рея Коула градом катился пот. Он остановился и громко выругался. Лысая голова Бойля тоже блестела от пота. В комнате воцарилось молчание.

— Мне нужен мой револьвер.

Коул выругался и буркнул:

— В шкафчике в ванной.

Норден вышел в ванную. Револьвер лежал на нижней полке шкафчика, с верхней он взял ножницы. Потом вернулся в комнату и перерезал веревки на руках и ногах шофера. Коул медленно встал и потер красные запястья.

Берт поднял револьвер и сообщил:

— Учти, если понадобится, я им воспользуюсь.

Рей Коул поднял голову и с вызовом посмотрел на детектива. Нервно переступая с ноги на ногу, он спросил:

— Что это значит?

— Это значит, что я хочу, чтобы ты завел снегоочиститель. Мне захотелось побыстрее уехать отсюда.

Берт думал, что парень откажется, но тот посмотрел на револьвер, потом на Бойля и сказал со смехом:

— И чем быстрее, тем лучше.

Норден вышел вслед за Коулом в коридор, оставив молчаливого Бойля привязанным к стулу. Они спустились по лестнице. Первым шел Коул, а Норден, на всякий случай, держался в паре шагов позади. Коул удивился, увидев в гараже свет, но когда заметил за рулем работающего фургона Ален, ничего не сказал. Он подошел к воротам и открыл одну створку.

— Только без фокусов, приятель, — предупредил Берт Норден.

— Без фокусов, — кивнул Коул и вернулся в гараж.

Парень взял что-то из ящика в рабочем верстаке и вышел из гаража. Норден последовал за ним. Коул подошел к снегоочистителю и нагнулся над мотором. Когда мотор взревел, детектив осторожно попятился назад.

Рей развернул тяжелую машину, взмахнул рукой и двинулся по подъездной дороге. Берт Норден сел в фургон, и они медленно поехали за снегоочистителем.

Преодолев три мили, выехали на чистое асфальтированное шоссе. Коул съехал на обочину, и Ален промчался мимо.

Словно стремясь наверстать упущенное время, Ален Питман жала на газ и почти не сбрасывала скорость на поворотах. Берт тревожно поглядывал на нее, но ее руки уверенно сжимали руль. Прошло еще немного времени, и снег перешел в дождь. Норден расслабился.

— В городе сейчас что-нибудь открыто? — спросил он.

— Только отель, — кратко ответила Ален.

— Сгодится, — кивнул Норден.

Прошло еще несколько минут, и они въехали в маленький спящий городок. Ален остановилась перед освещенным зданием гостиницы, выключила мотор и посмотрела на спутника.

— Вы повсюду таскаете его с собой?

Норден удивленно взглянул на револьвер, который продолжал сжимать в руке во время всей поездки, и с ухмылкой спрятал его в бардачок.

— У вас слишком длинный язык, — заметил он.

Холл в отеле оказался совсем маленький. Вдоль стен, у окон, стояли несколько чересчур мягких кресел. У одной стены за стойкой сидел портье. За другой стеной, стеклянной, виделось освещенное кафе. Какой-то тип, с виду водитель грузовика, сидел у стойки и пил кофе. Рядом с ним стояла белокурая официантка, на лице которой застыла скука, и что-то рассказывала.

Норден помог Ален забраться на табурет в дальнем конце стойки. Официантка направилась к ним неловкой походкой, будто у нее болели ноги. Норден заказал два кофе.

— Я до сих пор не знаю, что случилось, — напомнила ему Ален Питман.

Берт кивнул на официантку и водителя.

— А... — понимающе кивнула девушка и замолчала.

Официантка принесла кофе, подвинула кувшинчик со сливками и отошла. Через пару минут водитель грузовика встал с табурета и вышел в холл. Официантка уселась в противоположном конце стойки и принялась пить кофе, ковыряясь в зубах зубочисткой.

— Я уехал потому, что мне необходимо получить ответы на несколько вопросов, — туманно сообщил Берт Норден.

— Какие еще вопросы?

— Почему Линда вышла замуж за Артура? — спросил детектив, не сводя с собеседницы пристального взгляда.

— Потому что дедушка велел, — с легкой улыбкой ответила Ален.

— Но люди не совершают такие важные поступки только потому, что кто-то им велит это сделать.

— Может, кто-то и не совершает, а Линда вот совершила, — пожалла плечами Ален.

— А как к этому отнесся жених?

— Естественно, надулся, как сыч. Его мать не считала этот брак выгодным.

— В финансовом отношении?

— А в каком же еще? Считаете, такие люди могут думать о чем-то еще, кроме денег?

— Вижу, вы себя к ним не относите, — быстро проговорил Берт Норден.

— А вы меня к ним относите?

— Нет, — честно признался детектив. — И тем не менее кровные узы и все такое... — Он замолчал, надеясь услышать продолжение. Но Ален и не думала помогать. Не дождавшись помощи, он продолжил: — Конечно, если можно верить тому, что я слышал...

На этот раз Ален не заставила себя уговаривать.

— И что вы слышали? — быстро поинтересовалась она.

— Что Кора — не ваша мать. И что Артур вам — не родной брат.

— Это она вам рассказала? — Ален резко повернулась к нему с искаженным гневом лицом. Сейчас она была чем-то похожа на своего отца.

— Нет, — покачал головой Норден. — Мне сказал об этом ваш отец.

Ален тут же покинула ненависть. Пару минут она молчала, потом повернулась и неторопливо отхлебнула кофе. От Нордена не укрылось, что рука у нее слегка дрожит.

— Но почему? — изумленно спросила она.

— Потому, — равнодушным голосом объяснил детектив, — что я рассказал ему о предложении миссис Питман. Кора пообещала мне пять тысяч долларов, если я докажу, что это вы убили Артура Питмана.

Рука девушки дернулась. Чашечка резко наклонилась, и кофе пролился на блюдце. Ален испуганно уставилась на Берта Нордена и прохрипела:

— Так вот, значит, что вы имели в виду, когда говорили о защите! Вы боитесь, что она убьет меня! — Она слезла с табурета и направилась в холл.

Норден догнал ее у выхода.

— По-моему, немного отдыха вам не повредит. — Он взял ее за руку. — Нам придется здесь задержаться на некоторое время.

Девушка не сопротивлялась, когда он повел ее к стойке, за которой сидел мрачный портье.

— Леди нужна комната, — попросил Берт Норден.

Он зарегистрировал Ален, взял ключ и отвел ее наверх, в маленький чистый номер, располагающийся в передней части здания.

— Постарайтесь хотя бы немного поспать, — посоветовал детектив и пошел к двери.

— Я все еще боюсь, — остановила его Ален и подняла лицо для поцелуя.

Норден вздохнул и без особого пыла поцеловал ее. Потом вышел из комнаты и запер за собой дверь. Положив ключ в карман, спустился в холл.

Часы, висящие над стойкой, показывали начало шестого.

— Отсюда можно позвонить? — спросил он у портье.

Портье угрюмо кивнул на телефонную кабину рядом со стойкой.

Норден нагнулся и кое-как влез в будку. Снял трубку, назвал телефонистке номер и принялся ждать, когда его соединят. Через пару минут длинных гудков трубку, наконец, сняли, и сердитый мужской голос принялся жаловаться, что звонят в такую рань. Берт с трудом подавил смех и представился.

— Перестаньте жаловаться, — сказал он. — Вы хоть немного поспали, я же сегодня вообще еще не ложился... У нас неприятности.

Голос на другом конце провода сразу стал серьезным.

— Неприятности? Откуда ты звонишь?

— Да, неприятности, — подтвердил Норден. — Как я и думал, вы навешали мне лапшу на уши.

Упрек в тоне Нордена удивил босса.

— Что ты имеешь в виду? — осторожно спросил он.

— Ваши слова, что это очень легкая работа. Вы сказали, что мне нужно будет работать только секретарем и раз в неделю докладывать вам.

— Говорят, там у вас целый день валил снег. Наверное, поэтому у тебя плохое настроение.

— Валил. Кроме снега, у меня здесь еще два трупа. Старик Декер считает себя Господом Богом. Остальные — не лучше. По-моему, совсем сошли с ума.

— Неужели все?

— Все, кроме одного человека, — ответил Берт.

В голосе коротышки послышались подозрительные нотки.

— Пил?

— Ну и что, если немного выпил?

— И, конечно же, опять в кого-то влюбился, — упрекнул босс.

Норден так крепко сжал трубку, что заняли пальцы. Он глубоко вздохнул и заставил себя расслабиться.

— Хорошо, — неохотно согласился детектив, — я напился. И влюбился тоже. Декер хочет, чтобы я женился на девчонке и помог ей потратить десять миллионов баксов.

Босс фыркнул и изъявил готовность внимательно слушать. Норден рассказал все, в чем был уверен.

После окончания рассказа босс поинтересовался:

— А почему бы тебе действительно не жениться на ней?

— Она может быть убийцей, — объяснил Норден. — Правда, я так не думаю, но...
— Хорошо, — вздохнул босс. — Что ты хочешь знать?

Норден начал задавать вопросы. Босс слушал, не прерывая. С другого конца провода доносился скрип ручки. Записав последний вопрос, коротышка спросил:

— Как мне с тобой связаться?

Берт посмотрел на стойку и увидел портье, который не сводил с кабины мрачно-го взгляда.

— Не звоните мне, — предупредил детектив. — Лучше всего кого-нибудь при-слать с информацией. — И он объяснил, как найти гостиницу.

— Попытаюсь до вечера сам привезти ответы.

Берт Норден выбрался из тесной телефонной будки и с удовольствием вдохнул полную грудь свежего воздуха. Белокурая официантка продолжала грызть зубочис-тку. Норден зашел в кафе и заказал сытный завтрак.

Неторопливо позавтракав, он снял комнату, поднялся в номер и растянулся на кровати. Ему хотелось все обдумать, но кровать была такой мягкой, что его стало клонить ко сну. Забравшись под одеяло, Берт крепко уснул.

Проснулся Норден почти в три часа. Сонно мигая, посмотрел на часы и соскочил с кровати. В комнате был умывальник, и он быстро с помощью губки помылся до пояса. Потом оделся и торопливо спустился в холл. Портье, который поселил их рано утром, уже сменился. Ален Питман еще не спускалась.

Норден нашел парикмахерскую и побрился, после чего неторопливо пообедал. Из кафе он вышел в пять часов. Уселся в холле в чересчур мягкое кресло у окна и принялся ждать. Выкурил две сигареты и уже достал третью, когда портье позвал его к телефону.

Это был босс. Он звонил с пристани паромов, которая находилась в нескольких милях от гостиницы.

— Выходи на улицу, — велел коротышка. — Через пятнадцать минут я буду у тебя.

Берт Норден вышел на улицу. Через пятнадцать минут перед гостиницей остано-вился знакомый автомобиль. Он сел в него, и машина быстро отъехала от отеля.

Босс достал из кармана лист бумаги и протянул детективу.

— Держи. Ты был прав. Старик Декер не стоит десяти миллионов долларов. Он стоит... не больше полумиллиона и вот уже много лет живет только на проценты с капитала.

Норден жадно схватил лист с информацией.

— А как насчет Грирсона? — спросил он.

— Грирсона на самом деле нанял дворецкий старика, Бойль. Зачем, не знаю. Грирсон живет в Портленде, работает в частном сыском агентстве. Репутация — хуже не придумаешь. Слава о нем гремит от Ванкувера до Лос-Анджелеса.

Норден включил свет в салоне и бегло просмотрел информацию, собранную боссом.

— А Коул?

— Коул похож на Бойля, словно близнец, только, естественно, моложе. Оба си-дели за решеткой. Декер взял их на поруки. Правда, Бойль отсидел свое много лет назад. Лет пять назад Коула арестовали за кражу в меховом магазине. Конечно, парень утверждал, что его подставили и что он ничего не знал. Декер досрочно ос-вободил его... точно не знаю, когда... и взял к себе шофером.

— Теперь понятна их преданность, — задумчиво кивнул Берт. — Одна ошибка, и Коул вернется обратно за решетку.

— Угу, — кивнул босс. — Весь юмор заключается в том, что Коул является родственником Линды Питман, которая была замужем за внуком старика. Они троюродные брат и сестра.

— Да... — протянул детектив. Картина становилась все яснее.

Босс бесцельно кружил по городку.

— Неужели вы еще не поняли? — говорил Норден. — Ален наняла меня следить за сводным братцем и мачехой. Она знала, что они готовятся рассказать старику тайну ее рождения. Мое появление пришлось очень кстати. По ее замыслу, я должен был накапать Декеру на внука и таким образом уравнивать их шансы.

Только я замешкался, и кому-то пришла в голову дельная мысль — воспользоваться моим присутствием в доме и избавиться от Артура. Парень ворвался в комнату к жене, и она ударила его револьвером. Убийце предоставилась прекрасная возможность навсегда избавиться от младшего Питмана и попытаться свалить убийство на Линду. Ее положили ко мне в постель, и у нас у обоих сразу появился мотив для убийства. — Берт замолчал, чтобы закурить сигарету, потом продолжил: — Думаю, это был Грирсон. Может, он выполнял чей-то приказ, а может, просто увидел возможность немного подзаработать. Я дал Линде Питман снотворное, спустился вниз и получил по голове за свое любопытство. Грирсон оттащил меня в мою комнату и принес Линду. С какой стороны ни смотри, прекрасная возможность для шантажа.

Сейчас они ехали по окраине города. Неожиданно навстречу промчалась машина с включенными фарами. Несмотря на большую скорость, Норден все же успел заметить, что это фургон Ален Питман.

Он громко выругался.

— Это Ален Питман. Разворачивайте свою колымагу.

Боссу пришлось проехать еще несколько минут, прежде чем он смог развернуться. Норден еще раз выругался.

— Чертова дура! — пробурчал он. — Вот идиотка! Я думал, что запер ее... и зачем только она уехала?

— Наверное, устала тебя ждать, — сухо ответил босс.

Норден пропустил мимо ушей язвительные слова коротышки и посоветовал:

— Лучше посильнее нажмите на педаль газа. — Он нагнулся и вытер со лба пот. — Ради Бога, поторопитесь!

Когда они достигли развилки, откуда начиналась дорога в горы, наверху мелькнули и скрылись задние огни фургона. Босс сделал поворот и нажал на педаль газа. Он что-то негромко сказал. Берт не расслышал, бросил на спутника нетерпеливый взгляд и фыркнул:

— Что?

— Напрасно я везу тебя в поместье старика Декера, — объяснил босс. — Чем меньше людей будут знать, что ты работаешь на меня, тем будет лучше. Я не могу помогать тебе в этом деле. Заварил кашу — теперь сам и расхлебывай. К тому же я сомневаюсь, что ты уже разобрался в том, что происходит. При чем тут, скажем, Джонатан Декер?

— Старик помешался на гордости. Он обожает быть диктатором, родные должны вытягиваться в струнку и терпеливо ждать, когда он соизволит отпустить их. И самое главное, бедолаги не понимают, что напрасно терпят эти издевательства. Он ничего не может им оставить.

— Полмиллиона баксов, по-твоему, ничего?

— Для Декера ничего! Неужели вы не понимаете, как работает у него голова? Ну, сами подумайте, что такое полмиллиона, когда все ждут десять? И какие начнутся разговоры после того, как об этом станет всем известно? Люди будут говорить, что

на старости лет Джонатан Декер потерял хватку. Гордость не позволяет ему смириться с этим. Он не хочет, чтобы о нем такое говорили, пусть и о мертвом... И здесь на сцену выхожу я. Старик берет меня к себе в секретари и просит узнать, кто хочет его убить. Но это только на словах. На самом же деле плевать он хотел на то, кто хочет его убить. Ему нужно другое — чтобы я помог ему лишиться наследства всех родственников... всех, кроме Линды Питман. Это и есть главная причина его бредовой идеи инсценировать свое убийство. Он считает, что из всех обитателей дома одна Линда чего-то стоит. Он очень высокого о ней мнения и думает, что только она сможет держать крепость после его смерти. Декер уверен, что только она будет держать рот на замке и никому не расскажет, что он оставил после себя не десятки миллионов, а какие-то паршивые пять сотен тысяч.

— Ничего не выйдет, — скептически покачал головой босс. — Я имею в виду — сохранить это в тайне.

— Большую часть жизни Декер делал то, что хотел, — фыркнул Норден. — Он убедил себя в том, что она промолчит, и сейчас уверен в этом.

— Видно, мистер Декер здорово доверяет этой Линде, — задумчиво заметил босс.

— Еще как доверяет! — согласился Берт Норден. — Он уверен, что это она убила Артура, однако из кожи вон лезет, чтобы не дать арестовать ее за убийство. Он считает, если Линда убила Артура, значит, Артур заслужил смерти. Старик намерен замять все дело. Меня он хочет женить на ней для того, чтобы подрезать мне крылья. Муж не может давать свидетельские показания против собственной жены. — Норден нагнулся вперед и пристально всмотрелся в темноту, раскинувшуюся за светом фар, но так и не увидел задних огней фургона. — Быстрее, черт побори!

На первом же крутом повороте машину сильно занесло.

— К чертовой матери! — пробурчал коротышка. — Если мы с тобой сорвемся в ущелье, я тебе этого никогда не прощу. Скорее всего мы разобьемся в лепешку, а ведь я уже приготовил тебе новое задание. — И с этими словами босс сбросил скорость.

— Ну, ладно, — обреченно вздохнул Берт Норден. — Можете ползти, как черепаха. Только предупреждаю, если мы найдем там очередной труп, в аду жариться придется вам.

Во рту у него пересохло, и ему никак не удавалось избавиться от неприятной сухости. Он знал, что Ален здорово их обогнала, и у нее будет достаточно времени, прежде чем они доберутся до дома. И еще он знал, что если ничего не предпринять, причем не предпринять очень быстро, то убийство Гирсона будет не последним убийством в этих горах.

10

Босс преодолел последний подъем, завернул за угол дома так, что их занесло, и затормозил на парковочной площадке.

Казалось, ничто не изменилось с тех пор, как они с Ален уехали рано утром. Только ворота гаража были сейчас закрыты. Снегоочиститель стоял на том же месте, что и раньше. Снег слегка присыпал их ночные следы. На нем отчетливо виднелись следы возвращения Ален Питман.

Когда они подъехали к дому, Берт Норден заметил свет в комнатах Декера. Выбравшись из машины, он увидел, что свет горит и в комнатах слуг над гаражом. Детектив торопливо вошел в гараж и открыл ворота. Однако босс быстро развернулся и двинулся обратно. Норден выскочил из гаража с громкими криками.

Коротышка притормозил и высунул голову в окно:

— Я тебе уже говорил: заварил кашу, сам ее и расхлебывай.

— Черт побери!..

Босс нажал на газ и уехал, оставив Нордена ругаться на пустой площадке. Детектив ругал его до тех пор, пока задние огни машины не растворились в темноте. Затем вернулся в гараж и дотронулся до капота фургона Алэн. Он был еще теплый, значит, она приехала не так уж и давно. Норден сунул руку в бардачок, но револьвера не нашел.

Он почти бегом двинулся в дом. У двери библиотеки стоял как всегда невозмутимый Бойль.

— Мистер Декер ждет вас у бассейна, сэр, — бесстрастным голосом сообщил он.

Джонатан Декер сидел в кресле-каталке на террасе и потягивал неизменное бренди. Норден сел рядом. Когда Декер повернул голову и посмотрел на него, Берт увидел, как тот изменился за несколько часов, которые они не виделись.

— Хорошо съездили? — спросил мистер Декер слегка дрожащим голосом.

— Очень хорошо, — кивнул Норден.

— Полагаю, полиция едет за вами и скоро будет здесь?

— Насколько я знаю, за мной никто не едет, — покачал головой детектив.

Не сводя взгляда с лица Нордена, Декер вертел бокал с бренди в тонких пальцах.

— Пока вас не было, я узнал много нового. — С тонких губ слетел сухой хрупкий смех. — Трудно сказать, что изменилось в доме после вашего приезда, но то, что атмосфера накалилась, это точно!

Берт Норден закурил. Он очень устал, устал от всего, что творилось в этом жутом доме. Сейчас ему хотелось только одного — побыстрее покончить с этим делом и уехать отсюда. Но он сидел и ждал, что еще скажет старик.

— Грирсон мертв, — сообщил Джонатан Декер.

— Он в морозильнике, — спокойно согласился Берт Норден.

— Вы знаете, кто его убил?

— Да, знаю, — медленно кивнул детектив.

Декер поставил бокал на стол и протянул руку за сигарой. Он взял ее, однако не стал торопиться закуривать.

— Думаю, лучше всего повесить оба убийства на Рея Коула, — наконец, холодно проговорил старик, сунул сигару в рот и зажег спичку. — Это решит вашу проблему с Линдой.

— Мою проблему с Линдой?

— Линда очень сильно к нему привязана, — объяснил мистер Декер, и Нордену показалось, что он слышит в его голосе веселые нотки. — Они вместе выросли. По моему, она даже любит его. — Увидев, что собеседник раскрыл рот, словно собирался что-то возразить, миллионер торопливо продолжил: — Трюродные братья и сестры нередко женятся.

Берт Норден застонал про себя от злости и мысленно спросил, какие ощущения должен испытывать человек, который задушит почти девятидесятилетнего старика? Он с большим трудом взял себя в руки и произнес как ни в чем не бывало:

— Конечно, это поможет Линде, но не решит ваши проблемы.

Густые брови Декера слегка приподнялись.

— Мои проблемы?

— Я имею в виду ваше желание избавиться от наследников несуществующего наследства, — невозмутимо объяснил Норден.

Пальцы Декера сжали сигару. От Берта не укрылось, сколько сил ему стоило сдержаться и не сломать ее, не показать детективу, насколько близко он подобрался к сути всего происходящего в огромном доме.

— Я изменил свое завещание, — сообщил старик. — Переписал его сегодня. Свидетелями были Коул и Бойль. Все наследство я завещаю Линде и ее мужу.

— Думаю, завтра у нас будет предостаточно времени со всем разобраться, — громко проговорил Берт и быстро встал.

Ему показалось, что он заметил быстрое движение за дверью оранжереи, но полной уверенности не было.

Он неторопливо подошел к двери и заглянул в душную темноту. Как он ни всматривался и ни вслушивался, но не заметил ничего странного. Неужели померещилось? Не обратив внимания на приказ старика вернуться, Берт вошел в оранжерею и двинулся вдоль стены. Прошел с десяток футов и нашел дверь, ведущую в коридор. Потом громко открыл ее и закрыл, притворяясь, будто вышел в коридор. Однако остался в оранжерее. Запер дверь на ключ, вытащил его и спрятал в карман.

Потом очень тихо пошел обратно. Он не успел вернуться в бассейн, когда раздался крик.

Крик раздался из другой части дома, и Нордену показалось, что откуда-то сверху. Громко ругаясь, он бросился к бассейну. В темноте светился красный кончик сигары старика.

— Кто это был? — совершенно спокойно спросил миллионер. Он говорил таким равнодушным голосом, как будто попросил бокал бренди.

Норден опять выругался и выскочил в коридор. Перепрыгивая через две ступеньки, весь мокрый от пота, взлетел по лестнице на второй этаж. В коридоре было тихо и пусто. Берт попробовал открыть дверь Ален Питман, но она оказалась заперта. Он громко постучал, но не дождался ответа. В комнате царила тишина, нарушаемая только эхом его ударов. Потом детектив подбежал к двери комнаты Линды, постучал, но добился того же результата. Громко выругавшись, постучал по очереди во все остальные двери, включая и свою, но нигде не услышал ни звука.

Он растерянно остановился, не зная, что делать, потом бросился к лестнице. Но когда начал спускаться, в доме погас свет.

Этого следовало ожидать, подумал детектив. Может, выключение света и дилетантский поступок, зато вполне эффективный. В темноте Берт споткнулся и едва не скатился с лестницы. Он с трудом сохранил равновесие, и на память пришли слова Джонатана Декера. Тот, кто попытается это сделать, будет достаточно умен, предсказывал старик.

Не обращая внимания на шум, Норден добежал до двери, ведущей в бассейн, и услышал второй крик.

Только этот крик отличался от первого. Во втором крике слышалось удивление. Он взлетел под сводчатый стеклянный потолок, задрожал, рассыпался на тысячу маленьких криков и стих. Еще через пару секунд в бассейне раздался громкий всплеск: что-то тяжелое упало в воду.

Берт вбежал в бассейн. Здесь было чуть светлее, чем в остальном доме. Через стеклянные стены и крышу в бассейн проникал серый тусклый свет ночного неба. Вода бурлила и волнами набегала на бортики. Пока он стоял и смотрел на воду, кто-то сильно ударил его по голове. Падая, детектив заметил неясную фигуру, метнувшуюся к двери, которая вела в оранжерею. Едва колени Нордена коснулись пола, он вскочил и бросился к двери.

Громкий выстрел эхом отразился от стеклянной крыши, и над ухом Берта Нордена просвистела пуля. Он не остановился, только начал бросаться из стороны в сторону. Раздался второй выстрел. Неожиданно серый прямоугольник двери на долю секунды почернел, и в оранжерее послышался шум. Кто-то, забыв об осторожности, пробирался в темноте через деревья и кусты. Когда внезапно наступила тишина,

Берт тоже остановился. Он понимал, что если сейчас сразу бросится к двери, то превратится в прекрасную мишень. Поэтому отбежал в сторону и прижался к ближайшей стене. Он посмотрел на бассейн, вода в котором успокоилась, на пустую террасу и задрожал. Какая страшная смерть! Джонатан Декер настолько правдоподобно инсценировал собственную смерть, что она оказалась настоящей.

Детектив заскользил вдоль стены к углу и осторожно приблизился к двери в оранжерею.

— Я вхожу, — спокойным, но громким голосом предупредил он. — Вам не выбраться из оранжереи. Дверь в коридор заперта.

Единственным ответом ему послужил слабый шорох. Убийца осторожно пошел через кусты.

— Через минуту в доме загорится свет, — добавил Берт.

Он вытер о брюки вспотевшие ладони и проглотил сухой комок, подступивший к горлу. Ему не очень хотелось врываться в оранжерею. И не столько потому, что он боялся. Ему просто не нравилось то, что предстоит сделать.

Детектив низко пригнулся и прыгнул, но не в оранжерею, а остался в бассейне. Практически без перерыва прозвучали два выстрела, и он услышал свист одной пули. Стреляет убийца неплохо, подумал Берт и мысленно произнес: четвертый выстрел...

Снаружи раздался шум. Кто-то сильно дергал дверь, ведущую из коридора в бассейн. Наконец, она открылась, и луч света упал на воду. Луч поднялся, нащупал стену и пополз по ней.

— Включите свет! — скомандовал Берт Норден.

— Сейчас, — ответил мрачный голос Бойля.

Луч фонарика на секунду задержался на детективе и пополз дальше. Бойль отправился на террасу. Норден хотел предупредить дворецкого об опасности, но его прервал очередной выстрел. Луч фонарика взметнулся вверх, потом упал на воду, и Берт понял, что Бойль отпрыгнул к стене.

— Вам все равно не выбраться из оранжереи, — крикнул Норден в темноту. — У вас осталось только два патрона.

В дальнем углу оранжереи послышались какие-то звуки. Мелькнул свет, словно кто-то открыл дверь и осторожно вошел внутрь. Раздался шестой выстрел, только на этот раз целились не в сторону бассейна, а в дальнюю дверь.

Воспользовавшись тем, что убийца отвлекся, Норден прыгнул в оранжерею, приземлился на пол и перекатился в кусты. От последнего, седьмого, выстрела у самой его ноги в воздух поднялся маленький фонтанчик земли.

— Ну вот и все! — громко произнес Берт, надеясь, что не ошибся, когда считал выстрелы. — Следите за дверью, Бойль.

Детектив встал и неторопливо пошел по тропинке. В хриплом дыхании убийцы слышались страх, разочарование и полная беспомощность.

— Все кончено, — более мягким голосом произнес Берт Норден и двинулся на звуки дыхания.

Неожиданно острые ногти прошлись по щекам Берта, а кулак угодил в лоб, над глазом. Он прыгнул вперед и схватил что-то гладкое, на ощупь платье. Одновременно повернулся в воздухе, принял яростный удар ноги бедром и тяжело упал на противника. В его шею впились острые зубы, и по шее потекла кровь.

Берт извинился и ударил кулаком.

Убийца сразу перестал сопротивляться. Норден встал и отряхнул с костюма землю. Настроение у него было препаршивое. Когда к нему подошел Бойль, на душе у Берта стало еще хуже.

Бойль остановился около него и направил фонарик вниз.

— О... — пробормотал он. — Так это не...

— Нет, — сказал Берт, — это не Линда.

На спине лежала потерявшая сознание Ален Питман. Ее губы были приоткрыты, на маленьких острых зубах алела кровь детектива. На подбородке девушки уже стал темнеть синяк.

С другого конца оранжереи к ним робко двинулся еще один лучик света. Норден направился навстречу и через пару секунд встретился с Дэвидом Питманом.

— Кто запер дверь в оранжерею? — раздраженно осведомился Питман. — Пришлось возвращаться за другим ключом. Мне показалось, будто я услышал выс...

— Вы не ошиблись, — прервал его Берт Норден и неожиданно крепко схватил отца Ален за руку. — Пойдемте отсюда. Здесь больше нечего делать.

Дэвид Питман неподвижно стоял в тусклом свете и пристально смотрел на Нордена. Не произнес ни слова, даже не пошевелившись, он покачнулся и стал медленно оседать на пол. Детектив подхватил его, вернул в вертикальное положение и повернул к двери. Они медленно направились в коридор.

— Она... у нее не выдержали нервы, — дрожащим голосом произнес Питман. — Я опоздал, да?

— Да, — кивнул Норден и добавил после небольшого молчания: — Вы опоздали, но опоздали давно.

— Вы правы, — устало согласился Дэвид, и в его голосе отчетливо послышалась боль. — Артур не давал ей проходу своими шуточками. Потом появился Грирсон... вы знаете о ней и Грирсоне?

— Знаю, — вздохнул детектив. — Ей так хотелось тепла и любви, что она набросилась на Грирсона, как голодная тигрица. Грирсон был мерзкий тип, из тех, что никогда не пропустят возможности пожить. И здесь ему предоставилась такая возможность. Относя Линду в мою комнату, он думал, что оказывает огромную услугу Ален. Но больше всего ему приглянулось другое. Он считал, будто теперь девушки у него в руках, и он сможет шантажировать их до гроба. Однако Грирсон ошибся. Он подписал себе смертный приговор. Ален поняла, что он обо всем знает, догадался, что она убила Артура. Иначе зачем ему было подставлять нас с Линдой?

Питман кивнул.

— После Артура расправиться с Грирсоном оказалось очень легко. Следующей могла оказаться Кора... потом, может быть, настала бы очередь Линды, и в самом конце, скорее всего, старика. Но что заставило ее сегодня вечером выбрать старика?

— Декер узнал, что Кора — не ее мать, — объяснил Норден. — Следовательно, ваша дочь перестала быть наследницей. Она должна была успеть расправиться с ним до того, как он переписшет завещание. Только Ален не знала, что Декер уже составил новое завещание.

Они подошли к двери, и Берт Норден пропустил Питмана вперед. Неожиданно вспыхнул свет, и они остановились, растерянно мигая. Норден посмотрел поверх головы Дэвида и увидел испуганные любопытные лица слуг.

— Представление окончено, — строго сообщил он. — Возвращайтесь в свои комнаты.

Рей Коул пришел из гаража. Он рассеянно вытер грязные руки о какую-то тряпку и посмотрел на Нордена.

— Кто-то перерезал электрический кабель основного генератора. Пришлось ставить вспомогательный, но он слишком слабый.

— Хорошо, — кивнул Берт. — Где Линда?

— В моей комнате, — с вызовом ответил Коул и сердито посмотрел на детектива. — Кто-то должен ее защищать.

— Конечно, — не стал спорить Норден. — Теперь ей ничто не угрожает. Нужно выпустить воду из бассейна. — Он вернулся в оранжерею.

Коул с Бойлем открыли большие вентили, и вода с шумом устремилась из бассейна. Берт Норден стоял на краю с сигаретой в зубах и смотрел, как неуклонно опускается уровень. Когда вода вытекла из мелкой части, показалась коляска. Сигарета стала горькой, и Берт выплюнул ее.

Джонатан Декер боролся, но одеяло, которым были накрыты его парализованные ноги, сковывало его движения. К тому же, одна нога застряла между спицами большого колеса, и он не смог выбраться из коляски. Лицо было искажено судорогой. Сейчас это было лицо глубокого старика.

11

Берт Норден собирал вещи и время от времени делал глоток из стакана, который стоял под рукой. Линда сидела на диване, а Бойль — в кресле.

Дверь открылась, и в комнату вошел Рей Коул.

— Я наглухо закрыл все двери и окна в ее комнате, как вы сказали, — сообщил шофер. — Теперь ей никак не выбраться. — Он помолчал несколько секунд и добавил: — Правда, она и так не смогла бы ничего сделать. Вы ей дали очень сильное снотворное.

В комнате наступило неловкое молчание.

— Если честно, то все получилось как нельзя лучше, — вздохнул Берт Норден и продолжил собирать вещи. — Не беспокойся, Коул. У Линды теперь столько бабок, что она отобьет тебя от тюрьмы.

— У меня и так должен уже закончиться срок, — сообщил Рей и посмотрел на свои перепачканные смазкой руки. — Те парни нагло меня обманули. Попросили посидеть за рулем и не сказали, что собираются делать. Детские шалости...

Они всегда считают себя невиновными, подумал Норден, но вслух сказал:

— Конечно, я немного лопухнулся. Мог бы и скорее разобраться, что к чему. Ты слишком сильно боялся фараонов. Здесь ты, правда, дал маху. Бояться нужно было Грирсона, а не фараонов. После его убийства я был почти уверен, что это твоих рук дело. Но потом немного пораскинул мозгами. Ален рассказала, как ты приставал к ней в ту ночь, когда убили Артура.

Конечно, ты просто не хотел пускать ее в библиотеку. Она же рассказала мне об этом потому, что хотела бросить подозрение на тебя и Линду. Ее план мог бы сработать, если бы Грирсон не перестарался. Вот уж действительно горе от ума! Ален догадалась, что он все знает, после того, как он попытался повесить убийство Артура на нас с Линдой. Когда вы вышли, чтобы выкатить из гаража машину Артура, она заколотила нож в спину парню. Потом поняла, что Грирсон все знает, и убила его. А что ей оставалось делать?

Но еще с Артуром Ален допустила две ошибки. Она сказала мне, будто видела, примерно, в половину третьего, как я отвел Линду наверх. Легко, конечно, забыть о времени, и я сразу не придал этому особого значения. Эта несурaziца до меня дошла только тогда, когда я понял, что ей нужно было как-то объяснить разницу во времени убийства Артура и времени, когда она увидела, как я выхожу из комнаты Линды. Могла бы, конечно, подумать и получше. Ален была или слишком расстроена, чтобы ясно сообщать, или посчитала меня полным кретинном.

Вторая ошибка Ален заключалась в том, что она все время играла. Наверное, пытаясь произвести на меня впечатление, она сказала, что, может быть, Артур был недостаточно мертв. Когда я задумался над ее словами, то понял, что она сказала правду. Ален действительно нашла его в библиотеке «недостаточно мертвым» и исправила этот промах.

От Нордена не укрылось, как Рей Коул пожал руку девушке, чтобы успокоить ее. Детектив сделал еще один глоток и продолжил рассказ:

— Когда Грирссон отнес Артура в морозильник, она пошла следом и расправилась с ним. Может, бедняга даже признался ей, что знает, кто убил Артура.

Я же в очередной раз свалил дурака, когда подумал, будто надежно запер ее в комнате. Но что такое простенький замок, какие стоят в этом доме? Его легко открыть с помощью десятицентовой отмычки или даже куска проволоки. Когда я вернулся к ней, мне показалось, что она спит. — Он скорчил гримасу. — Но она унаследовала, наверное, от отца талант к сцене... и не раз с его помощью водила меня за нос.

— Она не должна была убивать мистера Декера, — произнесла Линда глухим голосом.

— Конечно, не должна, — согласился Берт. — Но она не знала, что Декер уже переписал завещание.

В комнате вновь воцарилась тишина. Берт Норден обвел всех взглядом, потом поднял стакан и сделал очередной глоток, как бы молча провозглашая ироничный тост. Эта парочка... он имел в виду Линду и Коула... в конце концов, многое приобрела.

Он закончил собирать чемоданы, поставил их на пол и вышел в коридор. Подошел к двери Кору Питман и постучал. Миссис Питман открыла дверь. Она напряженно застыла на пороге, холодно глядя на него.

— Наверное, вы знаете, — сказал он, — что дом теперь принадлежит вам.

Ее грудь поднялась от резкого вдоха.

— Надеюсь, вы сумеете выгодно продать его, — сухо проговорил Берт и пожал плечами. — Я пришел за премией — за вторыми пятью тысячами долларов.

Кора Питман молча повернулась и скрылась в комнате. Через несколько секунд вернулась с чеком.

Не сказав ни слова, Берт Норден вышел из комнаты.

Он положил чемоданы в багажник своего двухместного автомобиля, сел в него и задом выехал из гаража. Не выключая мотора, поднялся по лестнице и постучал в дверь в самом конце коридора. Из комнаты выглянула Бет. На ее миловидном личике промелькнул испуг.

— Сейчас дом принадлежит миссис Питман, — сказал Норден. — Едва ли вы захотите работать у нее.

— Да, сэр, — кивнула девушка.

Норден попытался улыбнуться, но понял, что у него опять глупый вид.

— Моя машина уже стоит во дворе с включенным мотором. Я тоже готов уехать.

Бет молча посмотрела на него огромными глазами, потом медленно покачала головой.

— Нет, не думаю, сэр. Я лучше рискну, вдруг у меня получится с миссис Питман.

Берт Норден печально вздохнул и пошел по коридору. Ему впервые пришлось работать в доме, где никто не хотел ему помогать. И это было плохо. Чертовски плохо! У малышки Бет были такие стройные ножки... □

Перевод с английского **Сергея Манукова.**

Уважаемые читатели!

Начата подписка на II полугодие 2006 года.

Оформить подписку на наш журнал Вы можете:

1. В редакции.

1.1. С получением по почте.

Как оформить?

Шаг 1. Заполните **разборчиво** все поля прилагаемого купона и квитанции об оплате. В купоне укажите тот адрес, по которому вы хотите получать журнал. **Шаг 2.** Оплатите подписку в любом отделении Сбербанка. **Шаг 3.** Отправьте заполненный **купон-заявку и копию квитанции** о переводе денег по адресу: **127994, Москва, Бумажный проезд, д. 19, стр. 2, ООО «ИДЖ «Смена» (подписка)** или по факсу: **(495) 250-59-28**. Если мы получили заявку до 20-го числа текущего месяца и деньги поступили на расчетный счет Издательского дома журнала «Смена», подписка начнется со следующего месяца. Не забудьте, пожалуйста, указать в купоне разборчиво свою фамилию, инициалы, а также точный адрес с почтовым индексом.

Сколько стоит подписка в редакции?

Стоимость подписки на 1 номер «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 62 руб. 70 коп. Стоимость подписки на 3 номера «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 188 руб. 10 коп. Стоимость подписки на 6 номеров «Смены» во втором полугодии 2006 г. — 376 руб. 20 коп. **Цена подписки включает стоимость доставки** в пределах РФ. При оформлении подписки на 6 номеров второго полугодия 2006 г., **до 1 июня** предоставляется **скидка 5%**, т.е. стоимость подписки будет равна 357 руб. 39 коп.

Как получить журнал?

1. Журнал отправляется из Москвы заказной бандеролью. Почтальон принесет журнал вам домой. Если же дома никого не окажется, то вы получите в почтовый ящик уведомление о том, что вас ждет посылка. Затем вы сможете получить журнал на почте по уведомлению и паспорту. Такая система доставки **гарантирует получение**, так как **каждая бандероль пронумерована и застрахована**.

Кто может ответить на вопросы по оформлению подписки?

Вы всегда можете задать любой интересующий вас вопрос по телефону: (495) 257-31-37 (или (495) 612-15-07) с 10 до 18 по московскому времени. Факсу: (495) 250-59-28 E-mail: sales@smena-id.ru

ВНИМАНИЕ:

Редакционная подписка осуществляется только в пределах РФ. Редакция не несет ответственности, если подписка оформляется через другие фирмы. Деньги за принятую подписку не возвращаются!

1.2. Если вы **оплачиваете и получаете** журнал непосредственно в редакции, стоимость 1 экз. — 38.00 руб.

Квитанция и купон для оформления РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ

Я подписываюсь на 1 номер журнал «Смена» и плачу 62 руб. 70 коп.
на 3 номера журнала «Смена» и плачу 188 руб. 10 коп.
на 6 номеров журнала «Смена» и плачу 357 руб. 39 коп.
(подчеркнуть)

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

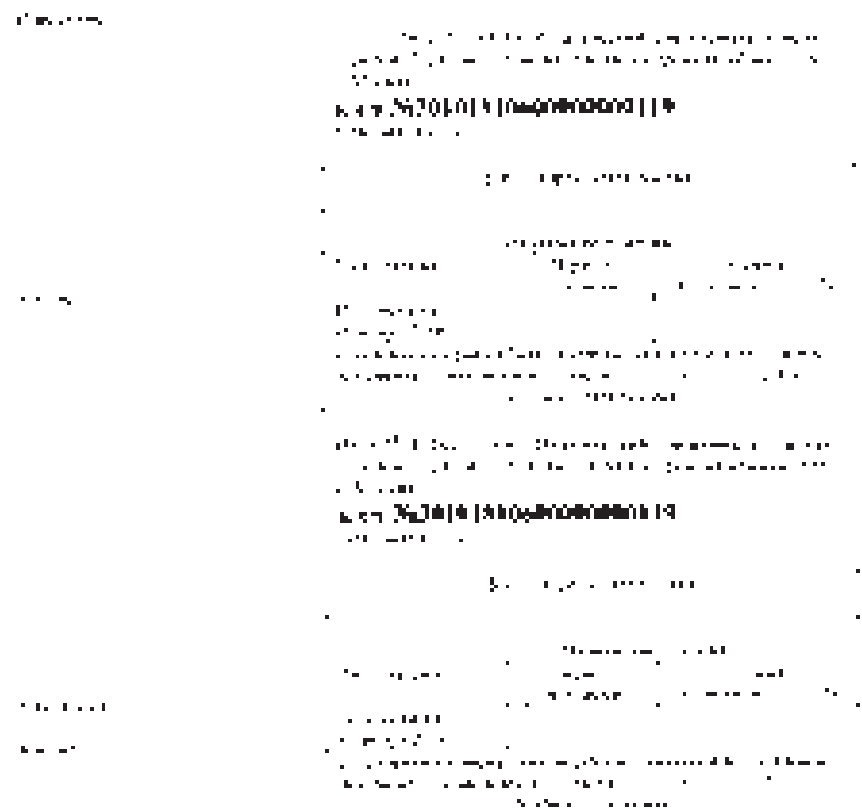
Город _____ Улица _____

Дом _____ Корп. _____ Кв. _____ Код города _____ Телефон _____

Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

.....

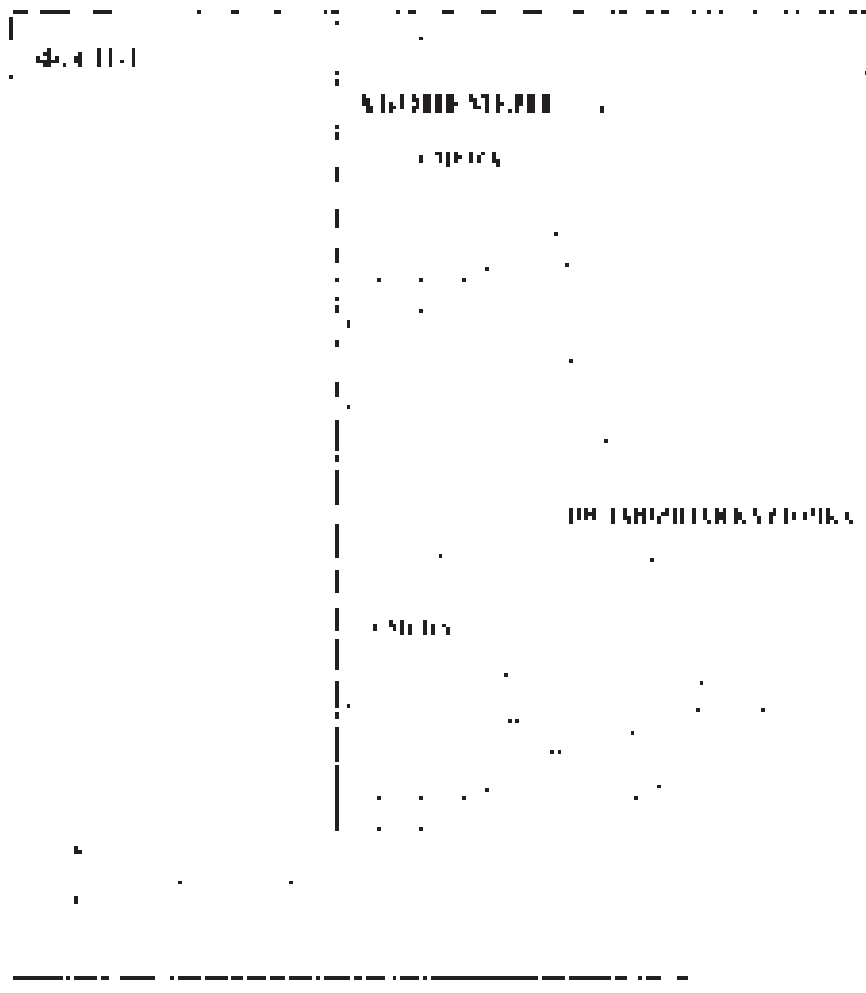

2. В любом почтовом отделении

по каталогу Роспечати индекс 70820

по каталогу Объединенному индекс 88998

по каталогу Почта России индекс 99406

Владимир Кислов

И

скрeнный

Он невелик ростом и напоминает загулявшего полотера. Другой бы расстроился из-за такой внешности, но только не Шон Пенн. Его друг, писатель Чарльз Буковски, посоветовал ему не расставаться с «внешней маской». «Это защитит твою душу от посягательств», — заверил его Буковски. Мгновенная реакция и отпор на посягательство на его личную жизнь или даже на неверные или неточные слова и выражения — стиль поведения Пенна. Журналисты, подходившие к его невесте Элизабет Макговерн или к жене Мадонне, извлекли силу его кулаков. Судебные разбирательства следовали одно за другим, но не они, а творчество умного и талантливого актера привлекают внимание зрителей и критиков.

Будян

Пенн прошел обычный путь актера от театра и телесериалов к серьезным ролям в кино, но, став знаменитым, он часто сомневался в своем выборе, бросал съемки. К тому же, будучи страстной натурой, он так погружался в роли, что изматывался вконец.

К счастью, Шон умеет переключаться на другие виды деятельности. Он снимает фильмы, пишет сценарии, прозу, стихи. После женитьбы на Мадонне Пенн бросил все, сосредоточившись на избивении папарацци, охотившихся за его женой, и тех, кто, по его мнению, слишком вольно себя вел с ней. Но творческая натура все-таки взяла свое, и после разво-

да Пенн блестяще сыграл в нескольких фильмах. Буйный нрав Шона испытала на себе и вторая жена актера — Робин Райт.

Рождение звезды

Обычный путь голливудских звезд — от одного успеха к следующему. Иначе тебя забудут. Не таков Пенн. Он не заботится о соблюдении звездных законов Голливуда. Его поведение похоже на самораз-

был известным режиссером, но в эпоху маккартизма, когда он отказался назвать имена «соратников», ему пришлось уйти на телевидение. Мать Шона — ирландка Эйлин Райен снималась в фильмах и в телесериалах, в частности, «Элли Макбил» и «Скорая помощь».

Подростком Шон увлекался то стрельбой по движущимся мишеням, то серфингом, то съемками короткометражных фильмов вместе со сверстниками, будущими актерами Чарли Шином и Эмилио Эстевесом. К сожалению, эти ленты сгорели во время пожара в 1993 году в Малибу. 19-летний Пенн снялся в телесериале своего отца «Барбани Джонс». В рецензии в «Нью-Йорк Таймс» его назвали «человеком-бурей» и «перспективным актером огромного дарования». Вместе с

С Мадонной на съемках фильма «Шанхайский сюрприз»

«Разборка» с папарацци

рушение. Но после судебных передраг и очередного периода отвращения к лицедейству, изумленная публика лицезреет новые блестящие роли Пенна. У него не возникло трудностей с проникновением в голливудскую среду, потому что его родители были с ней связаны.

Родился Пенн 17 августа 1960 года в Бербенке. Его отец — Леонард Пенн, еврей с русскими и литовскими корнями,

матерью 14-летним подростком Пенн снялся в фильме «Маленький домик в прерии».

Вместо колледжа он пошел в театр, где работал сначала уборщиком и грузчиком, а потом ассистентом режиссера. Свою первую главную роль он сыграл в фильме Рика Розентала «Плохие парни» (1983), а его дебютом стала картина «Кадеты» (1981), в которой он затмил таких же молодых, как и он сам, Тома Круза и Тимоти Хаттона. Потом последовали «Лихие времена в колледже «Риджмонт», и стало ясно, что родилась звезда. Для съемок в «Плохих парнях» Пенн участвовал в выездах чикагской полиции и даже

сделал несколько татуировок на руке. В 1984 году он триумфально участвовал в театральном сезоне в Нью-Йорке, после чего целиком переключился на кино.

Поединок страстей

В середине 1985 года жизнь Пенна круто изменилась. Он потерял голову, увидев Мадонну на съемках видеоклипа «Материальная девочка». Шон зашел в павильон и бесцеремонно стал ее рассматривать. Вспыльчивость Пенна, прозванного в богемной среде «Мистер Трудный», привлекла внимание Мадонны. «Наконец-то, я нашла настоящего мужика», — подумала она.

Критики в это время писали о Пенне как о подающем надежды актере, но это было ничто по сравнению со славой Мадонны. Десятки тысяч мужчин мечтали побыть с ней в постели. Шон отдавал себе отчет, кто он, а кто она, но страсть уже поглотила его.

После концертов Мадонна смывала грим, причесывала волосы и превращалась в застенчивую школьницу Мэдди. «Я выйду за тебя замуж», — сказала она Пенну, и он через несколько дней позвонил отцу и сообщил: «Я женюсь на Мадонне!» «Ну и дурак!» — ответил отец. Шон ре-

шил, что их свадьба пройдет тихо, без участия прессы. Они арендовали коттедж на отвесной скале на берегу Тихого океана. В 6 часов утра их разбудил шум. С балкона они увидели вертолеты, набитые репортерами. Жених и невеста стали чертить на песке огромными буквами матерные ругательства. Пенн из пистолета палил по телекоптерам.

Судья Меррик, проводивший брачную церемонию, из-за шума пропеллеров несколько раз обращался к жениху и невесте. Мадонну забавляло все происходящее, к тому же это была для нее бесплатная реклама.

Пенн заставил Мадонну бросить концерты и сам перестал сниматься в кино.

После свадьбы молодожены уехали в уединенное калифорнийское местечко Кармел, но медовый месяц на следующий день был прерван толпами журналистов и поклонников. Шон не отходил от жены ни на шаг и сторожил ее даже у двери туалета. Ему часто приходилось из-за стычек с папарацци объясняться с полицией. Мадонна отказалась от съемок в комедии «Пьяный угар» и снялась с Пенном в неудачном фильме «Шанхайский сюрприз».

Все свободное время Мадонна стала проводить с Джоном Кеннеди-младшим, но, когда он представил ее своей матери

Жаклин, та заявила: «Чтоб ноги этой шлюхи в моем доме больше не было!» Блондинка Мадонна напомнила Жаклин ненавистную Мэрилин Монро.

Мадонне быстро надоело играть роль примерной супруги, и на премьере фильма «Переполах» осенью 1987 года она появилась с Сандрой Бернар на банкете и обменялась с ней нарядами, игнорируя

Изматывающее лицедейство

Страсть к лицедейству Пенн впитал с молоком матери — актрисы Эйлин Райен. Он снял ее в своем фильме «Постовой на перекрестке». «Моя мама, — утверждает Шон, — замечательная актриса. Достаточно скомандовать: «Мотор!», и она сыграет все, что нужно». Вся семья Пеннов — творческая: старший брат Шона — Майкл — музыкант, написавший саундтрек к фильму «Ночь в стиле буги». Другой брат — Крис — сыграл в 50 с лишним фильмах, в том числе в «Бешеных псах» у Тарантино.

После развода Пенн с головой окунулся в лицедейство. Он передавал на экране «и житейскую суе-

Шона, потребовавшего, чтобы она села рядом с ним. Так, Мадонна перехватила инициативу. А 28 декабря 1988 года Шон, заявив, что проведет Рождество в родительском доме, а Мадонне предоставляет свободу, прокрался в спальню жены и привязал ее веревкой к стулу.

Мадонна подала иск о нанесении ей травмы и наняла опытных адвокатов, которые добились не только расторжения брака, но и его аннулирования, то есть он был признан никогда не существовавшим. 32 дня Пенн провел в тюрьме за рукоприкладство и плохое отношение к жене.

ту, и мутные, низкие страсти, и просветление души». Но лучше всего у Шона получались роли героев, связанных с преступным миром. Приходилось играть, по словам Пенна, «дрянь хорошую» и «дрянь плохую». Среди подобных ролей — и сын преступника, преклоняющийся перед отцом («При ближайшем рассмотрении»), и полицейский, влюбившийся в девушку-бандитку («Цветы»), и авантюрист-адвокат Клайн Фелд («Путь Карлито»).

Процесс съемок и вживания в образ изматывают Пенна. После окончания съемок каждого фильма он подолгу приходит в себя. О высокой требовательности к себе свидетельствует следующее его высказывание: «Если, читая сценарий, я понимаю, что, кроме меня, еще несколько

актеров смогут сыграть роль не хуже меня, я отклоняю предложение».

Испытания Робин Райт

С юности Пенн искал лучшую систему актерской игры. Следуя заветам Станиславского, он уговорил режиссера фильма «Состояние исступления» Фила Жоану устроить ему практику в какой-нибудь больнице: в картине речь шла о врачах-убийцах и хорошеньких девушках-пациентках. Такой «пациенткой» оказалась его будущая жена Робин Райт. Так два лицедея встретились во врачебном кабинете: Шон не умел лечить, а Робин не умела болеть.

Робин слышала, что у Шона — репутация бабника. Ему приписывали

роман со Сьюзен Сарандон, он был женом Элизабет Макговерн, и не так давно вся Америка следила за перипетиями его брака с Мадонной. У Райт было несколько неудачных романов с продюсерами, но она очень любила Пенна как превосходного актера и с первой встречи преданно заглядывала ему в глаза. После двух «экранных» поцелуев Шон уже не называл Робин «дурочкой из «мыльной оперы» (ради роли в фильме «Состояние исступления» она бросила телесериал «Санта Барбара»), и беспутная жизнь Пенна на время прекратилась.

Робин, сообщив ему о своей беременности, переехала в его особняк. Шон не возражал, но не считал, что ему нужна постоянная спутница жизни. Он не возражал стать отцом, но для женитьбы еще «не созрел». По сравнению с Мадонной Робин была ангелом, но она и в страшном сне не могла предвидеть испытания, которые ей предстояло пережить.

После женитьбы Шон продолжал разгульный образ жизни: пил, спал со случайными женщинами. На него не повлияло даже рождение дочери, которую он назвал Дилан в честь певца Боба Дилана. Когда Пенн поднял руку на жену, она не выдержала и перебралась в дешевый мотель. Шон на коленях умолял о прощении. Но после возвращения Робин он опять загулял. На этот раз не смог

пройти мимо таких красоток, как Валерия Голино и Татум О'Нил. Очередной загул Пенна проходил по тому же сценарию: уход Робин из дома, его валяние в ногах жены, прощение и рождение сына Хоппера. Впрочем, вскоре Пенн в интервью позволил себе отвратительные высказывания в адрес Робин. Она снова, взяв детей, покинула особняк Пенна. Видимо, его грехи не остались безнаказан-

суточно дежурил у постели Робин: ее еле спасли от внематочной беременности. Как только она поправилась, Шон перестал пить и изменять ей и превратился в заботливого отца и любящего мужа.

Режиссер, сценарист, продюсер

Актерская игра действует на него, как наркотик, поэтому он время от времени убегает от нее в режиссуру. Дебютом Пенна в режиссуре стал фильм «Индийский бегун» (1991). Он был высоко оценен критикой и получил номинацию Международного кинофестиваля в Локарно. «Индийский

ными: как только Робин с детьми улетела из Малибу в Лос-Анджелес, дом Пенна сгорел от лесного пожара. Папарацци бросились искать Шона и нашли его в баре в обществе двух проституток. После очередной драки его увезли в полицейский участок. В газетах злорадно писали о конце творческой карьеры актера.

Робин подала на Шона в суд, который решил оставить детей матери. Иск она подала, потому что Пенн продолжал приводить в трейлер, припаркованный в саду сгоревшего особняка, новых женщин. С 1993 по 1997 год он пытался примириться с Робин, когда навещал детей, но она была непреклонна. В марте 1997 года за исполнение главной роли в фильме «Мертвец идет» Пенна номинировали на премию «Оскар», но он не появился на церемонии вручения, потому что кругло-

бегун» и следующий фильм Пенна-режиссера «Постовой на перекрестке» — мрачные семейные драмы. Его герой, пережив боль за погибшую дочь и жажду мести, обретает способность к прощению. Фильм получил номинацию на «Золотого Льва» Венецианского кинофестиваля. Пенн посвятил его Чарльзу Буковски, и финальная сцена снималась на кладбище, где тот похоронен.

Пенн создал продюсерскую компанию «Ceyde is Hungry Films». Он стал продюсером и режиссером фильма «Обещание», который в 2001 году привез на Московский Международный кинофестиваль. В главной роли, так же, как и в «Постовом на перекрестке», сыграл его друг — Джек Николсон. «Меня взволно-

вала, — сказал Шон, — история человека, который не хочет уходить в отставку. Я вспомнил своего дедушку — булочника, который как только отошел от дел, сразу же состарился и умер. Герой фильма обещает найти маньяка любой ценой и выполняет обещание».

Пенн боялся, что станет тираном на съемочной площадке, но оказалось, что это, по его словам, «совершенно не нужно».

Новый стиль жизни

Пенн никогда не обращал особого внимания на стиль своей одежды. В молодости любил ходить в джинсах и кожа-

ощущение высокого и низкого». Попытки врачей заставить Пенна принимать антидепрессанты закончились провалом.

Пенн — эмоциональная натура. При общении с женой он начинает что-нибудь нервно теревить, затем подбрасывать вещи и в итоге все бить и колотить. Он, правда, теперь научился сдерживать свои эмоции и предпочитает выплескивать их на съемочной площадке. «Я просто, —

ных полусапогах, в которые удобно было класть его любимый пистолет. На Московский кинофестиваль в 2001 году Шон приехал в строгом черном костюме. На пресс-конференции он заявил, что проводит все свободное время с детьми. «Я буду решать все их проблемы, пока им исполнится 18 лет, — сказал Пенн. — Что же касается их профессии, пусть они будут кем угодно, лишь бы не пошли по дурному пути». Шон водит дочку в школу, а с сыном ходит на рыбалку.

В 2002 году Пенн открыл собственный ресторан в Париже и публично отказался от употребления алкоголя. Врачи прописали ему любимое лекарство американцев «Прозак». «Я боюсь, — заявил Шон, — воздействия лекарств на мотивацию моих поступков и на присущее мне

сказал он, — стал более осторожным, потому что уже был в тюрьме, а теперь, когда у меня есть дети, не хотел бы опять в нее попасть».

Пенн и Райт очень серьезно относятся к своим родительским обязанностям. Они соглашаются сниматься, если могут во время съемок находиться недалеко от дома, и предпочитают по вечерам возвращаться к детям и ночевать дома.

Пенн с семьей переехал из Лос-Анджелеса в пригород Сан-Франциско Ма-

рин в отличный особняк. «Робин потратила кучу денег на оформление дома, на декораторов и дизайнеров, — рассказал один из друзей Пеннов. — Кровь у Шона кипела, но Робин, словно не замечая этого, трижды заново переделывала дом и меняла обстановку. Работы по дому прекратились, только когда кончились деньги, и Шон влез в долги. Он только что выступил с заявлением о том, что оставляет кинематограф, как срочно потребовались наличные. Пенн обратился к продюсерам и стал снова сниматься. Шон и Робин согласились сниматься в «Переполюхе», когда стало известно, что съемки

вырос в Лос-Анджелесе и здесь же совершил все основные ошибки своей жизни. На многие дома этого города я смотрю с мыслью: «Я через это прошел и это уже пережил. И чудесно, что жизнь моя изменилась!»

«Понятия не имею, — говорит подруга Робин, — как она умудряется жить с Шоном. Он ведь страшно требователен и капризен донельзя, но обойтись друг без друга и без детей они тоже не могут».

Ник Кассаветис снял Шона и Робин в фильме «Она прекрасна». «Главный актерский козырь Робин, — сказал Шон, — ее абсолютная честность. И на экране, и в жизни. Она умеет говорить правду. Поэтому ее героини всегда настоящие. Ее

С женой
Робин Райт-Пенн

будут проходить в Сан-Франциско». «Мы переехали в Сан-Франциско, — заявил Пенн, — потому что Лос-Анджелес — не лучшее место для воспитания детей. На каждом углу в этом городе меня подстерегают призраки прошлого. Я родился и

мнение для меня важнее всего. Я люблю с ней советоваться».

Пенн все-таки получил премию «Оскар», снявшись в 2003 году в фильме «Таинственная река». Как ни странно, он спокойно принял эту награду, как и «Золотой Глобус» за эту же роль, хотя в предыдущие годы принципиально не приходил на церемонию награждения, даже когда был номинирован.

Новые приключения

Деятельность Шона Пенна не ограничивается пределами съемочной площадки.

Пенн с детьми

крупнейшие телекомпании США и звезды музыки и кино собирали средства в помощь пострадавшим от урагана «Катрина», Шон Пенн решил принять участие в самих спасательных операциях. На своей лодке он отправился на помощь жителям Нью-Орлеана, которые не успели эвакуироваться и оказались в затопленном городе. И сам чуть не стал жертвой стихии. Его лодка неожиданно дала течь и начала тонуть. Впрочем, Пенн не растерялся и попытался вычерпать воду из лодки пластиковым стаканом.

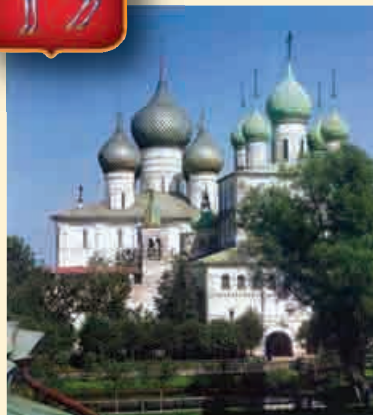
На этом злоключения Шона не прекратились: мотор лодки вышел из строя, и экипажу знаменитого актера и режиссера пришлось взяться за весла. Даже личный фотограф Пенна подключился к остальным членам экипажа. Им повезло: лодка причалила к безопасному месту. Прибывшие к месту происшествия репортеры стали расспрашивать Пенна о причинах, по которым он отправился в затопленный ураганом город. Он ответил: «Я хотел помочь всем, кому удастся». Такой ответ вызвал недоумение и раздражение у находившихся неподалеку спасателей. Один из них изумленно воскликнул: «И вы собирались сажать кого-то в эту посудину?» Но в этом эмоциональном поступке — весь искренний и неповторимый Пенн. □

В июне 2005 года он проявил себя еще и как талантливый журналист, написав пять статей в газете «Сан-Франциско Кроникл». В этих статьях Шон поведал о своем пребывании в Иране во время президентских выборов.

Недавно актер решил попробовать свои силы в качестве спасателя. К сожалению, не совсем удачно. В то время, как

Ростов был одним из крупнейших городов Северо-Восточной Руси, через который проходил торговый путь к Белому морю.

Город

Татьяна Полева

Легенда утверждает, что основатель города носил имя Роста и назвал город в свою честь. Позже здесь правили Ярослав Мудрый, основавший впоследствии Ярославль для защиты Ростова со стороны Волги, и даже Юрий Долгорукий, при котором город получил название «Великий».

Странно, но один и тот же город может оставлять разные впечатления. Это, наверное, зависит от настроения и, в том числе, от погоды, сопровождавшей поездку. Даже блистательный Санкт-Петербург в сезон дождей представляет собой несколько унылое зрелище. Чего уж говорить о зимних поездках! После потери чувствительности ног и частичного отморзания носа нет уже никакого желания посещать местные достопримечательности. Максимум — местные заведения общепита.

Так получилось, что Ростов Великий (не путать с южным «на-Дону») я посетила именно зимой. Для меня он навсегда

ТРЕХ ЧУДЕС

остался «зимним» городом, с морозом минус двадцать, огромными сугробами и старенькими улочками, обрамленными невысокими домами. Надо отдать должное властям города — за все время пребывания в нем я не увидела ни одного современного здания, все современное построили где-то вдали от исторической части.

Конечно, Ростов в наши дни — обычный провинциальный город, даже не областной центр (относится он к Ярославской области). Но местные жители гордятся тем, что когда-то, в X веке, Ростов был одним из крупнейших городов Северо-Восточной Руси, через который проходил торговый путь к Белому морю. Точкой

отсчета возраста города считается первое упоминание Ростова в «Повести временных лет» в 862 году. Именно на землях Великого Ростова появилось небольшое поселение под названием Москва... После чего пошло-поехало: в XIV веке, когда шло объединение русских земель вокруг Москвы, ростовские земли, к тому времени уже раздробленные на мелкие княжества, тоже постепенно присоединялись к владениям московских князей. Однако потеряв политическое значение, Ростов еще долго оставался одним из религиозных центров Руси. Стал он им, видимо, с тех самых пор, когда в 989 году решили ввести христианство: завели в озеро Неро все население и разбили его на группы. Специально приглашенные византийские священники плавали на лодках между группами и крестили жителей, давая им одно имя на группу. Уже потом здесь были построены Успенский собор, церковь Вознесения и знаменитый ростовский кремль — резиденция митрополита.

Строительство кремля, начатое в 70-х годах XVII века, продолжалось 30 лет. Он включил в себя древние сооружения, су-

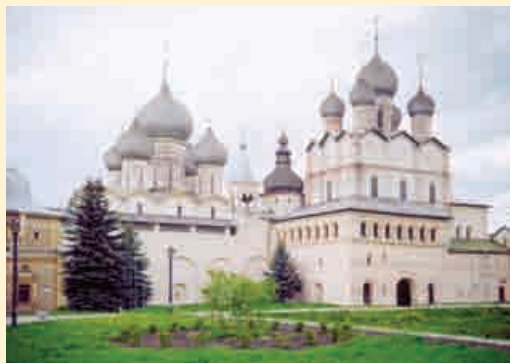

ществовавшие ранее: Князьи терема, Иераршие палаты, Успенский собор, рядом с которыми выросло еще пять храмов, одиннадцать башен и другие здания, объединенные внушительными крепостными стенами. Внутри по всем стенам идет галерея протяженностью почти в километр, по которой можно попасть в любое кремлевское здание. Кстати, именно эту галерею (да и другие здания кремля) можно увидеть в известнейшем фильме «Иван Васильевич меняет профессию» — по ней бегали герои Куравлева и Яковлева, спасаясь от стрельцов. Спускаясь по крыльцу Красной палаты (когда-то ее построили специально для приема царей), через ворота кремля шли «киношные» стрельцы, засланные в далекий поход. Кстати, «участие» Ростова в съемках одного из любимейших российских фильмов

является весьма привлекательным фактором для приезжающих сюда туристов.

Впрочем, нельзя сказать, что зимой от потоков этих самых туристов некуда деваться. Они предпочитают весенне-лет-

нее время года, когда появляется возможность поплавать по озеру на лодке, любуясь панорамой кремля. Местом обитания я выбрала гостиницу, находящуюся прямо на территории кремля в одном из древних зданий, где раньше располагались погребца. Переночевав под сводчатыми потолками, могу смело утверждать, что жила «в палатах» (в хорошем смысле) с художественным видом из окон: заснеженные купола соборов, небольшой внутри кремлевский дворик с прудом и полное отсутствие в этом дворике людей. И колокольные звоны...

Знаменитые ростовские звоны по праву считаются классическими. Даже во времена гонения на церковь они звучали на грампластинках и во многих фильмах. Ими восхищались композитор Берлиоз и певец Шаляпин. Звоны были возобновлены сначала как «концерты колокольной музыки», а затем стали уже сопровож-

дать и церковные службы. Самые знаменитые колокола принадлежат звоннице Успенского собора, построенной одновременно с основными зданиями кремля. Она представляет собой аркаду с четырьмя главами, имеющую от верхней площадки до земли сплошные пустоты, что является прекрасным резонатором звука. Близость к озеру также усиливает ее акустические достоинства. Говорят, звон колоколов можно слышать на расстоянии до двадцати километров. Да и сам звон является уникальным. Ростов — это единственное место в России, где сохранился подбор колоколов (до, ми, соль, до), который собирался на протяжении трехсот лет.

Музыкальностью, кстати, славятся не только колокола. Летом, обычно в июне, в Ростове проводится фестиваль «Живая старина», который дает уникальную возможность познакомиться с древнерусскими народными инструментами — гуслиями, гудком, лирой, рожками. Концерты проходят в центре кремля, на них звучат точные копии инструментов XI—XIV веков, восстановленные по фрагментам, найденным в археологических раскопках. Репертуар — былины, духовные стихи, исторические песни, действие которых часто разворачивается в самом Ростове.

Вообще, Ростов можно назвать городом трех чудес: кремль, колокола, финифть. Последнее из перечисленного — известный во всем мире местный художественный промысел, тончайшая жи-

вопись по эмали. Эмалевыми могут быть украшения, церковная утварь, иконы или просто изысканные миниатюры — все это расписывается исключительно вручную. Такая красота дорого обходится авторам — к сорока годам художники слепнут от этой кропотливой работы. Их творения можно увидеть в музее-заповеднике «Ростовский кремль», коллекция которого насчитывает около двух с половиной тысяч эмалевых миниатюр XVIII—XX веков. В музее рассказывают и о технике финифти, и о том, как определить качество изделия. Продукцию местных мастеров можно купить здесь же, на территории кремля, где, как вы уже поняли, находятся все основные достопримечательности. А если там же еще и живешь...

Незабываемые впечатления. Утром просыпаться под колокольный звон, который, как ни странно, совсем не раздражает: под него так уютно спать, а потом и пробуждаться. Пересечь дворик, глотая морозный воздух, по на-

правлению к трапезной, которая находится в Красной палате кремля. Там — позавтракать традиционными блинами, запивая их не менее традиционной медовухой (в Ростове она варится по старинным рецептам). Потом отправиться бродить по музеям, благо, на территории кремля их предостаточно. И вот уже кажется, что ходишь здесь как по своим собственным владениям, и можешь позволить себе все что угодно. Например, искупаться в сугробах. Не шучу. С разбегу прыгать в мягкие сугро-

бы — поверьте, удовольствие выше среднего. Главное, чтобы потом отогреться. Как знать, может, когда-то это было любимой забавой местных князей. Во всяком случае, я-то почувствовала себя князем, точнее, княгиней, посетив старинный чудесный зимний Ростов. □

БЕЛЬГИЙСКИЕ ЭКСТРЕМАЛЫ

Денис Логинов

Взглянуть на Бельгийское Королевство с высоты птичьего полета несложно. Через страну, расположенную практически в центре Европейского союза, проходят едва ли не все международные авиатрассы.

Конечно, с небес не разглядишь, что в Бельгии, к примеру, самое большое количество замков и элитных ресторанов на один квадратный километр, а бельгийская гениальная инженерия экспортирует (нет, это не фантастика!) помидорные деревья, у которых 12-метровый ствол, и, как виноградные гроздья, клубятся на ветках совершенно одинаковые и вкусные помидоры.

Но давайте оставим под крылом самолета богатую историю, тщательно хранимые традиции, новейшие технологии и

сотни сортов знаменитого бельгийского пива. Приглядимся к тем, кто под уютными черепичными крышами ищет себе занятия совершенно необычные. Поговорим о бельгийских экстремалах.

Поначалу о любителях поплавать. Но не в холодном Северном море и не в бесчисленных крытых аквапарках.

Есть на окраине бельгийской столицы обыкновенный с виду бассейн. Правда, поражает, что в разгар дня на поверхности не видно плескающихся тел и прочей купальной активности. Трудно поверить, что в воде сейчас находится не менее 50 человек! Только все они далеко под толщей. Потому что это — самый глубоководный бассейн в мире. Глубина — 33 метра, как одиннадцатизэтажный дом.

Ранее рукотворной бездной гордились британские военные аквалангисты. Но, во-первых, бельгийский — глубже на три метра, а во-вторых, английский — просто обыкновенная труба с черным, почти невидимым дном. В Брюсселе же — глубоководный полноценный красавец!

В нем несколько уровней. Опускаются сначала на пять и десять метров, а уж потом, после подготовки, ныряют на самую глубину. По бокам вертикальных стен — причудливые гроты, где можно передохнуть и отсидеться для декомпрессии при подъеме со дна. Температура воды — 31 градус. Идея такого сооружения давно сидела в голове Джона Бернарта, инженера — коммунальщика по образованию и аквалангиста по страсти.

В глубоководном детище он продумал каждую деталь, вплоть до того, что бассейн поставил на природном роднике.

В стенах предусмотрены специальные крепления для установки декораций, поэтому киностудии стоят в очереди на съемку захватывающих эпизодов в таинственной пучине.

Вдобавок, вся крыша устлана солнечными батареями, энергией которых бассейн освещается и согревается.

Первая половина рабочего дня — тренировки профессионалов. Специальные курсы для военных, представителей спецслужб, телохранителей, космонавтов. Простые бельгийцы толпой валяют ближе к вечеру. С новичками занимаются тренеры, постоянно дежурит врач. Снаряжение первоклассное, но только принадлежащее бассейну. Приходить и нырять со своими баллонами — запрещено. Народ разный. По комплекции и возрасту. Детей, кстати, пускают на глубину с восьми лет. Поразительно много представителей (даже в купальниках) и далеко не юных дам и их галантных спутников.

Опустившись на самое дно, они спокойно рассаживаются на выступы стен, перемещаются из грота в грот, непрерывно фотографируются маленькими специальными глубоководными фотокамерами и как бы разговаривают друг с другом.

И все это хорошо видно тем, кто не отважился нырнуть на многоэтажную глубину, ведь вокруг — громадные окна. Снаружи — ресторанные столики, изысканная еда, прекрасные вина. Тот, кто решил остаться сухим, может основательно промочить гулко в ожидании своих глубоководных друзей. Особенное веселье — у малышни. Чокнуться через стекло бокалом сока с бабушкой, величаво проплывающей на тридцатиметровой глубине мимо любимых внуков — это круто не только по-бельгийски!

Ну, а когда в Бельгийском Королевстве улицы покрываются розовой цветочной пеной от бесчисленных японских сакур, прекрасно чувствующих себя на земле Тиля Уленшпигеля и Питера Брейгеля, уместно вспомнить бессмертные строки великого поэта:

*«Мир опять цветами оброс,
У мира цветущий вид.*

*И вновь встает нерешенный вопрос
О женщинах и о любви».*

И если уж вы приступаете к практическому решению этого вечного вопроса, сто раз подумайте: стоит ли решать его в маленьком бельгийском городке Виртон. Мужчины, будьте осторожны! Вас неотвратно ждет суровое испытание! Старинный обычай заставит вас... участвовать в поедании местного пирога с мясом. Участники соревнования — только представители мужского пола, только молодожены, заключившие брак не далее как прошлой весной. Пироги, выпекаемые под надзором местных кулинеров, всю ночь готовятся в местных булочных по особой технологии, которая для «чужаков» не раскрывается. Пирог и впрямь замечательный по виду и по вкусу, но съесть его нужно как можно больше и в течение всего 20 минут. Каждый пирог регистрируется за конкретным участником турнира и тщательно взвешивается. Команда «Старт!» дает начало поеданию. На кону — мужская честь! Кстати, доподлинно известно, что начинка из специально замаринованной свиной шейки очень полезна для молодежи

нов. Знатоки утверждают, что знаменитая «виагра» просто отдыхает.

А на кулинарном ринге идет настоящее сражение. Запивать пирог можно только кофе. Тоже в неограниченном количестве. Но вот неумолимый финиш! Теперь строгое жюри тщательно взвешивает на эталонных весах оставшиеся, пардон, объедки и калькулирует победителя. В этом году чемпионом стал с очередным рекордом в 1295 граммов Иван Будар — не волнуйтесь, местный житель, а не россиянин. Всего пять грамм уступил ему Жан Макель — когда-то он уже был победителем, но борьба за престижное кулинарное золото внесла коррективы в семейную жизнь и заставила вновь стать молодоженом!

Третье почетное место занял представитель молодого поколения, отстав от лидера на 160 грамм.

Корни этой веселой молодежной обжорки уходят в далекое прошлое. Нынче состязания принимают уже международный характер. Из соседних стран едут в бельгийский Виртон влюбленные едоки, чтобы зарегистрировать в местной мэрии брак и тем самым получить право достойно выступить перед своей молодой избранницей.

Если уж затрагивать тему весенних удовольствий, то нужно признать, что чопорная с виду Бельгия и тут практически впереди планеты всей. И не только потому, что именно весной в Брюсселе устраивается грандиозный эротический фестиваль, который целую неделю без всякого преувеличения просто бушует в залах столичного выставочного комплекса «Пирамида». На стендах, подиумах, да и просто в кулуарах можно увидеть, услышать и даже пощупать буквально все, что в других местах старательно заворачивается в полупрозрачную упаковку и прячется от малолетних детей и любопытных подростков. И, по отзывам опять-таки больших специалистов по эротике, все «это» на весьма высоком эстетическом уровне. От «сексуальных пирожных» до международного конкурса професси-

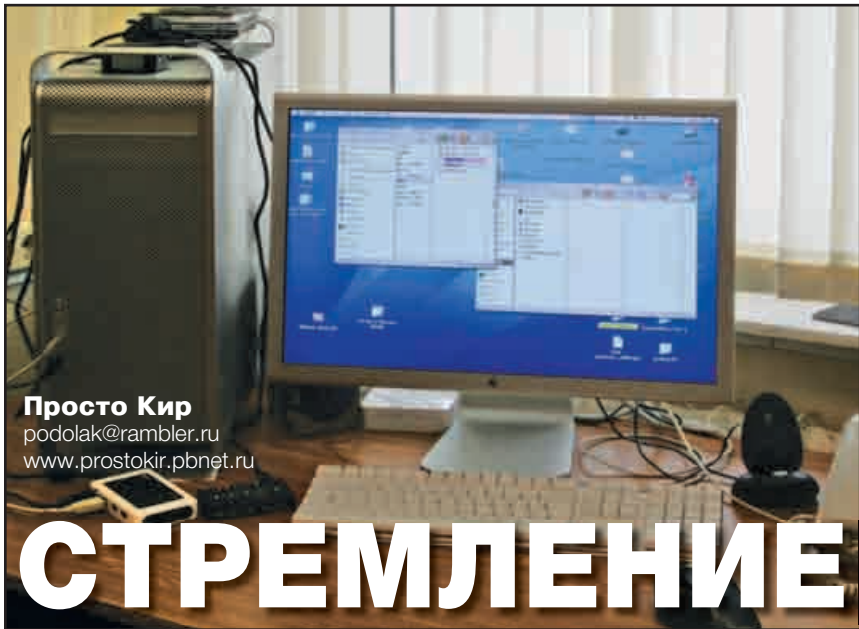
ональных стриптизеров. Интересно, что вход — свободный, за умеренную плату. А приносить с собой фотоаппараты и видеокамеры и снимать все, что заблагорассудится, никем не возбраняется.

Простые бельгийцы также не хотят отставать от признанных профессионалов, чему свидетельством только что появившееся сообщение о том, что одна дама бальзаковского возраста, проживающая в городке Ля Панн (провинции Северная Фландрия), решила установить рекорд скорости интимных отношений с максимальным числом партнеров. Фамилия ее пока не сообщается, однако известно ее имя — Кати, возраст — 47 лет, милостивая блондинка, замужем. Как выяснилось, честолюбивой Кати не дает покоя рекорд, установленный в Польше, где одна пани за полсутки получила более двух сотен амурных удовольствий. Кати захотела хотя бы на одно удовольствие больше. Упорная дама, как сообщают бельгийские газеты, уже приступила к тренировкам, которые, как и положено в большом спорте, пока проходят без лишней затейливости и огласки. Известно, что побитие рекорда состоится в мае этого года.

Дотошные газетчики также выяснили, что муж Кати — румяный весельчак по имени Карло — в курсе подготовки и даже принимает активное участие в процессе. По его словам, достижение может быть занесено даже в Книгу рекордов Гиннесса.

Так что, Бельгийское Королевство тихим и чопорным уж никак не назовешь. Как говорится, «в тихом омуте»... □

Просто Кир
podolak@rambler.ru
www.prostokir.pbnet.ru

СТРЕМЛЕНИЕ

КИДЕАЛУ

Наука каждый день радует нас открытиями, которые помогают сократить расходы на производство, улучшить качественные параметры и вытеснить старое. Еще недавно прогнозировали вытеснение мониторов с ЭЛТ жидкокристаллическими, и это время настало. Теперь почти к каждому второму, а то и первому компьютеру покупается ЖК монитор, что вполне естественно. Они занимают меньше места, менее вредные и потребляют меньше электричества. Кто бы мог подумать еще года три назад, что 19" можно будет купить за 300 зеленых, учитывая, что тогда они стоили за 600. Понадобилось три года на более чем двукратное падение цен.

«Хто здесь?»

Но радоваться, по-видимому, жидким кристаллам придется не долго, так как на их смену грядет технология OLED (Organic Light Emitting Diode — Органический Светоизлучающий Диод). Революционность технологии уже заключена в слове «органический». Дело в том, что применение органики в электронике изучается не один десяток лет, а ощутимые результаты заметны только сейчас. К примеру, органические технологии уже несколько лет применяются при изготовлении процессоров — некоторые элементы просто «выращиваются». Глядишь, скоро новенькие компьютеры будут расти на деревьях. Подошел, сорвал, смыл шелуху и вот тебе современный десктоп (стационарный) или лептоп (ноутбук).

Органические технологии имеют огромное преимущество перед неорганическими — отсутствие ограничений по размерам, формам, удешевление производства, лучшая адаптация к различным средам и многое другое. Человек легче воспримет «живое», а не «мертвое».

А работать будет?

Структура новых матриц представляет собой, как обычно, ячейки (пиксели) с комбинацией трех основных цветов — синего, красного и зеленого, смешение которых дает нужный цвет. Проще говоря, подается определенное напряжение, интенсивность которого заставляет пиксел светиться по-разному. Ничего, конечно, нового в этом нет, зато техпроцесс отработан. Радикальное отличие от ЖК в том, что OLED не требует подсветки, так как каждый элемент «сам себе подсветка».

Опытные образцы еще на заре своего развития выдавали яркость 1000 Кд на квадратный метр, при напряжении всего в 10 В, а максимум — сто тысяч. Впечатляет, не правда ли? Безоговорочное преимущество перед ЭЛТ, не говоря уже о ЖК. Цветные варианты демонстрировали отличную цветопередачу, практически близкую к идеалу.

Органические полимеры, как оказалось, неприхотливы к изменению формы. Заключив все нужные элементы между двумя глянцевыми гибкими материалами, мы получим экран, который будет не сильно превышать в толщине лист бумаги. Его можно скрутить в трубочку, без боязни что-то сломать.

The Matrix Has You!

OLED, как и LCD, бывает двух видов: с пассивной или активной матрицами. В чем же разница? Пассивные матрицы предназначены для устройств, где не требуется изображения высокого качества (автомагнитолы, музыкальные центры, пульта дистанционного управления, дешевые сотовые телефоны, различные индикаторы и многое другое). Вспомните старые ноутбуки, когда вы двигали мыш-

кой и за ней тянулся угасающий шлейф — это и есть пассивная матрица. Она не способна передать динамическое движение или быстро сменяющуюся картинку. Активная же матрица превышает первую по всем параметрам. Во-первых, это высокая скорость срабатывания, во-вторых, качество цветопередачи, а в-третьих, другая технология производства, что позволяет выпускать полноценные экраны.

Умираем по частям

Самые первые матрицы OLED жили до ста часов (1987 год, Eastman Kodak), что не приемлемо для их коммерческого производства. Сейчас их срок жизни доведен до 10 тысяч часов, на чем стоит остановиться и рассмотреть более детально. Матрица гарантированно проработает указанное время, но через те же 10 000 часов пропадут цвета синего спектра, через 20 000 исчезнут цвета универсального белого, и, наконец, через 40 000 цветов красного спектра тоже не сыщешь. Полноценная работа монитора относительно небольшая. OLED при офисном использовании протянет чуть больше трех лет, что очень мало. Хотя если взять, к примеру, экраны видеокамер и фотоаппаратов, то они рассчитаны примерно на 1 000 часов и с новой технологией они получат в десять раз больше — видеокамеры столько не живут (механизм сотрется, развалится, но экран еще будет работать).

Отцы и дети

Каждый производитель предлагает свое решение проблемы, что затрудняет освещение каждой реализации. Кто-то хочет сделать матрицу с универсально белым спектром и цветными фильтрами, которые будут выдавать нужный цвет. Кто-то продолжает развивать старые идеи. Процесс долгий, но ощутимый, так как срок жизни современного экрана уже доведен до хорошего уровня, но пока не идеального. Сейчас активно используются различные добавки для лучшего функционирования спектров синего, красного и зеленого цветов. Как говорится, поживем — увидим.

Уже сейчас некоторые фирмы готовы производить мониторы, но пока 15" и 17". Года три назад уже был прототип 20" (Display Technology — IDTech), но, к сожалению, до его массового производства еще далеко. OLED требуется еще года два или три, чтобы исключить все минусы и действительно заменить ЖК.

Интересно еще то, что процедура нанесения транзисторов похожа на печать струйного принтера и в идеале технология позволяет дойти до такого уровня, что экраны просто будут печатать. Вес устройства получается намного меньше, чем у аналога. С чего ЖК начал — с ноутбуков, и только потом переключал к вам на стол в качестве замены ЭЛТ. OLED, возможно, пойдет по этому же пути. Пока что он активно используется в сотовых телефонах (Samsung, Philips, Motorola и другие). Пока полноцветный OLED будет там, где существенную роль играет экономия запаса заряда батареи (различные мобильные устройства).

Сверните экран в трубочку

В разработке и развитии технологии OLED принимают участие более ста фирм и множество институтов, что дает надежду на более скорое решение всех недостатков технологии. К примеру, Samsung сравнительно давно занимается разработкой в сотрудничестве с Vitex Systems методов защиты полимеров от внешнего воздействия. В ранних моделях для этого использовалось стекло, но дуэт предложил новый способ — нанесение полимеров и керамической пленки непосредственно на матрицу. Это дает нам не только надежную защиту, но и гибкость.

Вот и предпосылка к развитию пластиковых экранов. Сфера применения самая разная — от электронной газеты до штор, узор которых может меняться. Яркость позволяет также использовать OLED как систему освещения с регулируемой интенсивностью. Ученые не исключают возможности использования

«органических» экранов в качестве солнечных батарей.

Сапать и сапать

Требуется не один год для достижения OLED'ом нужного уровня, чтобы конкурировать на уровне с LCD. Сейчас он еще не в той стадии, о чем говорит не решенный до конца вопрос с долговечностью и разрешением. При всем при этом заводы, производящие ЖК, не придется полностью перестраивать, так как OLED позволяет использовать то, что уже есть, но с небольшими изменениями, что быстро позволит довести соотношение цены и качества до приличного уровня.

Кода

Производительность органических транзисторов постоянно увеличивается. Новые прототипы стремятся удешевить без потери качества. Споры «может ли монитор выдать действительно черный цвет» исчезнут, не говоря о засветах от лампы подсветки, которых просто не будет. В будущем OLED позволит забыть о таком понятии, как «пиксел», т.к. монитор фактически будет «печататься» — достижение идеальной картинкой, и при выполнении всех условий ее не отличишь от реальности.

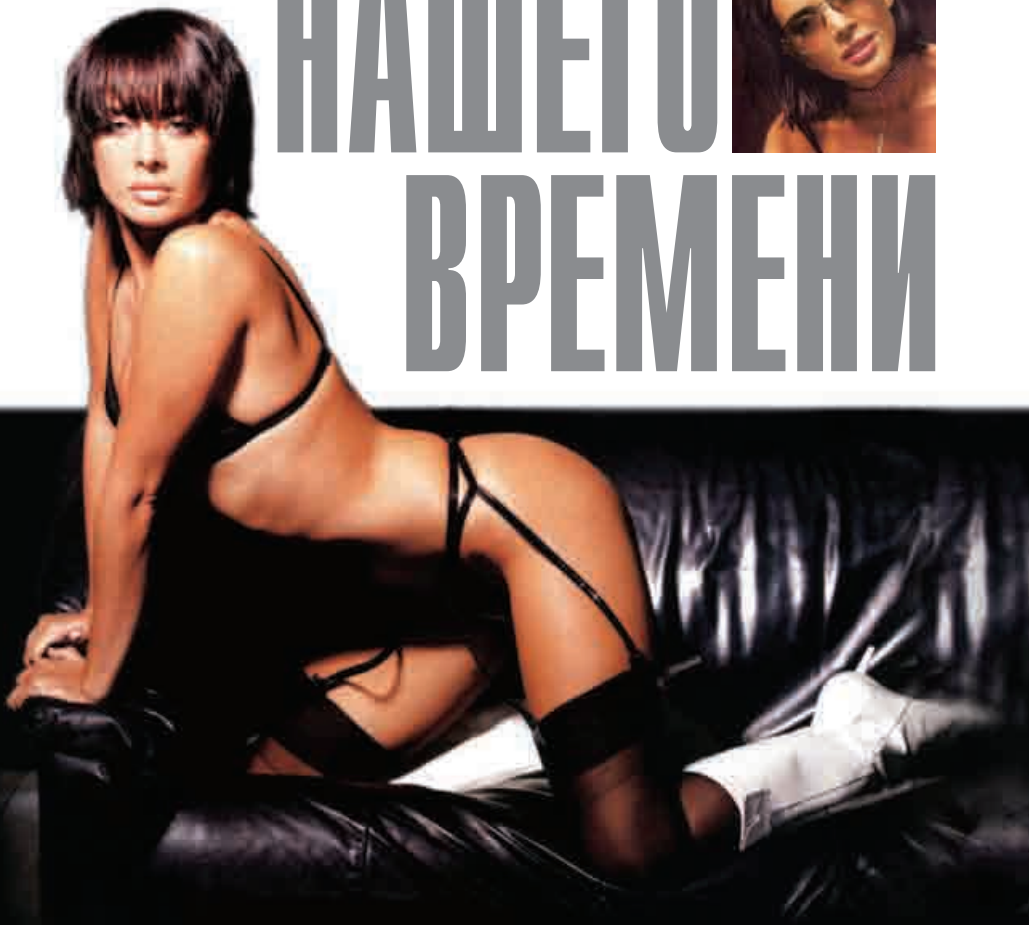
В OLED вкладываются миллионы долларов, ведь это огромный рынок, который в сотни раз перекроет все расходы только за счет универсальности, не говоря уже о массовой доступности. Не будет удивительно, если 20" монитор упадет в цене до 100 зеленых или чуть дороже, при этом он с легкостью даст фору сегодняшним профессиональным моделям. Сейчас в это верится с трудом, но кто в начале 90-х верил, что ЖК станет настолько недорогим, или в то, что «крутой» процессор можно продавать за 200—400 зеленых. Все течет, все изменяется, поэтому всегда приходится привыкать и подстраиваться под что-то современное. Главное — не зацикливаться и не привыкать к чему-то слишком сильно, иначе процесс перехода дастся очень трудно, либо вообще не увенчается успехом. Поживем — увидим... □

Анжелика Подоляк

Что такое
шоу-бизнес?
Искусство
делать деньги
на «творчестве»,
доведя его
до уровня
конвейера.

Терошья

**НАШЕГО
ВРЕМЕНИ**

Современная музыкальная индустрия сама загнала себя в жесткие рамки — новомодные дарования появляются очень быстро, а еще быстрее угасают. Поэтому, чтобы держаться на плаву, продюсерам постоянно приходится менять потерявших популярность «звезд» на новых. В музыке отличий, может, и не будет, зато появляется новый человек, к которому всеми возможными способами привлекают внимание.

Интересно, как бы существовал наш замечательный шоу-бизнес без СМИ? Откуда еще мы узнаем сплетни, факты, да и вообще все о людях, которых, в общем-то, не видим, не знаем, а иногда и не слышим. Откуда, как не из хит-парада, идет информация, что тот или иной исполнитель популярен. Сказано с экрана — значит, так оно и есть. Смотрящий или слушающий никогда не задумается — правда это или нет.

К примеру, сегодняшнюю героиню нашей «программы» вы узнали благодаря радио, прессе и телевидению, а именно — Жанну Фриске. Услышав ее имя, на ум приходит множество ассоциаций: «Блестящие», «Ночной Дозор», «Ла-ла-ла» и другие. Разложим все по

полочкам и сделаем для себя определенные выводы.

Следуем традициям

Родилась Жанна в Москве 8 июля 1974 года, и сейчас ей 31 год. Уже солидный возраст для современной сцены. Но это не мешает певице выглядеть не хуже 18-летних. За плечами Фриске, говоря про образование, только школа и два незаконченных вуза (Московский институт культуры, отделение хореографии и заочное отделение факультета журналистики МГУ). Видимо, в учебе певица себя не нашла, но на карьере это, как видно, не отразилось. До того, как окунуться в «море» музыкальной индустрии, Жанна работала менеджером по продажам офисной мебели в одной из московских

чать — отдыхать не приходится, поэтому самое любимое хобби певицы — сон.

То, о чем не было сказано выше

Как и любой девушке, Жанне хочется любви и ласки, но пока не нашелся тот «принц на белом коне», с которым девушка связала бы свою жизнь. Мечты о доме, детях, романтике и безмятежном счастье — уже не такие яркие, как раньше. Впрочем, встречи с молодыми людьми происходят всегда. С кем-то — хорошо, с кем-то — скучно. Певица никогда не была обделена мужским вниманием. Если раньше на каждом свидании хотелось выглядеть идеально (посещала салон красоты, переворачивала весь гардероб в поисках того, что будет хорошо смотреться «этим вечером»), то сейчас пыл поубавился — встречи не вызывают такого ажиотажа. Любой охладеет после множества неудачных попыток устроить свое счастье.

фирм, а также вела занятия по пластике для взрослых. Все бы так и продолжалось, если бы девушка не желала чего-то большего. По складу она человек уравновешенный и спокойный, но если выпадет случай, то его не упустит.

Жанна до сих пор не замужем, и одиночество ей скрашивают хорошие друзья и любимая собака. Хотя при таком насыщенном графике работы — не то, что ску-

Фриске никогда не афиширует личную жизнь. Во-первых, это правильно, а во-вторых, кому какое дело до того, чем занимается знаменитость — она тоже имеет право на невмешательство в личную жизнь. К сожалению, публичный человек живет «на виду», так как журналисты всегда добудут настолько подробную информацию, что остается только развести руками и сказать: «Вах, как много вы знаете».

«Караоке по-русски»

Карьеру в качестве певицы Жанна начала во втором составе группы «Блестящие» в 1996 году. За семь лет Фриске зарекомендовала себя как эффектная и пробивная девушка. Будучи еще в составе группы, она начала записывать материал для будущего сольного альбома. Покинув коллектив в 2003 году, она полностью посвятила себя карьере.

Дебютный релиз появился только в 2005-м. Альбом ждали многие с нетерпением, надеясь услышать композиции не хуже беспспорных хитов «Ла-ла-ла» и «Где-то летом». После прослушивания мнения сильно разошлись: те, кто любит Жанну, считают, что ничего лучше они

не слышали, а равнодушные к ней сошлись на том, что у певицы только две песни и больше ничего.

Две упомянутые композиции выдержаны в одном стиле. Легкие и запоминающиеся мотивы, которые не оставляют равнодушным.

Герой нашего времени

Жанна прославилась не только как певица, но еще и как участница популярного телепроекта «Последний герой». Ей довелось трижды посетить «легендарный» остров. С непривычки очень тяжело, но как школа выживания — место идеальное. Те, кто смотрел шоу, знают, насколько трудные испытания предстояло пройти участникам. К сожалению, камера не способна передать абсолютно

все, что видели и чувствовали герои. У Жанны накопилось множество впечатлений. Несмотря на сложности, ужасы и неприятные последствия, ей искренне понравилось. К неприятным моментам можно отнести «сгоревшие» волосы на солнце и многочисленные ожоги на теле. В борьбе за тотем в различных соревнованиях Жанна получила несколько травм (ушибы, сломанный ноготь). Серьезным последствием оказалась рана с нагноением на ноге, которой уделили недостаточно внимания, когда Фриске принимала участие в «Последнем герое-4». По приезде в Москву потребовалась срочная операция, так как при ходьбе ощущалась резкая боль.

Сложно переживала «последняя героиня» отсутствие гигиенических средств и простых «мирских» мелочей. Неоднократное участие дало полезный опыт,

и Жанна легко входила в образ и начинала «играть». При «робинзоновских» условиях приходилось бороться за выживание, и у нее это получилось.

«Смазливая ведьмочка»

Фриске проявила себя еще и в актерском деле, снявшись в нашумевшей саге по мотивам книг С. Лукьяненко. В «Ночном Дозоре» роль дали незначительную и немногословную, но достаточную, что-

рисковала жизнью, исполняя некоторые трюки (особенно, когда ей пришлось управлять спортивной «маздой»). Естественно, дублерам нашлась работа, но только в тех моментах, где певица точно не справилась бы.

По мнению многих, она настолько вжилась в образ, что при встрече с ней по спине пробегали мурашки. На эту тему друзья Жанны неоднократно шутили над ней.

Каким бы ни оказалось успешным исполнение роли, начинающая актриса не считает себя профессионалом в этой области. На роль выбирали не только из одной Фриске, были еще Т. Ларсен (телеведущая) и Е. Перова (певица). Если в будущем поступят предложения принять участие в любом другом фильме, естественно, Жанна не откажется.

бы ее запомнили. После премьерного показа к Жанне прилигло прозвище «ведьма», хотя ее героиня и была на стороне темных сил, все же ее наделили человеческими чертами. Во второй серии («Дневной Дозор») роль оказалась более насыщенной. Во время съемок Фриске

Глобальный шопинг

Что может доставить большее удовольствие, чем путешествия в незнакомую страну? Сколько впереди ждет приключений и тайн! Певица обожает путешествовать, и вряд ли найдется страна, где не ступала нога звезды. Ей интересно знакомиться с культурами других стран, а особенно посещать достопримечательности. Мир для Жанны настолько мал, что ей ничего не стоит поехать закупать одежду, например, во Францию. Она объясняет это тем, что каждой стране присуще что-то свое, и то, что есть в одной, нельзя купить в другой. Получается «глобальный шопинг». Знаменитостям присущи моменты, которые могут быть не понятны простому человеку, но если есть средства, почему бы и не потратить их на что-то приятное.

Припев и затухание

Жанна предстает перед нами как универсальная девушка: пе-

вица, актриса, участница популярного шоу и так далее. Стоит также отметить ее страсть к эффектным нарядам. Еще в группе «Блестящие» она прославилась как любительница и специалист по шокирующим нарядам. Почти как Шер. Фриске считает себя профессионалом, поэтому даже появление обнаженной перед камерами для нее не считается зазорным. Определенный дискомфорт, конечно, есть, но после многочисленных съемок он исчезает, и на его место приходит мысль, что это только работа.

Популярности певицы и ее достижениям остается только позавидовать... □

Были бы Крылья...

К 1992 году в нашей авиации сложилась достаточно интересная картина. Годовой объем пассажироперевозок был на уровне зарубежных авиакомпаний. Действовала четко отлаженная система замены морально устаревшего парка воздушных судов на новые, прогрессивные летательные аппараты: каждый год списывалось до 500 единиц техники, столько же приходило новой. В очереди на внедрение в эксплуатацию стояли новые типы воздушных судов, такие как: Ту-204, Ил-96, Ту-334, Ил-114.

В общем, картина — на загляденье. Вот только...

...все изменила революция

Прошло двенадцать лет.

Общий годовой объем пассажироперевозок упал в шесть раз. «Аэрофлот» растащили на множество мелких авиакомпаний. Парк устаревал. Списывалось около 400 самолетов в год, а поступало — 10—12... Рассчитано, что для возврата на рубежи 1992 года стране необходимо получить около 500 новых магистральных лайнеров.

В принципе, это выполнимая задача. Однако с развалом СССР чудесным образом развалилась и мощнейшая структура — Министерство гражданской авиации, за ней — Министерство авиационной промышленности. Они просто оказались не готовы к капитализму в российских условиях. Нищенские зарплаты

заставили идти опытных и квалифицированных рабочих и инженеров работать сторожами, торговцами — туда, где можно было заработать деньги. В результате этого авиапром на сегодняшний день способен производить очень ограниченное число самолетов. Но даже то, что он производит, теряет свою конкурентоспособность день ото дня. Ведь это разработки, в лучшем случае, начала девяностых. И, как ни парадоксально, стоят они дороже «Боингов» и «Аэробусов», продающихся в лизинг. Отечественная лизинговая программа тоже существует... только, лучше бы её вовсе не было.

Есть похожий опыт

Похожие ситуации возникают не только в нашей стране. Несколько раз подобные кризисы поражали и США. Но американцы достаточно успешно боролись с проблемой путём продажи старых самолетов в третьи страны, у которых не было своей гражданской авиации. Такой же кризис у них назревает и сейчас, вот только теперь они сдают свои старые самолеты уже в... Россию.

Единственное отличие ситуации на Западе заключается в том, что их правительства сознательно (или бессознательно) никогда не ставили на колени своих

производителей, а, наоборот, только их поддерживали. В результате, у зарубежных самолетов и ресурсы выше, и соотношение цены к качеству лучше. Новые модели, опять же, в два — три раза быстрее, чем у нас, разрабатываются.

Что же в активе?

При таком положении складывается достаточно нерадостная перспектива —

через десять, максимум пятнадцать лет все наши отечественные самолеты станут историей, а мы будем летать на «Боингах» и «Аэробусах».

Видимо, вдруг осознав всю глубину проблемы, правительство огласило целевую программу развития отечественной гражданской авиации вплоть до 2010 года. Согласно этой программе, за ближайшие пять лет Россией должно быть произведено две сотни магистральных, три сотни региональных, порядка восьмидесяти грузовых самолетов, и около трех сотен вертолетов. При простейших подсчетах получаем, что в год Россия должна производить около сотни летательных аппаратов. На данный момент такими темпами и не пахнет. Что делать?

Планируется создание некоего концерна, который очень упрощенно можно разделить на три уровня.

Первый — головная компания, которая будет осуществлять маркетинг и менеджмент, то, чего сейчас так остро не хватает большинству производителей отечественной авиационной техники.

Второй — Дивизионы и Субхолдинги. Здесь должно происходить разделение на гражданскую авиацию, ВВС и транспортную авиацию. Основная задача этого

уровня — создание, сборка и испытания авиационной техники.

Третий — специализированные заводы, производящие комплектующие и запасные части.

На первый взгляд, очень разумный подход. Консолидация усилий призвана создать мощный кулак, способный противостоять крупнейшим мировым производителям авиационной техники. Правда, у любого здравомыслящего человека возникает резонный вопрос: «Зачем рушили хорошо отлаженную систему, чтобы после десятка лет метаний из огня да в полымя воссоздавать все ту же систему, только под новым названием?»

Эпилог

Картина вырисовывается мрачная, почти траурная. И это при том, что я не стал упоминать о многих проблемах эксплуатации, не стал копаться в грязном белье лоббирования некоторых иностранных проектов.

Но, несмотря на все сложности, наши конструкторские бюро умудряются производить новые типы летательных аппаратов, заводы и НИИ — поставлять новые комплектующие. В общем, идет очень медленный, но всё же рост. Однако перспективы всё равно отнюдь не радужные. Отрасль больна и больна серьезно. И путей выздоровления — два. Интенсивная и грамотная терапия или же долгое самовосстановление с возможностью осложнений. Веры отечественным докторам от экономики нет уже давно, так что, хотя бы не мешали лишний раз... □

Алина Гуринова

И

фото
Владимира
Чейшвили

Одним из самых зрелищных видов спорта по праву считается спортивная художественная гимнастика. Изысканность, легкость, грация, пластика, ловкость в обращении со спортивными снарядами и лучезарная улыбка — атрибуты, которые сопровождают выступление каждой гимнастки. Глядя на это великолепие, даже не задумываешься о том, сколько сюда вложено труда и усердия.

Изысканность, легкость, грация

В нашей стране спортивная художественная гимнастика возникла и сформировалась в сороковые годы прошлого века. За несколько лет тренировок гимнастки достигли таких успехов, что после их показательных выступлений в ряде стран Европы спортивная художественная гимнастика была признана не только советским видом спорта, но и международным. Начали проводиться крупнейшие соревнования на Кубок Интервидения, на приз газеты «Студенческая трибуна» и т.д. Принять участие в чемпионатах приезжали спортсменки из Франции, ФРГ, Италии и США. Вид спорта начал завоевывать популярность во всем мире. Значительный вклад внес в него французский физиолог и педагог художественной гимнастики Жорж Демени. Он доказал целесообразность применения динамических упражнений, упражнений на растягивание и расслабление мышц, танцевальных шагов, упражнений с предметами, способствующих гиб-

кости, ловкости, хорошей осанки, умению двигаться плавно и грациозно. Большая заслуга в разработке теории выразительного двигательного навыка принадлежит другому французскому педагогу — Франсуа Дельсарту. Изучая драматическое искусство, он пришел к выводу, что каждое переживание человека сопровождается определенными движениями тела. Следовательно, путем воспроизведения движений можно дать зрителю возможность прочувствовать эти переживания. Созданная Дельсартом программа «Грамматика художественного жеста» стала применяться в физическом воспитании и особенно при подготовке гимнастических выступлений, исполняемых с музыкальным сопровождением.

Закономерным итогом всех этих научных открытий и различных соревнований стало включение спортивной художественной гимнастики в программу Олимпийских игр.

Вообще, существуют три вида художественной гимнастики.

Основная — применяется в целях укрепления здоровья, совершенствования двигательных функций, осанки в детских садах, общеобразовательных школах, средних и высших учебных заведениях.

Прикладная — гимнастика, необходимая при подготовке артистов балета и цирка, спортсменов в акробатике, фигурном катании, синхронном плавании.

И, наконец, самая популярная — спортивная художественная гимнасти-

ка. Она представляет собой только женские соревнования. Спортсменки выполняют под музыку различные гимнастические и танцевальные упражнения с предметом (лентой, мячом, обручем, скакалкой, булавами) и без него. В программу выступления входят элементы классических, народных, историко-бытовых и современных танцев, акробатические упражнения, ритмика, элементы пантомимы, упражнения из других видов спорта.

Во время выполнения упражнений гимнастки используют всю площадь ковра. В работе со снарядами необходимо участие обеих рук. Снаряды должны пос-

законопослушание, уважение к собственным правам и чужим свободам. Основная мысль «Левосудие...» заключается в том, что право и беззаконие постоянно идут рука об руку, как добро и зло. Чтобы уметь отличать одно от другого, необходимо научиться уважать закон и выработать нетерпимость к правонарушениям, которые мы иногда не замечаем или делаем вид, что они нас не касаются.

— В каком жанре написана ваша книга? По какому принципу отбирались темы?

— Жанр можно назвать «смешанно-смешным». Местами я стараюсь говорить очень серьезно на смешные темы и тут же высмеивать самые серьезные вопросы. Особенно это касается вопросов, которым некоторые люди придают слишком большое значение. Например, слава, социальное положение или деньги. «Тот, кто стремится к деньгам, только с ними в конце концов и останется», — так сказал Соломон в своих библейских притчах. А слава и социальное положение тоже не более чем тлен, пепел и пыль, если человек, обладая ими, тратит жизнь и время на их укрепление, а не на пользу общества.

Книжка построена таким образом, что каждая главка, будучи самостоятельным размышлением на знакомую жизненную тему, так или иначе касается прав практической юриспруденции. Если речь идет о женщинах, без которых, как известно, «жить нельзя на свете...», то неизбежно вспоминаются дамы — юристы. Рассуждаю об автомобилях, без которых тоже нынче невозможно передвигаться в мегаполисе, и, естественно, вспоминаю о проблемах на дорогах. И так по различным сторонам нашей сложной жизни от работы до досуга.

— Как вы думаете, реально сделать Россию правовым государством? Что для этого нужно?

— Рецепт прост: откройте Конституцию, выучите свои права и свободы, за-

тем запомните обязанности. После этого научите всему этому ваших детей и внуков, а также близких и друзей. Если каждый сделает это, то через три поколения вопрос правовой безграмотности вообще исчезнет. Ведь в Конституции есть все необходимые для развития других законов положения.

— В предисловии к книге вы говорите, что осознали потребность стать на защиту граждан, прослужив в армии, сменив пару профессий, создав семью и родив двоих сыновей. Чем вы занимались до того, как стали адвокатом?

— До того, как стать адвокатом, я учился, служил в армии, строил страну и семью и мечтал найти свое призвание. Наконец, я почувствовал непреодолимую тягу помогать людям защищать свои права.

— Ваши коллеги-адвокаты читали вашу книгу «Правописные истины»? Их мнение?

— Те, кто мне симпатизирует — очень довольны, смеялись и благодарили. Остальные пока определяются... Некоторые даже цитируют и присылают мне по почте сообщения о том, что используют ее в своих произведениях, статьях, выступлениях, публикациях.

— Ваши дальнейшие творческие планы?

— Работать, работать и работать. Хочу приносить пользу и получаю от этого удовлетворение. Сейчас у меня в жизни наступил новый период, мне понравилось делиться с читателями своими соображениями по разным поводам, но, прежде всего, на юридические темы. Раз взял в руки перо, то уже не брошу. Продолжу писать о своих коллегах и профессии. Также буду продолжать цикл книг «Час суда» и «Защита для всех», хочу закончить наброски книги «Миротворец» и других.

— О чем вы мечтаете?

— Об обществе без преступлений и преступников. О мире без войн и болезней. О жизни без греха и обмана. □

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

